

ISSN 2079-0295

ВЛАСТЬ ЗАКОНА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 3 (27) 2016
Журнал «Власть Закона» выходит ежеквартально

SALUS POPULI SUPREMA LEX

Благо народа – высший закон (*лат.*)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации –
ПИ № ФС77-38792 от 8 февраля 2010 г.

**Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные ре-
зультаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата
наук, на соискание ученой степени доктора наук
(Распоряжение Минобрнауки РФ от 26.01.2016 № Р-4)**

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
Учредитель и издатель:

Автономная некоммерческая организация

**«Научно-исследовательский институт
актуальных проблем современного права»**

Сайт издателя: www.niiapsp.ru; e-mail: nii.pravo@gmail.com

Сайт журнала: www.vzlaw.ru; e-mail: vzlaw@yandex.ru

Подписано в печать 29.09.2016. Формат 70×100 1/16. Объем 15.1 п. л. Тираж 3000 экз.

При использовании материалов данного печатного издания
обязательна ссылка на источник публикации.

Мнения, высказанные в публикациях, размещенных в данном печатном издании,
являются субъективными позициями авторов относительно рассматриваемых ими
вопросов, за которые редакция журнала ответственности не несет.

© Власть закона, 2016

Главный редактор

Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», директор АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки Кубани.

Заместитель главного редактора

Руденко Евгения Юрьевна, к. ю. н., старший преподаватель кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».

Редакционный совет

Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный деятель науки Кубани.

Андреев Владимир Константинович, д. ю. н., профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (РГУП), заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН.

Белых Владимир Сергеевич, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», заслуженный деятель науки РФ.

Губин Евгений Парфирьевич, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. Ю. Ломоносова», заслуженный юрист РФ.

Диденко Анатолий Григорьевич, д. ю. н., профессор, профессор кафедры частно-правовых дисциплин Каспийского общественного университета (Казахстан).

Кохановская Елена Велеониновна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права АИН ВУЗ «Киевского национального университета им. Тараса Шевченко», член-корреспондент НАПрН Украины (Украина).

Кузнецова Ольга Анатольевна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

Лукьянцев Александр Анатольевич, д. ю. н., профессор кафедры гражданского права ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», заслуженный работник высшей школы РФ.

Малько Александр Васильевич, д. ю. н., профессор, директор Саратовского филиала ФГБУН «Институт государства и права РАН», заслуженный деятель науки РФ.

Муртазакулов Джамшед Саидалевич, д. ю. н., профессор кафедры гражданского права Таджикского национального университета.

Попондопуло Владимир Федорович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой коммерческого права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», заслуженный деятель науки РФ.

Турдуковский Ярослав Владимирович, доктор права, доцент кафедры коммерческого права Института гражданского права Варшавского университета (Польша).

Цыбуленко Зиновий Иванович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского и семейного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Редакционная коллегия

Лескова Юлия Геннадьевна, д. ю. н., профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина».

Барков Алексей Владимирович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин НОУ ВО «Московская академия экономики и права».

Вавилин Евгений Валерьевич, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», судья Высшего Арбитражного Суда РФ в отставке.

Дзидзоев Руслан Мухарбекович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

Долянская Владимира Владимировна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» (МГЮА).

Емелькина Ирина Александровна, д. ю. н., доцент, заведующая кафедрой гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва».

Иншакова Агнесса Олеговна, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права Института права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет».

Мичурин Евгений Александрович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры охраны интеллектуальной собственности, гражданско-правовых дисциплин Харьковского национального университета внутренних дел (Украина).

Молчанов Александр Александрович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД РФ».

Морозов Сергей Юрьевич, д. ю. н., профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет».

Параскевова Светлана Андреевна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».

Рузанова Валентина Дмитриевна, к. ю. н., доцент, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва».

Серова Ольга Александровна, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой гражданского права и процесса ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта».

Тужилова-Орданская Елена Марковна, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой гражданского права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет».

Тычинин Сергей Владимирович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Харитонова Юлия Сергеевна, д. ю. н., профессор, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра НОУ ВО «Московская академия экономики и права».

Editor-in-Chief

Kamyshansky Vladimir Pavlovich, Ph. D in Law, professor, head of the chair of civil law of FSBEI of HE «Kuban state agrarian university named after I. T. Trubilin», director of ANO «Scientific Research Institute of actual problems of modern law», Honorary worker of higher professional education of the RF, honored scientist of Kuban.

Deputy Chief Editor

Rudenko Evgenia Yurevna, Ph. D. (candidate) in Law, Lecturer of the chair of civil law of FSBEI of HE «Kuban state agrarian university named after I. T. Trubilin».

Editorial Council

Rasskazov Leonid Pavlovich, Ph. D. in Law, professor, head of the chair of theory and history of state and law of FSBEI of HE «Kuban state agrarian university named after I. T. Trubilin», Honorary worker of higher professional education of the RF, honored scientist of the RF, honored scientist of Kuban.

Andreev Vladimir Konstantinovich, Ph. D in Law, professor, head of the chair of civil law of FSBEI of HPE «Russian university of justice», honored scientist of the RF.

Belih Vladimir Sergeevich, Ph. D. in Law, professor, head of the chair of business law of FSBEI of HPE «Urals State Law University», honored scientist of the RF.

Gubin Evgenie Parfrevich, Ph. D in Law, professor, head of the chair of business law of FSEI of HE «Lomonosov M. U. Moscow state university».

Didenko Anatoly Grigorevich, Ph. D. in Law, professor of the chair of private law disciplines of Caspian public university (Kazakhstan).

Kokhanovskaya Elena Veleoninovna, Ph. D. in Law, professor of the chair of civil law of ARN HEI «Kyiv National University of Taras Shevchenko», corresponding member of the national academy of sciences of Ukraine (Ukraine).

Kuznetsova Olga Anatolevna, Ph. D. in Law, professor of the chair of civil law of FSBEI of HE «Perm state national research university».

Lukjantsev Alexander Anatolevich, Ph. D. in Law, professor of the chair of civil law of FSAEI of HE «South federal university», honored worker of higher school of the RF.

Malko Alexander Vasilevich, Ph. D. in Law, professor, director of Saratovbranch of FSBIS «Institute of state and law (Russian academy of science)», honored scientist of the RF.

Murtazaqulov Jamshed Saidalievich, Ph. D. in Law, professor of the chair of civil law of Law Faculty of Tajik National University.

Popondopulo Vladimir Fedorovich, Ph. D. in Law, professor, head of the chair of commercial law of FSBEI of HE «St.-Petersburg state university», honored scientist of the RF.

Turlukovskii Yaroslav Vladimirovich, (candidate) in Law, docent of commercial law of Institute of Civil Law at Warsaw University (Poland).

Cibulenko Zinovie Ivanovich, Ph. D. in Law, professor, professor of the chair of civil and family law of FSBEI of HPE «Saratov state law academy», honorary worker of higher professional education of the RF.

Editorial Board

- Leskova Julia Gennad'evna**, Ph. D in Law, professor of the chair of civil law of FSBEI of HE «Kuban state agrarian university named after I. T. Trubilin».
- Barkov Alexey Vladimirovich**, Ph. D. in Law, professor of the chair of civil law disciplines of NEI of HPE «Moscow academy of economics and law»
- Vavilin Evgenie Valerevich**, Ph. D. in Law, professor of the department of civil and international private law of FSBEI of HPE «Saratov state law academy», retired judge of Supreme Arbitration Court of the Russian Federation.
- Dzidzoev Ruslan Muharbekovich**, Ph. D. in Law, professor of the chair of constitutional law and municipal law of FSBEI of HE «Kuban state agrarian university named after I. T. Trubilin».
- Dolinskaya Vladimira Vladimirovna**, Ph. D. in Law, professor, professor of the chair of civil and family law of FSBEI of HE «Moscow state academy of law».
- Emelkina Irina Alexandrovna**, Ph. D. in Law, docent, head of the chair of civil law and process of FSBEI of HE «National Research Mordovia State University named after N. P. Ogarev».
- Inshakova Agnessa Olegovna**, Ph. D. in Law, professor, head of the department of civil and private international law FSBEI of HE «Volgograd State University».
- Michurin Evgenie Aleksandrovich**, Ph. D. in Law, professor, professor of the chair of intellectual property, civil disciplines of Kharkov national institute of internal affairs (Ukraine).
- Molchanov Alexander Aleksandrovich**, Ph. D. in Law, professor, professor of the chair of civil law and civil process of FSOEI of HE «St.-Petersburg university of Ministry of internal affairs of the RF».
- Morozov Sergey Jurevich**, Ph. D. in Law, docent, head of the chair of civil law and civil procedure of FSBEI of HE «Ulyanovsk state university».
- Paraskevova Svetlana Andreevna**, Ph. D. in Law, professor of the chair of civil law of FSBEI of HE «Kuban state agrarian university named after I. T. Trubilin».
- Ruzanova Valentina Dmitrievna**, Ph. D. (candidate) in Law, docent, head of the chair of civil law and business law of FSAEI of HE «Samara national research University named after academician S. P. Korolev».
- Serova Olga Alexandrovna**, Ph. D. in Law, docent, head of the chair of civil law and process of FSAEI of HPE «Immanuel Kant Baltic Federal University».
- Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna**, Ph. D. in Law, professor, head of the chair of civil law of FSAEI of HPE «Bashkir state university».
- Tychinin Sergey Vladimirovich**, Ph. D. in Law, professor, head of civil law and procedure of Law institute of FSAEI of HE «Belgorod state national research university».
- Haritonova Juliya Sergeevna**, Ph.D. in Law, the senior research assistant of Scientific research center of NEI of HE «Moscow academy of economic and law».

Содержание

Колонка главного редактора

<i>Камышанский В. П.</i> Пределы свободы и ограничения прав предпринимателей в условиях конкуренции.....	15
--	----

Актуальные проблемы современного права

<i>Дзидзоев Р. М., Аверьянова В. Р.</i> Первые конституционные документы на Кубани.....	28
<i>Потапенко С. В.</i> Гражданско-правовая судебная защита чести, достоинства и деловой репутации казаков Кубанского казачьего войска в современный период.....	38
<i>Квачева П. И., Багдасарян С. Д.</i> Теоретико-правовой аспект социальной обусловленности деятельности правосудия.....	52
<i>Лескова Ю. Г., Григорян В. С.</i> К вопросу о правовом статусе субъектов торговой деятельности: вопросы теории и практики.....	61
<i>Долгополов К. А., Магомедов Г. Б.</i> Проблемные вопросы назначения наказания за преступления против правосудия.....	73
<i>Зарубин А. В.</i> Выкуп доли как способ защиты преимущественного права покупки.....	81
<i>Камышанская С. В.</i> Свободное программное обеспечение и информационная безопасность Российской Федерации.....	87
<i>Коломиец Е. А.</i> О соотношении публичных и частных начал в имущественном обороте.....	96
<i>Руденко Е. Ю., Саенко Д. Г.</i> Актуальные проблемы наследования акций.....	102
<i>Ануфриева Е. А., Ладошкин А. С.</i> К вопросу о допустимости использования знаний криминалистики.....	

в сфере гражданского, арбитражного и административного судопроизводства.....	109
<i>Попова Л. И., Костенко О. С.</i> Право наследования на товарные знаки и знаки обслуживания	116

Юридическая наука и практика стран СНГ

<i>Муртазакулов Д. С., Серова О. А.</i> Интеграция законодательной модели исламского кредитования Республики Таджикистан в российское право: проблемы и перспективы	124
---	-----

Юридическая наука и практика Республики Крым

<i>Шармоянц А. Н.</i> Централизация и унификация управления гидрометеорологическим делом в СССР в начале 1930-х гг.	137
--	-----

Трибуна молодых ученых

<i>Каинов А. С.</i> Функции прокуратуры	150
<i>Варшавская Л. Ю.</i> Гражданско-правовое регулирование цены в сфере услуг ЖКХ.....	160
<i>Нестерова М. С.</i> Особенности совершения сделок, совершенных ограниченно дееспособным лицом.....	169
<i>Медяков Т. С.</i> Эффективность движения в праве	176
<i>Шайдуров И. В.</i> Приносящая доход деятельность в гражданском законодательстве России.....	199
<i>Чемеричко Л. С.</i> Особенности имущественных правоотношений с участием органов публичной власти и публично-правовых образований.....	207

Критика и рецензии

<i>Камышанский В. П., Марухно В. М.</i> Рецензия на монографию Ю. Н. Андреева «Соседские отношения	
--	--

в гражданском праве России: теория и практика» (М.: Издательство «Норма», 2016. 206 с.) ...	214
<i>Тужилова-Орданская Е. М., Параскевова С. А.</i> Рецензия на монографию «Современные проблемы приобретения и защиты прав участников гражданских отношений» / под ред. Г. С. Демидовой, Т. П. Подшивалова. М.: Юрлитинформ, 2015. 328 с.....	219
<i>Цыбуленко З. И., Ротань В. Г.</i> Рецензия на учебное издание Потапенко С. В., Зарубина А. В. «Настольная книга судьи по спорам о праве собственности» / под ред. С. В. Потапенко. М.: Проспект, 2016. 248 с.	226

Contents

Editor's column

<i>Kamyshansky V. P.</i> Limits of freedom and restrictions of entrepreneurs rights in a competitive environment.....	15
---	----

Actual problems of modern law

<i>Dzidzoev R. M., Averyanova V. R.</i> The first constitutional documents in Kuban.....	28
<i>Potapenko S. V.</i> Civil judicial protection of honor, dignity and business reputation of Cossacks of the Kuban Cossack army during modern period	38
<i>Kvacheva P. I., Bagdasaryan S. D.</i> Theoretical legal aspect of social conditionality of justice activity.....	52
<i>Leskova Y. G., Grigoryan V. S.</i> Legal status of trade parties: questions of theory and practice	61
<i>Dolgopolov K. A., Magomedov G. B.</i> Issues of sentencing for crimes against justice	73
<i>Zarubin A. V.</i> Redemption of shares as a method of protection of pre-emption right.....	81
<i>Kamyshanskaya S. V.</i> Free software and information security of the Russian Federation	87
<i>Kolomiyets E. A.</i> On ratio of public and private start in property turnover.....	96
<i>Rudenko E. Y., Saenko D. G.</i> Immediate problems of share inheritance	102
<i>Anufrieva E. A., Ladoshkin A. S.</i> On issue of admissibility of uses of criminalistics experiences in civil, arbitration and administrative court proceedings	109
<i>Popova L. I., Kostenko O. S.</i> Inheritance law on trademarks and service marks	116

Legal science and practice of CIS countries

- Murtazakulov D. S., Serova O. A.* Integration of the regulatory model of Islamic lending to the Republic of Tajikistan in the Russian law: problems and prospects 124

Legal science and practice of Republic of Crimea

- Sharmoyanc A. N.* Centralization and unification of management of hydro-meteorological concern in the USSR in the early 1930-th. 137

Young scientists' tribune

- Kainov A. S.* Functions of public prosecutor's office..... 150
Varshavskaya L. Y. Civil legal regulation of price in service trade of housing and public utilities 160
Nesterova M. S. Features of transaction concluding by a restricted capable person 169
Medyakov T. S. Movement efficiency in law 176
Shaydurov I. V. The bring in income activity in Russian civil law..... 199
Chemerichko L. S. Features of property right relations with participation of public authorities and public legal entities..... 207

Critique and Reviews

- Kamyshansky V. P., Marukhno V. M.* Review of monograph by Y. N. Andreyev «Neighbour relations in civil law of Russia: theory and practice» (M.: Norma publishing house, 2016. 206 p.) 214
Tuzhilov-Ordanskaya E. M., Paraskevova S. A. Review of monograph «Modern problems of acquisition and protection of rights of participants of civil relations» /under the editorship of G. S. Demidova, T. P. Podshivalov. M.: Yurlitinform, 2015. 328 p..219

Tsybulenko Z. I., Rotan V. G. Review of «Handbook of judges in disputes of ownership» / under the editorship of S. V. Potapenko. Moscow: Prospect, 2016. 248 p.226

Колонка главного редактора

Камышанский Владимир Павлович
заведующий кафедрой гражданского права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный
университет имени И. Т. Трубилина», директор АНО
«Научно-исследовательский институт актуальных проблем
современного права» доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник высшего профессионального
образования Российской Федерации,
заслуженный деятель науки Кубани
vpkam@rambler.ru

ПРЕДЕЛЫ СВОБОДЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНЦИИ

LIMITS OF FREEDOM AND RESTRICTIONS OF ENTREPRENEURS RIGHTS IN A COMPETITIVE ENVIRONMENT

В статье анализируются пределы осуществления и ограничения прав предпринимателей в условиях конкуренции на рынке товаров, работ и услуг. Обосновывается вывод о том, что предпринимательскую деятельность нельзя рассматривать по отношению к приносящей доход деятельности как часть общего, вид и род. Она не есть часть целого, а имеет собственно ей присущие квалифицирующие признаки. В отличие от

предпринимательской, деятельность, приносящая доходы, не предполагает в обязательном порядке получения прибыли. Государственные и муниципальные преференции следует рассматривать как ограничение прав на свободу доступа к рынкам товаров, работ и услуг; законодательное закрепление правил и критериев отбора субъектов гражданского оборота нуждается в дополнительных правовых гарантиях, способных наиболее эффективно использовать предоставляемые государством материальные блага для определенных социально значимых целей.

Ключевые слова: Свобода предпринимательства; ограничения прав предпринимателей; конкуренция в сфере предпринимательства; монополистическая деятельность; пределы субъективных прав; недобросовестная конкуренция; предпринимательская деятельность; приносящая доход деятельность; преференции государства.

The article analyzes the limits and restrictions of the rights of entrepreneurs in the competitive environment in the market of goods, works and services. The conclusion is that the business cannot be considered in relation to income-generating activities as part of a general view of all generations. It is not a part of the whole, but has its inherent aggravating circumstances. In contrast to the entrepreneurial activity in a gainful occupation does not imply necessarily profit. State and municipal preferences should be considered as a restriction of the right to freedom of access to markets for goods, works and services. It needs additional legal guarantees for legislative consolidation of the rules and criteria for the selection of civil turnover subjects capable of using material goods provided by the state is most effective for certain socially important purposes.

Keywords: Free enterprise; restrictions on the rights of entrepreneurs in the field of business competition; monopolistic activities; the limits of subjective rights; unfair competition; entrepreneurship; income generation; state preferences.

Введение санкций в отношении Российской Федерации и продолжающийся спад производства мировой экономики требуют новых подходов к правовому регулированию предпринимательской деятельности, обеспечению прав и законных интересов предпринимателей нормами национального и международного права. Для обеспечения благоприятных условий в развитии предпринимательства возрастает роль государства как защитника и гаранта законных интересов участников рыночных отношений, их конкурентоспособности. Свобода конкуренции, как осознанная необходимость, имеет свои определенные границы. В противном случае безграничная свобода одних может превратиться в произвол по отношению к другим участникам гражданского оборота. Эти границы постоянно ме-

няются. В связи с этим необходимо дальнейшее исследование границ пределов осуществления и ограничения свободы конкуренции в Российской Федерации с целью их оптимизации в интересах рыночной экономики.

Конкуренция в сфере предпринимательства призвана обеспечить наиболее благоприятные условия для развития рыночных отношений на рынке товаров, работ и услуг. Свобода конкуренции предполагает равные возможности для участников рынка в осуществлении предпринимательской деятельности. Вместе с тем декларированное законодательством равенство возможностей на практике зачастую наталкивается на действия, которые исключительно или в первую очередь отвечают интересам прав сильного, т.е. монополистам, либо лицам, принадлежащим к структурам сферы государственной власти или местного самоуправления.

Радикальное обновление Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) особенно в последние пять лет привело к нарастанию числа противоречий в гражданском законодательстве, поскольку внесение изменений в текст ГК РФ не всегда сопровождалось одновременно внесением соответствующих изменений в иные федеральные законы, регулирующие отношения, относящиеся к предмету гражданского права. В этой связи не является исключением и Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ¹ (далее Закон о защите конкуренции).

Согласно п. 7 ст. 4 Закона о защите конкуренции под конкуренцией принято понимать «соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке». К хозяйствующим субъектам в данном случае законодатель относит не только коммерческие, но и некоммерческие организации, осуществляющие деятельность, приносящую им доход. Из этого следует, что на общие условия обращения товаров, работ и услуг отдельно взятый участник не вправе воздействовать самостоятельно по собственной инициативе и исключительно в свою пользу. Такие действия подпадают под понятие «недобросовестная конкуренция».

В силу своей некоторой неопределенности нуждается в уточнении понятие недобросовестной конкуренции, закрепленное

¹ СЗ РФ. 31.07.2006. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.

в п. 9 ст. 4 Закона о защите конкуренции. Согласно тексту федерального закона недобросовестная конкуренция представляет собой «любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ *при осуществлении предпринимательской деятельности* (выделено мною – В.К.), противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям *добросовестности* (выделено мною – В.К.), разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам – конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации».

Такое нормативное закрепление определения недобросовестной конкуренции сужает сферу его распространения до отношений предпринимательства, а также несет в себе признак неопределенности, что позволяет толковать смысл этой правовой категории весьма широко в процессе правоприменения. В связи с этим нуждаются в уточнении следующие аспекты содержания нормативно закрепленного понятия недобросовестной конкуренции.

Во-первых, действия хозяйствующих субъектов, направленные на получение преимуществ, могут не иметь непосредственного отношения к предпринимательской деятельности. Например, распределение бюджетных мест среди образовательных учреждений в зависимости от формы собственности, а не уровня учебно-материальной базы, качества профессорско-преподавательского состава, востребованности выпускников работодателями ставит в неравное положение государственные и частные учебные заведения высшего образования. Однако эта деятельность не вписывается в устоявшееся представление о предпринимательской деятельности и недобросовестной конкуренции. Государственные и муниципальные преференции должны способствовать развитию конкуренции, стимулировать деятельность именно тех хозяйствующих субъектов, которые способны обеспечить наиболее эффективное использование бюджетных средств и иного государственного и муниципального имущества вне зависимости от их организационно-правовой формы и формы собственности¹.

¹ См.: Лапина Е. Б. Государственная поддержка конкурентной среды в аспекте эффективности государственных закупок // Юрист. 2014. N 5. С. 19.

К сожалению, буквальное толкование закрепленного в Законе понятия недобросовестной конкуренции не позволяет распространить защиту прав добросовестного участника рынка товаров, работ и услуг от действий недобросовестных конкурентов на отношения с участием целого ряда некоммерческих организаций. Дело в том, что их приносящая доход деятельность, разрешенная в силу закона, не является предпринимательской деятельностью и в силу этого не подпадает под действие Закона о защите конкуренции.

Например, образовательные учреждения, как некоммерческие организации, уже не могут заниматься предпринимательской деятельностью. В апреле 2014 года Государственной Думой РФ был принят очередной пакет изменений Гражданского кодекса РФ. На этот раз поправки коснулись общих положений о юридических лицах, закрепленных в главе 4 ГК РФ. Согласно принятым поправкам, целый ряд некоммерческих организаций теперь могут осуществлять не предпринимательскую, а приносящую доход деятельность. Для этого необходимо соблюсти следующие условия: во-первых, эта деятельность не должна противоречить уставным целям НКО, а во-вторых, виды этой деятельности должны быть предусмотрены в учредительных документах некоммерческой организации.

Следует отметить, что правовая природа приносящей доход деятельности достаточно подробно анализировалась в юридической литературе¹, что получило закрепление в ГК РФ в процессе его модернизации. Поскольку понятия «предпринимательская деятельность» и «приносящая доход деятельность» неравнозначные, возникла необходимость внести соответствующие изменения в редакцию закрепленного в Законе о защите конкуренции понятия «конкуренция». Предпринимательскую деятельность нельзя рассматривать по отношению к приносящей доход деятельности как часть общего, вид и род. Она не есть часть целого (общего), имеет свои присущие ей квалифицирующие признаки. Наличие прибыли всегда означает превышение доходов над понесенными в связи с этим расходами. В противном случае предприниматель-

¹ См.: Лескова Ю. Г. Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений. М.: Статут, 2013. С. 86; Лескова Ю.Г. Предпринимательская и приносящая доход деятельность некоммерческих организаций // Цивилист. 2009. № 2. С. 27-30.

ская деятельности теряет всякий смысл как деятельность, направленная на систематическое извлечение прибыли.

Согласно п. 1 ст. 2 ГК РФ предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. Предпринимательская деятельность характеризуется наличием риска и системности получения прибыли от своей деятельности.

В отличие от предпринимательской деятельности приносящая доходы деятельность не предполагает в обязательном порядке получения прибыли. Расходы могут превышать доходы, вследствие чего приносящая доход деятельность может оказаться и планоубыточной изначально, либо на каком-то этапе, либо в отношении определенного круга лиц, либо в силу ее социальной значимости. Эта деятельность может не носить системного характера.

Некоммерческая организация может осуществлять несколько видов деятельности, не запрещенных законодательством Российской Федерации и соответствующих целям ее деятельности, закрепленным в учредительных документах (п. 1 ст. 24 «Виды деятельности некоммерческой организации» ФЗ РФ «О некоммерческих организациях»).

Основной деятельностью бюджетного и казенного учреждений признается деятельность, непосредственно направленная на достижение целей, ради которых они созданы. Исчерпывающий перечень видов деятельности, которые бюджетные и казенные учреждения могут осуществлять в соответствии с целями их создания, определяется учредительными документами учреждений.

Законодательством Российской Федерации могут устанавливаться ограничения на виды деятельности, которыми вправе заниматься некоммерческие организации отдельных видов, а в части учреждений, в том числе, отдельных типов. Так согласно ч. 2 п. 2, 3 ст. 298 ГК РФ автономное и бюджетное учреждение в равной мере вправе осуществлять приносящую доходы деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых оно создано, и соответствующую этим целям, при условии, что такая деятельность указана в его учредительных документах. Доходы, полученные от такой деятельности, и приобре-

тенное за счет этих доходов имущество поступают в самостоятельное распоряжение автономного или бюджетного учреждений.

Казенное учреждение может осуществлять приносящую доходы деятельность в соответствии со своими учредительными документами. Доходы, полученные от указанной деятельности, поступают в соответствующий бюджет бюджетной системы Российской Федерации (ч. 2 п. 4 ст. 298 ГК РФ). При этом в отличие от бюджетных и автономных учреждений для казенного учреждения приносящая доходы деятельность не ограничена исключительно целями его создания. Главное, чтобы эти виды приносящей доходы деятельности соответствовали учредительным документам.

В отличие от казенного учреждения, в отношении которого приносящая доходы деятельность не должна соответствовать его учредительным документам, частное учреждение вправе осуществлять приносящую доходы деятельность только в случае, если такое право прямо предусмотрено в его учредительном документе.

Как следует из ГК РФ, все типы учреждений могут заниматься приносящей доходы деятельностью и не могут заниматься предпринимательской деятельностью. Это означает, что осуществляемая ими приносящая доходы деятельность вне зависимости от характера ее содержания не может быть квалифицирована как недобросовестная конкуренция по формальному признаку, поскольку она не является предпринимательской деятельностью.

Во-вторых, законодатель связывает понятие недобросовестной конкуренции с такими оценочными категориями как добропорядочность, разумность и справедливость. Как нам представляется, оценочные категории всегда привносят некоторую неопределенность при оценке действий любого субъекта гражданского оборота, в том числе и применительно к правилам о соблюдении конкуренции на рынке товаров, работ и услуг. Вызывает определенные сомнения относительно целесообразности закрепления в понятии «недобросовестная конкуренция» для раскрытия его содержания категории «добропорядочность». На наш взгляд, эту категорию следует заменить на устоявшуюся в гражданском праве категорию «добросовестность». Согласно п. 3 ст. 1 ГК РФ «при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно». Не добропорядочность, а именно добросовестность участни-

ков гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются и в других нормах ГК РФ (п. 5 ст. 10 ГК РФ).

Законодатель посчитал целесообразным выделить следующие признаки ограничения конкуренции (п. 17 ст. 4 Закона о конкуренции):

- сокращение числа хозяйствующих субъектов, не входящих в одну группу лиц, на товарном рынке; рост или снижение цены товара, не связанные с соответствующими изменениями иных общих условий обращения товара на товарном рынке; отказ хозяйствующих субъектов, не входящих в одну группу лиц, от самостоятельных действий на товарном рынке; определение общих условий обращения товара на товарном рынке соглашением между хозяйствующими субъектами или в соответствии с обязательными для исполнения ими указаниями иного лица либо в результате согласования хозяйствующими субъектами, не входящими в одну группу лиц, своих действий на товарном рынке; иные обстоятельства, создающие возможность для хозяйствующего субъекта или нескольких хозяйствующих субъектов в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товара на товарном рынке; установление органами государственной власти, органами местного самоуправления, организациями, участвующими в предоставлении государственных или муниципальных услуг, при участии в предоставлении таких услуг требований к товарам или к хозяйствующим субъектам, не предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Как нам представляется, этот перечень следует дополнить, как минимум, еще одним пунктом. Речь идет о некоторой конкретизации такого признака ограничения конкуренции, как иных обстоятельств, создающих возможность для хозяйствующего субъекта или нескольких хозяйствующих субъектов в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товара на товарном рынке. Такая возможность может возникнуть у хозяйствующих субъектов при необоснованном предоставлении им государственных или муниципальных преференций, предусмотренных п. 20 ст. 4 Закона о защите конкуренции.

Ограничением права на свободу доступа к рынкам товаров, работ и услуг следует рассматривать государственные и муниципальные преференции. Дело в том, что лица, не получившие преференции, оказываются в неравных условиях по отношению к тем участникам гражданского оборота, которые получили государственные и муниципальные преференции. «Государственные

или муниципальные преференции – предоставление федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, иными осуществляющими функции указанных органов органами или организациями отдельным хозяйствующим субъектам преимущества, которое обеспечивает им более выгодные условия деятельности, путем передачи государственного или муниципального имущества, иных объектов гражданских прав либо путем предоставления имущественных льгот, государственных или муниципальных гарантий» (п. 20 ст. 4 Закона о конкуренции).

Согласно п. 1 ст. 19 Закона о защите конкуренции государственные или муниципальные преференции могут быть предоставлены непосредственно на основании правовых актов федерального органа исполнительной власти, органа государственной власти субъекта Российской Федерации, органа местного самоуправления исключительно для достижения целей, исчерпывающий перечень которых закреплен в указанной статье (всего 15 целей). По своему характеру речь идет о социально значимых сферах (наука, образование, здравоохранение, культура, сельское хозяйство, поддержка малого и среднего бизнеса и пр.).

Предоставление преференций для указанных целей допускается только с предварительного письменного согласия антимонопольного органа. К сожалению, такого рода гарантии справедливости распределения преференций пока, как показывает практика, явно недостаточно¹.

Более того, в целом ряде случаев такого согласия антимонопольного органа для предоставления государственных и муниципальных преференций совсем не требуется. Например, когда преференции предоставляются на основании федерального закона, правового акта Президента Российской Федерации, правового акта Правительства Российской Федерации, законов субъектов Российской Федерации о бюджете, нормативных правовых актов органов местного самоуправления о бюджете, содержащих либо устанавливающих порядок определения размера государственной или муниципальной преференции и ее конкретного получателя

¹ Возьмем, к примеру, совершенно непрозрачную практику докапитализации ликвидности системообразующих коммерческих банков за счет фонда национального благосостояния РФ, предоставление бюджетных мест для поступающих в образовательные учреждения, распределение различного рода грантов и пр.

(пп. 1 п. 3 ст. 19 Закона о защите конкуренции). Такие возможности возникают и на основе государственных программ Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных программ, содержащих мероприятия, направленные на развитие малого и среднего предпринимательства (пп. 4 п. 3 ст. 19 Закона о защите конкуренции).

Такая практика распределения государственных и муниципальных преференций существенно повышает коррупционную составляющую регулируемых отношений. В связи с этим нуждается в дополнительных правовых гарантиях законодательное закрепление правил и критериев отбора субъектов гражданского оборота, способных наиболее эффективно использовать предоставляемые государством материальные блага для определенных социально значимых целей¹.

В настоящее время отсутствует гибкая и эффективная государственная политика в сфере предоставления преференций. Действующая система преференций не позволяет обеспечить справедливость перераспределения бюджетных средств в пользу наиболее способных эффективно использовать их по целевому назначению². Чаще преференции предоставляются определенным категориям лиц вне зависимости от степени их нуждаемости и наличия возможностей реализовать преференции наиболее эффективным образом. Один из путей решения этой проблемы видится в более активном привлечении представителей общественного контроля. Обоснованность предоставления государственных и муниципальных преференций, а также и то, каким образом осуществляется их поэтапная реализация, целесообразно поручить наиболее авторитетным и пользующимся доверием представителям науки, образования, здравоохранения, культуры.

Библиографический список

1. Лескова Ю. Г. Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений. М.: Статут, 2013. 384 с.

¹ См.: Кабанова И. Е. Проконкурентная и антиконкурентная деятельность публичных субъектов: элементы характеристики // Юрист. 2015. № 18. С. 5.

² См.: Карасевич М. С. Содержание преференций и их влияние на формирование правосознания // Пробелы в российском законодательстве. М.: Медиа-ВАК, 2012. № 5. С. 121-125.

2. *Кабанова И. Е.* Проконкурентная и антиконкурентная деятельность публичных субъектов: элементы характеристики // Юрист. 2015. № 18. С. 4–9.
3. *Лапина Е. Б.* Государственная поддержка конкурентной среды в аспекте эффективности государственных закупок // Юрист. 2014. № 5. С. 18–22.
3. *Лескова Ю. Г.* Предпринимательская и приносящая доход деятельность некоммерческих организаций // Цивилист. 2009. № 2. С. 27–30.

Раздел

Актуальные проблемы современного права

Р. М. Дзидзоев

профессор кафедры
конституционного и муниципаль-
ного права ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный университет»
доктор юридических наук
const@law.kubsu.ru

В. Р. Аверьянова

руководитель Центра организации
научно-исследовательских работ
Краснодарского кооперативного
института (филиал) АНО
ОВО Центрсоюза РФ «Российский
университет кооперации»
v.r.averian@rucoop.ru

**ПЕРВЫЕ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ДОКУМЕНТЫ
НА КУБАНИ**

**THE FIRST CONSTITUTIONAL DOCUMENTS
IN KUBAN**

В статье приводится политико-правовая оценка первым учредительным и конституционным документам на Кубани, принятым после Февральской революции 1917 г., а также формам государственного правления, сложившимся в крае после ликвидации самодержавного режима. Делается вывод о том, что новое издание «кубанской конституции» в большей мере учитывало интересы неказачьего населения, поскольку недовольство иногородних односторонностью прежней «кубанской конституции» побудили комиссию по самоуправлению самостоятельно представить Законодательной Раде новые Временные основные положения о высших органах власти в Кубанском крае. Эти временные основные положения, однако, не получили своей практической реали-

защией в виду захвата Кубани большевиками, упразднившими акты прежних краевых органов власти.

Ключевые слова: Февральская революция; казачье самоуправление; региональная государственность; форма правления; парламентаризм; избирательное право; разделение властей; формы государственного управления

The article provides political and legal assessment of the first constituent and constitutional documents of Kuban, adopted after the February Revolution of 1917, as well as of the forms of government prevailed in the region after the elimination of autocratic regime. The conclusion is that the new edition of «Kuban constitution» took greater account the interests of non-Cossack population as dissatisfaction of nonresidents by the one-sidedness of the former «Kuban constitution» prompted the autonomy commission to submit independently the new temporary basic provisions of the higher authorities in the Kuban region to the Legislative Parliament. These temporary basic provisions, however, have not received their practical implementation because of capture of Kuban by Bolsheviks, who abolished the acts of the former regional authorities.

Keywords: February Revolution; Cossack autonomy; regional statehood; form of government; parliamentarism; suffrage; separation of powers; form of state government.

Формирование региональной государственности на Кубани связано с Февральской революцией 1917 г., упразднившей монархический режим. В период 1917 г. происходит становление самостоятельной кубанской государственности, оформленной рядом конституционно-учредительных актов. К их числу следует отнести **Временное положение об управлении Кубанским казачьим войском**, утвержденное Войсковым правительством Кубанской области 17 июня 1917 г.

Согласно этому Положению во главе управления «войском» (то есть, по существу, всем краем) стояла Войсковая Рада, избиравшая на срок своих полномочий Войсковое Правительство и Войсковой Контроль.

Войсковое Правительство в своей деятельности должно было руководствоваться указаниями, постановлениями и распоряжениями Войсковой Рады и центрального Временного Правительства.

Войсковое Правительство состояло из членов, избираемых Радой, и Начальника Войскового Штаба. Войсковое правительство избирало из своего состава председателя, его товарища (т.е. заместителя) и секретаря.

Примечательно, что в организации государственной власти согласно названному Положению использовались определенные элементы парламентаризма, в частности, парламентское недоверие правительству как форма парламентского контроля. Так, выражение большинством 2/3 Рады мотивированного недоверия одному из членов Войскового Правительства или всему составу последнего, обязывало тех, «кого касается вотум недоверия, немедленно сложить свои полномочия, дав возможность той же Раде произвести новые выборы». Данные положения конструировали институт парламентского недоверия правительству в его жесткой форме, предполагающей обязательную отставку правительства либо его отдельных членов при персональном недоверии. Правительственная ответственность перед представительством, таким образом, носила комплексный характер, допускающий как ответственность солидарную, так и индивидуальную.

Положение от 17 июня 1917 г. не предусматривало наличие в крае единоличной власти, однозначно и официально упраздняя должности Наказного Атамана, Начальника области и их помощников (на чем настаивало иногороднее население). Войсковые и казачьи дела, подлежащие их ведению, распределялись между Войсковым Правительством, Начальником Штаба, Инспектором Войска и Войсковым Хозяйственным Правлением. Эту меру можно было считать достаточно радикальной, учитывая традиционное наличие на Кубани сильной единоличной власти, имевшей историческое оправдание.

Положение вводило элементы парламентского контроля, осуществляемого органом, называемым «Войсковой контроль», подчиненным только Войсковой Раде, которой он был подотчетен. Войсковому контролю предоставлялось право ревизии деятельности всех исполнительных органов, должностных лиц, учреждений и предприятий войска, которые обязывались «предоставить ему все свое делопроизводство и дать возможность ознакомления со своей фактической деятельностью»¹.

О полном парламентаризме, однако, говорить не приходится. Во-первых, деятельность названных органов краевой власти

¹ Свободная Кубань. 1917. 29 июня.

декларировалась только как временная, преходящая; во-вторых, отсутствовал системный институциональный набор парламентаризма, предполагающий связанную совокупность конституционно-правовых институтов, обеспечивающих разделение и баланс ветвей государственной власти. Речь могла идти только об отдельных проявлениях демократического государственного правления, которое, ввиду отсутствия должности единоличного главы исполнительной власти, условно можно было назвать парламентской республикой.

Следующим актом конституционного свойства явились **Временные положения о высших органах власти в Кубанском крае**, принятые Войсковой Радой 7 октября 1917 г.

Название этого акта свидетельствовало об изменении официального наименования региона, ставшего теперь краем, что, по-видимому, имело целью повысить государственно-правовой статус Кубани в качестве составной части России.

Эти положения, устанавливающие определенный государственный режим в крае, должны были действовать до издания Всероссийским Учредительным Собранием основных законов.

Схема государственной власти на Кубани основывалась на уже признанных политико-правовых посылах, включавших представительное правление и массовое избирательное право.

Верховным органом власти с функциями учредительного свойства называлась Кубанская Краевая Рада, избираемая населением из расчета: один депутат на пять тысяч населения. Населенный пункт с числом жителей менее пяти тысяч, но имеющий самостоятельный орган самоуправления, избирал в Краевую Раду одного представителя.

Активное избирательное право предоставлялось «гражданам Кубанской области», достигшим 20-ти лет, на основании всеобщего (без различия пола), прямого, равного и тайного избирательного права.

Военнослужащие могли принимать участие в выборах на общих основаниях по месту нахождения военной части или учреждения, в которых они состояли на службе.

Высшим законодательным органом в Кубанском крае называлась Кубанская Законодательная Рада, полномочная издавать законы, касающиеся всего Кубанского края, рассматривать и утверждать краевой бюджет, избирать Контролера и представителя края при Центральном Правительстве, обсуждать запросы о деятельности Кубанского правительства, созывать Краевую Раду.

Деятельность Законодательной Рады носила сессионный порядок и состояла из сессий – осенней, весенней и чрезвычайных. Время открытия весенней и осенней сессий определялось самой Радой, чрезвычайные сессии должны были созываться Кубанским Правительством по его постановлению, а равно по заявлению абсолютного большинства членов Законодательной Рады.

Первая Законодательная Рада избиралась по норме один депутат на 20000 населения. Срок полномочий первой Законодательной Рады устанавливался до утверждения Всероссийским Учредительным Собранием основных законов Государства Российского «как Федеративно-Демократической Республики», но не более трех лет.

Высшим органом исполнительной власти в крае называлось Кубанское Правительство, образуемое в составе председателя и 10 членов, управляющих различными ведомствами, между которыми были распределены: дела гражданского управления, военное дело, финансы, продовольствие (снабжение), юстиция, торговля и промышленность, пути сообщения, народное здравие; имелся также и секретарь Правительства. На положении членов Правительства находились (но в состав его не входили) Контролер и представитель края при центральном Временном Правительстве.

В компетенцию Кубанского Правительства входило: составление краевого бюджета и представление его с заключением Контролера на утверждение Законодательной Рады; обсуждение вопроса о разработке новых законов; внесение законопроектов на утверждение Законодательной Рады; «наблюдение за успешностью и планомерностью деятельности ведомств».

Временные положения конституировали контрольную власть в лице Кубанского Контролера, который сам, а также через подведомственных ему и им назначаемых чинов производил ревизию доходов и расходов всех органов исполнительной власти края, знакомился с их фактической работой в сфере финансово-хозяйственной деятельности и о результатах ревизии доводил до сведения Законодательной Рады.

Временные положения о высших органах власти в Кубанском крае вводили должность Войскового Атамана, называемого главой и представителем Кубанского края в отведенных ему пределах, одновременно состоявшего «высшим начальником всех кубанских казачьих военных сил или войск, временно или постоянно расположенных в Кубанском крае».

Войсковой Атаман избирался Краевой Радой сроком на три года. С избранием Войскового Атамана окончательно упразднились должности Наказного атамана и Начальника области, функции которых переходили к Войсковому Атаману, Кубанскому Правительству и Законодательной Раде по принадлежности.

9 октября 1917 г. Краевая Рада избрала Войсковым Атаманом из трех кандидатов полковника А. П. Филимонова, дотоле занимавшего должность председателя Войскового Правительства¹.

Характеризуя систему государственной власти, учрежденную Временными положениями о высших органах власти в Кубанском крае от 7 октября 1917 г., следует отметить, что она в целом соответствовала общепризнанным стандартам демократической государственности, существовавшим в рассматриваемое время. Власть оказывалась функционально разделенной между разными ее носителями, обладавшими предметно-ограниченной компетенцией.

В этом акте, нередко именуемом конституцией Кубанской области, вполне можно обнаружить элементы парламентаризма, отдельные сдержки и противовесы, обеспечивающие конституционный баланс ветвей государственной власти, выраженные в следующем:

1. Вотум недоверия, который Краевая Рада абсолютным большинством голосов могла адресовать Войсковому Атаману, Войсковому Правительству, Контролеру и Представителю при Центральном Правительстве, влекущий их немедленную отставку.

2. Институт промюльгации принятых Законодательной Радой законов, утверждаемых и обнародуемых Войсковым Атаманом в месячный срок.

3. Институт законодательного «veto», позволявший Войсковому Атаману отклонять принятые законопроекты со своей мотивацией, возвращаемые в этом случае Законодательной Раде на повторное рассмотрение.

Однако вето главы края, как и принято при республиканском правлении, было только отлагательным, преодолимым: не утвержденный Войсковым Атаманом законопроект, будучи вторично, без всяких поправок, одобрен Законодательной Радой, немедленно воспринимал силу закона (после чего в трехдневный срок Атаман обязан был его опубликовать).

¹ Вольная Кубань. 1917. 11 октября.

4. Институт парламентского запроса, принадлежавший Законодательной Раде как важнейшее проявление парламентского контроля, позволял проверять деятельность органов исполнительной власти на предмет соответствия законодательным и иным парламентским актам.

5. Институт «контрассигнации», предполагавший скрепление актов главы края подписями правительственных чинов: все акты, постановления и распоряжения Войскового Атамана должны были подкрепляться подписью одного из членов Кубанского Правительства по принадлежности.

Остается, правда, неясным, являлась ли правительственная контрассигнация условием действительности актов Краевого Атамана или же она носила чисто технический характер удостоверяющего свойства.

6. Институт депутатского иммунитета, обеспечивавший независимость и неприкосновенность народных избранников. Члены Краевой и Законодательной Рад во время сессии, без разрешения соответствующего представительного собрания, не могли подлежать личному задержанию или судебному преследованию, за исключением случаев «захвата» на месте преступления.

По постановлению Краевой или Законодательной Рады личное задержание члена той или иной Рады отменялось, и судебное преследование приостанавливалось на все время сессии.

В то же время конституционная схема организации высшей власти на Кубани не была до конца отработана. Она имела очевидные конституционные дефекты, к которым можно отнести некоторую размытость полномочий Кубанской Краевой Рады, отсутствие четкого статуса у Войскового Атамана, который, с одной стороны, позиционировался как глава региона, но, с другой стороны, обладал властью условной, контролируемой краевым Правительством посредством института контрассигнации.

Если сравнивать форму государственного правления на Кубани, учрежденную Временными положениями от 7 октября 1917 г., с Временным положением об управлении Кубанским казачьим войском от 17 июня 1917 г., то ее условно можно назвать парламентско-президентской, учитывая введение должности главы края с единоличными полномочиями.

Временные положения от 7 октября 1917 г. игнорировали права иногороднего (некоренного) населения, предоставляя избирательные права по выборам в Кубанскую Краевую Раду т.н. правомочным гражданам, категория которых юридически не бы-

ла определена и которыми на деле оказывались только лица, приписываемые к казачьему сословию. Правомочным населением Временное положение признавало казаков, горцев, сельских жителей – общинников и членов современных товариществ, приписанных ранее к Кубанской области (прим. 2 к ст. 2).

Правда, в составе Краевого Правительства три места представлялось не казакам, в том числе одно – представителю горцев, что, однако, не могло компенсировать дискриминацию неказачьего населения.

Временные положения от 7 октября 1917 г. вводились в действие немедленно по утверждению Кубанской Краевой Радой и подлежали представлению на утверждение центрального Временного Правительства. Хотя последнее их официально не утвердило, тем не менее, фактически они применялись на всей территории края.

Кубанская Законодательная Рада 14 ноября 1917 г. сформировала Кубанское Краевое Правительство в следующем составе: Председатель Правительства (А. И. Быч); члены Правительства: по делам гражданского управления, по военным делам, по народному просвещению, по судебным делам, по делам торговли и промышленности, по делам земледелия; краевой контролер; секретарь Правительства; представители Краевого Правительства с правами членов Правительства при Центральном Правительстве, а также в объединенном Правительстве Юго-Восточного союза. Предполагалось также заполнение должностей членов по народному здравью, по делам финансов, по делам путей сообщения и по снабжению¹.

После большевистского переворота и низложения центрального Временного Правительства происходит консолидация государственной власти на Кубани, полностью переходящей к официальным органам региональной власти. Так, 4 декабря 1917 г. Кубанское Краевое Правительство со ссылкой на отсутствие законной центральной власти и образование в Кубанском крае местного правительственного органа, принявшего на себя всю полноту государственной власти в крае, постановило, что все действующие в Кубанской области правительственные учреждения и лица подчиняются Кубанскому Краевому Правительству, как в отношении исполнительных функций, так и в отношении расходования всякого рода кредитов, требовавшего разрешения или

¹ Вольная Кубань. 1917. 21 ноября.

утверждения Центрального Российского Правительства или его органов¹.

Дальнейшей редакцией государственного устройства Кубанского края стали **Временные основные положения о высших органах власти в Кубанском крае**, выработанные комиссией по самоуправлению Законодательной Рады и рассмотренные этой Радой на заседании 23 февраля 1918 г.

Согласно этому акту Кубанский край объявлялся народной республикой как равный член, входящий в состав объединенной федеративной российской республики. Источником высшей власти в Кубанском крае называлась воля всех граждан.

Краевая власть в местной жизни объявлялась независимой и самостоятельной, а в общегосударственных вопросах – подчиненной центральной власти.

Органом законодательной власти называлась Законодательная Рада, исполнительной – Кубанское Краевое Правительство, состоявшее из 5 казаков, 5 иногородних и 1 горца.

Председатель Правительства избирался Радой, остальные члены Правительства избирались по соглашению с Председателем Правительства и с одобрения Законодательной Рады.

Сохранялась должность Войскового Атамана, именуемого главой Кубанского казачьего войска и начальником войск временных и постоянных, расположенных на территории Кубанской области².

В сравнении с Временными положениями о высших органах власти в Кубанском крае от 7 октября 1917 г. новая редакция этих положений выглядела более демократичной: упразднялась Кубанская Краевая Рада, обладавшая по существу неограниченными полномочиями; в высших органах власти обеспечивалось равное представительство иногородних; Войсковой Атаман уже не назывался главой края, но только главой Кубанского войска, он утрачивал право вето на акты законодательной власти, которое на заседании Первой Краевой Рады вызвало раскол между казачьей и иногородней фракциями.

Таким образом, новое издание «кубанской конституции» в большей мере учитывало интересы неказачьего населения, о чем говорилось докладчиком по законопроекту Каплиным, отметившим, что недовольство иногородних односторонностью прежней

¹ Вольная Кубань. 1917. 10 декабря.

² Вольная Кубань. 1917. 27 февраля.

«кубанской конституции» побудили комиссию по самоуправлению самостоятельно представить Законодательной Раде новые Временные основные положения о высших органах власти в Кубанском крае.

Эти временные основные положения, однако, не получили своей практической реализацией в виду захвата Кубани большевиками, упразднившими акты прежних краевых органов власти.

Библиографический список

1. Временное положение об управлении Кубанским казачьим войском, утвержденное Войсковым правительством Кубанской области 17 июня 1917 г. // Свободная Кубань. 1917. 29 июня.
2. Временное положение о высших органах власти в Кубанском крае от 7 октября 1917 г. // Вольная Кубань. 1917. 11 октября.
3. Временные основные положения о высших органах власти в Кубанском крае, выработанные комиссией по самоуправлению Законодательной Рады и рассмотренные этой Радой в заседании 23 февраля 1918 г. // Вольная Кубань. 1917. 27 февраля.

С. В. Потапенко

заведующий кафедрой
гражданского процесса
и международного права ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный
университет»
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, почетный
работник судебной системы
79182624650@ya.ru

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА
ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ
КАЗАКОВ КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА
В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД¹**

**CIVIL JUDICIAL PROTECTION OF HONOR,
DIGNITY AND BUSINESS REPUTATION
OF COSSACKS OF THE KUBAN COSSACK ARMY
DURING MODERN PERIOD**

Закон, прежде всего ст. 152 ГК РФ, не дает легитимного определения чести, достоинства и деловой репутации, не выработала однозначных подходов к их пониманию и российская судебная практика, поэтому суды, рассматривая диффамационные споры, пользуются их доктринальными определениями, основанными на нравственных категориях универсального характера, не учитывающими этно-культурные, территориальные и иные особенности отдельных частей российского гражданского общества, в частности, казаков Кубанского казачьего войска.

В статье обосновывается необходимость дифференцированного подхода к определению понятий чести, достоинства и деловой репутации при их гражданско-правовой судебной защите с учетом принадлежности носителей этих нематериальных благ к отдельным структурно сложившимся группам населения и частям гражданского общества.

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ «Честь, достоинство и деловая репутация казаков Кубанского казачьего войска как объекты судебной защиты от диффамации» при поддержке Проекта администрации Краснодарского края.

Ключевые слова: Честь; достоинство; деловая репутация; диффамация; судебная защита; Кубанское казачье войско; казак.

The law, particularly Article 152 of Civil Code does not provide a legitimate definition of honor, dignity and business reputation, the Russian judicial practice has not developed uniquely suited to their understanding approaches, therefore courts, considering defamation disputes use their doctrinal definitions, based on moral categories of universal nature, which do not take into account the ethno-cultural, territorial and other features of the individual parts of Russian civil society, particularly the Cossacks of the Kuban Cossack army. The article proves the need for a differentiated approach to the definition of concepts of honor, dignity and business reputation by their civil judicial protection, taking into account the accessory of owners of these intangible benefits to the individual structural groups and the prevailing part of civil society.

Keywords: Honor; dignity; business reputation; defamation; judicial protection; the Kuban Cossack Army; Cossack.

Начиная с 90-х годов прошлого столетия идет процесс возрождения российского казачества и укрепления его роли как составной части гражданского общества¹.

Согласно пп. 5 п. 3 ст. 50 ГК РФ казачьи общества представляют собой организационно-правовую форму некоммерческой организации и считаются таковыми при условии внесения в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации.

В силу п. 1 ст. 123.15 ГК РФ казачьими обществами признаются внесенные в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации объединения граждан, созданные в целях сохранения традиционного образа жизни, хозяйствования и культуры российского казачества, а также в иных целях, предусмотренных Федеральным законом от 5 декабря 2005 года № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества»², доброволь-

¹ Стратегия развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года. Утв. Президентом РФ 15.09.2012 № Пр-2789 // СПС Консультант Плюс. Документ опубликован не был.

² Федеральный закон от 05.12.2005 № 154-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О государственной службе российского казачества» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 50. ст. 5245; 2008. № 49. ст. 5743; 2011. № 23. ст. 3241; 2015. № 29. ст. 4388; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> – 03.07.2016.

но принявших на себя в порядке, установленном законом, обязательства по несению государственной или иной службы.

В 2012 году Кубанское казачье войско вошло в государственный реестр казачьих обществ Российской Федерации и получило право на несение всех видов государственной и иной службы российского казачества. По данным на 2016 год Кубанское казачье войско включает в себя 554 казачьих обществ, расположенных на территории Краснодарского края, республик Адыгея, Карачаево-Черкесия и Абхазия. Среди них 8 казачьих отделов – Баталпашинский, Ейский, Екатеринодарский, Кавказский, Лабинский, Майкопский, Таманский, Сухумский особый и Черноморский казачий округ, 59 районных и 485 городских, станичных и хуторских казачьих обществ. Численность войска ежегодно увеличивается, по данным на 2015 год она составляла 44340 казаков, а вместе с членами казачьих семей казачество насчитывает более 150000 человек¹.

В силу п. 3 ст. 123.15 ГК РФ к казачьим обществам, внесенным в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, если иное не установлено Федеральным законом от 5 декабря 2005 года № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества», применяются положения ГК РФ о некоммерческих организациях.

Как некоммерческие организации казачьи общества являются юридическими лицами, субъектами гражданского права. В случае умаления их деловой репутации диффамационным деликтом они становятся субъектами гражданского охранительного правоотношения по судебной защите своей деловой репутации от диффамации.

Классифицировать субъектов правоотношения можно по разным критериям. Г. Ф. Шершеневич писал: «Одно лицо, которому принадлежит право, носит название активного субъекта, иначе субъекта права; другое лицо, на котором лежит соответствующая обязанность, называется пассивным субъектом».² Применительно к этой классификации субъектов правоотношения в охранительном правоотношении по судебной защите деловой репутации активным субъектом или субъектом права является ли-

¹<http://admkrain.krasnodar.ru/upload/iblock/bc7/bc72d6a4ec99556065b21a9aee78d331.doc>.

² Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М., 1995. С. 57.

цо, пострадавшее от распространения порочащих его сведений, а пассивным субъектом – лицо, распространившее порочащие сведения, на котором лежит обязанность доказать в суде соответствие их действительности или опровергнуть распространенные сведения как не соответствующие действительности. Поэтому казачье общество, защищающее в суде свою деловую репутацию, – активной субъект гражданского права и правоотношения по судебной защите своей деловой репутации от диффамации.

С учетом того, что охранительное правоотношение по судебной защите от диффамации является деликтным обязательством, то его стороны (субъекты) – это потерпевший (кредитор) и причинитель вреда (должник). Потерпевшим является лицо, которому причиняется вред и принадлежит право требовать возмещения причиненного вреда. Причинитель вреда – это лицо, противоправным поведением которого кому-либо причинен вред.

С точки зрения гражданского процессуального закона лица, пострадавшие от распространения не соответствующих действительности сведений, являются истцами, а лица, распространившие эти сведения, – ответчиками.

Поэтому, если казачье общество защищает в гражданском судопроизводстве свою деловую репутацию от диффамационного деликта, то оно действует как активный субъект охранительного правоотношения по судебной защите от диффамации, как кредитор по отношению к причинителю вреда и как истец в гражданском процессе.

Что касается способов гражданско-правовой судебной защиты от диффамации (форм гражданско-правовой ответственности и защиты), предусмотренных ст. 152 ГК РФ, то казачье общество не вправе требовать с лица, распространившего порочащие сведения, компенсации морального вреда. В Обзоре практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016 г.¹ отмечается, что «по делам, рассмотренным до 1 октября 2013 г. (даты вступления в силу Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ), требования о компенсации морального вреда заявлялись и юридическими лицами, которым на основании пункта 7 статьи 152 ГК РФ (в ранее действующей редакции) такое право было предоставлено в случае распространения о них

¹ СПС Консультант Плюс.

сведений, порочащих их деловую репутацию. Ныне действующая статья 152 ГК РФ исключает применение нормы о компенсации морального вреда при распространении сведений, затрагивающих деловую репутацию юридического лица (пункт 11). Такой подход основан на том, что моральный вред – это по смыслу ст. 151 ГК РФ физические или нравственные страдания, которые может испытывать только личность, физическое лицо, но никак не юридическое лицо.

Для казачьего общества как юридического лица объектом гражданско-правовой судебной защиты от диффамации может быть только деловая репутация, поскольку категории чести и достоинства относятся исключительно к личности конкретного человека – физического лица. Что же представляет собой деловая репутация казачьего общества как объект гражданско-правовой судебной защиты от диффамации?

В п. 1 ст. 150 ГК РФ дается примерный перечень юридически защищаемых нематериальных благ, включая честь, достоинство и деловую репутацию, поскольку это категории морального или нравственного порядка, а моральное пространство гораздо шире правового.

По мнению М. Н. Малеиной, деловая репутация – понятие видовое, она представляет собой набор качеств и оценок, с которыми их носитель ассоциируется в глазах своих контрагентов, клиентов, потребителей, коллег по работе, избирателей и персонализируется среди других профессионалов в этой области деятельности.¹

А. М. Эрделевский считает, что деловая репутация – это сопровождающееся положительной оценкой общества отражение деловых качеств лица в общественном сознании.²

Как пишет Ю. Иваненко, под деловой репутацией, как гражданина, так и юридического лица «следует признать приобретаемую им общественную оценку о качествах, достоинствах и недостатках, относящихся к его работе и профессиональной деятельности».³

¹ Малеина М. Н. Нематериальные блага и перспективы их развития // Закон. 1995. № 10. С. 104.

² Эрделевский А. М. Диффамация // Законность. 1998. № 12. С. 11.

³ Иваненко Ю. Правовая защита деловой репутации юридических лиц // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 24

М. Ю. Тихомиров полагает, что деловая репутация – это приобретаемая в процессе профессиональной или предпринимательской деятельности общественная оценка, общее или широко распространенное мнение о деловых качествах, достоинствах человека или юридического лица¹.

Авторы приведенных точек зрения на понятие деловой репутации исходят из универсального ее понятия, рассматривая деловую репутацию не только как предпринимательскую, но и как профессиональную характеристику того или иного физического или юридического лица.

Однако высказаны и иные взгляды на понятие деловой репутации. По мнению А. А. Власова, деловая репутация – это положительная оценка деловых качеств лица, занятого в сфере предпринимательства, отраженных в общественном сознании².

Н. К. Рудый пришел к выводу, что информация, в связи с которой можно предъявлять иски о защите деловой репутации, должна касаться либо профессиональных, либо деловых качеств лица, которые связаны с участием в коммерческом (деловом), гражданском обороте, с продажей товаров, работ или услуг³.

О. В. Карайчева также определяет деловую репутацию через ее связь с предпринимательской деятельностью, считая, что под деловой репутацией следует понимать общественную оценку совокупности профессиональных и деловых качеств, а также степени эффективности ведения предпринимательской деятельности коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей, способной оказывать влияние на их статус в качестве участника гражданского оборота и результаты осуществляемой деятельности. Она настаивает на принципиальном обособлении двух видов репутации – профессиональной и деловой и необходимости внесения соответствующих изменений в гражданское законодательство⁴.

Основания для этого действительно есть. Что касается профессиональной репутации, то она является индивидуальной, лич-

¹ Юридическая энциклопедия. Издание 6-е, доп. и перераб. / Под ред. М. Ю. Тихомирова. М.: Изд. Тихомирова М.Ю., 2008 - 2013. Система Гарант.

² Власов А. А. Особенности судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации // Юрист. 2005. № 1. СПС Консультант Плюс.

³ Рудый Н. К. Правовая характеристика чести, достоинства и репутации // Юрист. 2008. № 3. СПС Консультант Плюс.

⁴ Карайчева О. В. Деловая репутация как объект гражданских прав. Автореф. дис. канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. С. 8.

ностной характеристикой гражданина, наряду с честью и достоинством, а потому имеет неимущественный характер как честь и достоинство.

Поскольку у юридического лица – некоммерческой организации не может быть профессии, то не может быть и профессиональной репутации, поэтому у некоммерческой организации, должна быть деловая репутация, а у коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей – предпринимательская репутация, которая в отдельных случаях относится к их нематериальным активам, приобретая подобным образом стоимостную форму и имущественный характер.

Вместе с тем, в настоящее время законодатель не разделяет профессиональную, деловую и предпринимательскую репутацию, поэтому следует исходить из того, что указанная в ст. 152 ГК РФ деловая репутация включает в себя в качестве подвидов профессиональную, деловую и предпринимательскую репутации.

Исходя из этого, мы полагаем, что деловая репутация как объект гражданско-правовой судебной защиты от диффамации – это морально-правовая категория позитивно-объективного характера, определяющая профессиональные качества физического лица, деловые качества некоммерческой организации, или предпринимательские качества юридического лица (индивидуального предпринимателя) в общественном сознании.

В Обзоре практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016 г., обращено внимание на то, что если сторонами спора о защите деловой репутации являются юридические лица или индивидуальные предприниматели в сфере, не относящейся к предпринимательской и иной экономической деятельности, такой спор относится к компетенции судов общей юрисдикции.

Такая же правовая позиция закреплена в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»¹, в соответствии с которой, если сторонами спора о защите деловой репутации являются юридические лица или индивидуальные

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

предприниматели в иной сфере, не относящейся к предпринимательской и иной экономической деятельности, то такой спор подведомствен суду общей юрисдикции.

Поскольку казацкие общества – это некоммерческие организации, то их иски о защите деловой репутации от диффамации должны рассматриваться судами общей юрисдикции. Однако в силу п. 2 ст. 6.2 Закона о некоммерческих организациях¹ казачьим обществам предоставлено право осуществлять предпринимательскую деятельность, соответствующую целям, для достижения которых они созданы. Поэтому в случае распространения о казачьем обществе порочащей его информации, вытекающей из предпринимательской деятельности казачьего общества, такой спор подведомствен арбитражному суду.

Есть определенная специфика и при гражданско-правовой судебной защите от диффамации членов казачьих обществ. В этом случае субъектом охранительного правоотношения по судебной защите от диффамации является не юридическое лицо – казачье общество, а конкретный его член, казак – физическое лицо. Если казак – индивидуальный предприниматель, то его иск о защите деловой репутации в сфере предпринимательской деятельности должен рассматриваться в арбитражном суде. В остальных случаях иски казаков о защите чести, достоинства и деловой репутации подведомственны судам общей юрисдикции.

Для казака особое значение имеют его честь и достоинство. Например, в п. 13 Устава Кубанского войскового казачьего общества отмечено, что первоочередной из основных задач Кубанского казачьего войска является возрождение кубанского казачества, обеспечение его единства, защита гражданских прав и свобод, чести и достоинства казаков. Это свидетельствует о том, что честь и достоинство – это нематериальные блага, имеющие основополагающее значение для казаков Кубанского казачьего войска.

В юридической литературе честь правильно определяют как оценочную категорию, направленную от общества к личности. Поэтому, замечает М. В. Поликарпов, содержание понятия «честь» является социальным, т.е. не зависящим от того, как данное лицо

¹ Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 02.06.2016, с изм. от 03.07.2016) «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства РФ. 15.01.1996, № 3, ст. 145; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> – 02.06.2016.

себя оценивает и рассматривает. Понятие чести не связано с конкретной личностью, содержание этого понятия зависит от нравственных принципов, господствующих в обществе, а также от этических принципов и правовых норм, которые выбирает общество. Следовательно, честь надо определять как значимую оценку личности со стороны общества¹.

М. Ю. Тихомиров считает, что содержанием понятия «честь» как юридической категории является охраняемое законом нематериальное благо, связанное с принадлежностью гражданина к обществу, нахождением его в определенной социальной среде².

По мнению А. А. Власова, «честь определяет степень признания, уважения личности со стороны общества как результат выполнения ею общепринятых нравственных и правовых норм»³. Так же как ранее Г. П. Савичев⁴, А. О. Красавчикова⁵ и М. Н. Малейна⁶ под честью понимают определенную социальную оценку лица.

Ю. В. Молочков рассматривает «честь как определенное внешнее отношение к человеку», как «грань его положительной репутации»⁷.

А. М. Эрделевский также определяет честь, как «сопровождающееся положительной оценкой общества отражение качеств лица в общественном сознании»⁸.

Рассматривая честь как нравственно-психологическое понятие, О. В. Ткаченко правильно отмечает, что существование чести невозможно «без внутреннего осознания личностью несоответствия своего поступка или поведения с общественными требованиями и нормами поведения», а «сохранение чести есть форма

¹ Поликарпов М. В. Некоторые пробелы гражданского законодательства, регулирующего охрану чести, достоинства и деловой репутации // Современное право. 2015. № 11. С. 40–42. СПС Консультант Плюс.

² Тихомиров М. Ю. Защита чести, достоинства и деловой репутации: новые правила. М.: Издательство Тихомирова М. Ю., 2014. 48 с. СПС Консультант Плюс.

³ Власов А. А. Проблемы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации. М., 2000. С. 14.

⁴ Советское гражданское право. Учебник. Т. 1. М., 1979. С. 196 (автор главы – Г. П. Савичев).

⁵ Гражданское право. Учебник для вузов. Часть первая / Под общ. ред. Т. И. Илларионовой и др. М., 1998. С. 186 (Автор главы – А. О. Красавчикова).

⁶ Малейна М. Н. Нематериальные блага и перспективы их развития // Закон. 1995. № 10. С. 104.

⁷ Молочков Ю. В. Защита чести и достоинства в гражданском процессе. Автореферат дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1993. С. 3.

⁸ Эрделевский А. М. Диффамация // Законность. 1998. № 12. С. 11.

проявления моральной ответственности личности за свое поведение в обществе»¹.

Таким образом, практически все исследователи вопроса о чести пришли к выводу, что честь – это определенная социальная оценка лица обществом или определенной его части.

Мы разделяем уточнение Ю. В. Молочкова и А. М. Эрделевского, что чести присущ признак положительной оценки обществом качеств личности. Это обстоятельство имеет важное значение, поскольку объектом судебной защиты может быть честь только в ее позитивном понимании.

Итак, честь – это морально-правовая категория позитивно-объективного характера, определяющая общественную оценку личности. С этим, в принципе, никто не спорит. Но в конкретном диффамационном споре это слишком простой подход. Суду следует определить признаки, определяющие эту самую общественную оценку личности. Например, если истец – казак Кубанского казачьего войска, то определение его чести и достоинство во многом зависит от членства в этой организации. Поэтому честь для казака – это, прежде всего, его оценка со стороны казачьего общества. Исходя из этого, суды в своих решениях о гражданско-правовой судебной защите чести казаков при определении степени умаления их чести диффамационным деликтом должны учитывать не только то, как диффамационный деликт повлиял на общественную оценку личности истца в широком смысле, но и как могла измениться оценка личности истца со стороны казачьего общества.

Что касается достоинства как объекта судебной защиты от диффамации, то, по мнению Т. А. Фаддеевой² и Л. О. Красавчиковой, достоинство – это самооценка личностью своих моральных, деловых и иных социальных качеств³.

Т. А. Хашем обоснованно обращает внимание на то, что достоинство личности (человеческое достоинство) сопряжено, в частности, с самоощущением и самовосприятием личностью себя «как представителя определенной социальной группы или общно-

¹ Ткаченко О. В. Социокультурные детерминанты представлений о чести в России XX века (социально-философский анализ). М., 2006. С. 48.

² Гражданское право. Учебник. Часть 1 / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М., 1998. С. 317 (автор главы – Фаддеева Т. А.).

³ Гражданское право. Учебник для вузов. Часть первая / Под общ. ред. Т. И. Илларионовой и др. М., 1998. С. 186 (автор главы – Л. О. Красавчикова).

сти, ценности самой этой общности (человеческое достоинство по признаку отношения к национальности, религии и (или) расе)¹.

Получается, что если человек самоидентифицирует себя как представителя определенной социальной группы, например, Кубанского казачьего войска, то от этого зависит не только понимание его чести как общественной оценки со стороны казачьего общества, но и достоинства как представителя Кубанского казачьего войска.

Поэтому, на наш взгляд, достоинство как объект гражданско-правовой судебной защиты от диффамации – это морально-правовая категория позитивно-субъективного характера, определяющая оценку собственной личности, в том числе, как представителя определенной этнокультурной или социальной группы.

Профессор Рори О'Коннелл в статье «Роль достоинства в равенстве права: Уроки из Канады и Южной Африки» отметил, что достоинство может иметь очень разные значения в различных контекстах. Понятие достоинства порой не играет существенной роли в решениях судов. Однако во всех случаях судьи должны избегать соблазна полагаться на невнятные оценочные суждения и субъективные представления о достоинстве. Когда судьи делают ссылку на достоинство, они должны сформулировать ценности, лежащие в основе их представления о нем². Таким образом, канадских судей призывают непосредственно в судебных решениях по каждому делу формулировать ценности, лежащие в основе их представления о достоинстве. Думается, что это очень правильный подход, его надо распространить и на российское правосудие. Когда диффамацией умалено достоинство казака, российский суд в своем решении должен учитывать морально-нравственные нормы казачьего общества, определяющие поведение казака в обществе как достойное.

В заключение приведем пример из судебной практики, касающийся защиты чести, достоинства и деловой репутации казаков Кубанского казачьего войска.

¹ Хашем Т. А. Защита человеческого достоинства в Российской Федерации: конституционно-правовой анализ. Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2010. <http://www.dissercat.com/content/zashchita-chelovecheskogo-dostoinstva-v-rossiiskoi-federatsii-konstitutsionno-pravovoi-anali#ixzz4F2oUNQto>

² O'Connell R. The Role of Dignity in Equality Law: Lessons from Canada and South Africa // International Journal of Constitutional Law. 2008. Vol. 6. Issue 2. P. 267. http://uir.ulster.ac.uk/26537/1/roc_role_of_dignity.pdf

Красноармейский районный суд Краснодарского края рассмотрел спор по иску Полтавского станичного казачьего общества Таманского отдела Кубанского казачьего войска в интересах казака Никитина И. Н. к казаку Перенижко Н. П. о защите чести, достоинства и деловой репутации¹. Суд посчитал доказанным как распространение ответчиком сведений, порочащих честь и достоинство, деловую репутацию Никитина И. Н., так и несоответствие этих сведений действительности.

Удовлетворив иск частично решением от 3 июля 2013 г., суд признал не соответствующими действительности и порочащими честь и достоинство казака Полтавского станичного казачьего общества Таманского отдела Кубанского казачьего войска Никитина И. Н. сведения, распространенные ответчиком Перенижко Н. П. в газете «Вести Таманского казачьего отдела» № 2 от 10.03.2011 г. в публикации «Рейдерский захват или дело о мошенничестве?», а также сведения, сообщенные атаманам Таманского отдела Кубанского казачьего войска при подписании обращения в адрес руководителя Следственного комитета Российской Федерации. Суд обязал ответчика Перенижко Н. П. опровергнуть распространенные сведения тем же путем – публикацией в газете «Вести Таманского казачьего отдела» и обращением к атаманам Таманского отдела Кубанского казачьего войска. С ответчика также взыскана компенсация морального вреда в размере 150000 рублей.

Такие примеры не единичны. Казаки – часть российского гражданского общества, но у них есть свои корпоративные особенности, сформировано обостренное отношение к диффамационным деликтам, умаляющим их честь, достоинство и деловую репутацию. Суды при рассмотрении гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации казаков должны это учитывать. Пора переходить к выработке качественно иных дифференцированных подходов к пониманию чести, достоинства и деловой репутации различных групп населения, объединенных, в том числе, по национальному, культурно-этническому, территориальному принципу.

¹ Дело № 2-747/13 Красноармейского районного суда Краснодарского края.

Библиографический список

1. *Власов А. А.* Особенности судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации // Юрист. 2005. № 1.
2. *Власов А. А.* Проблемы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации. М., 2000.
3. Гражданское право. Учебник для вузов. Часть первая / Под общ. ред. *Т. И. Илларионовой* и др. М., 1998.
4. Гражданское право. Учебник. Часть 1 / Под ред. *А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого*. М., 1998.
5. *Иваненко Ю.* Правовая защита деловой репутации юридических лиц // Российская юстиция. 2000. № 10.
6. *Карайчева О. В.* Деловая репутация как объект гражданских прав. Автореф. дис. канд. юрид. наук. Краснодар, 2014.
7. *Малеина М. Н.* Нематериальные блага и перспективы их развития // Закон. 1995. № 10.
8. *Молочков Ю. В.* Защита чести и достоинства в гражданском процессе. Автореферат дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1993.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.
10. *Поликарпов М. В.* Некоторые пробелы гражданского законодательства, регулирующего охрану чести, достоинства и деловой репутации // Современное право. 2015. № 11.
11. *Рудый Н. К.* Правовая характеристика чести, достоинства и репутации // Юрист. 2008. № 3.
12. Советское гражданское право. Учебник. Т.1. М., 1979.
13. Стратегия развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года. Утв. Президентом РФ 15.09.2012 № Пр-2789 // СПС Консультант Плюс.
14. *Тихомиров М. Ю.* Защита чести, достоинства и деловой репутации: новые правила. М.: Издательство Тихомирова М. Ю., 2014.
15. *Ткаченко О. В.* Социокультурные детерминанты представлений о чести в России XX века (социально-философский анализ). М., 2006.

16. *Хашем Т. А.* Защита человеческого достоинства в Российской Федерации: конституционно-правовой анализ. Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2010.
17. Федеральный закон от 05.12.2005 № 154-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О государственной службе российского казачества» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2005, № 50, ст. 5245; 2008, № 49, ст. 5743; 2011, № 23, ст. 3241; 2015, № 29, ст. 4388; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 03.07.2016.
18. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 02.06.2016, с изм. от 03.07.2016) «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства РФ. 15.01.1996, № 3, ст. 145; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 02.06.2016.
19. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М., 1995.
20. *Эрделевский А. М.* Диффамация. // Законность. 1998. № 12.
21. Юридическая энциклопедия. Издание 6-е, доп. и перераб. / Под ред. *М. Ю. Тихомирова*. М., 2008–2013.
22. *O'Connell R.* The Role of Dignity in Equality Law: Lessons from Canada and South Africa // International Journal of Constitutional Law. 2008. Vol. 6. Issue 2. P. 267. http://uir.ulster.ac.uk/26537/1/roc_role_of_dignity.pdf

П. И. Квачева

профессор кафедры теории
и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Сочинский
государственный университет»
доктор юридических наук
kvacheva46@mail.ru

С. Д. Багдасарян

доцент кафедры теории
и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Сочинский
государственный университет»
кандидат исторических наук
bsd73@mail.ru

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ
СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСУДИЯ**

**THEORETICAL LEGAL ASPECT OF SOCIAL
CONDITIONALITY OF JUSTICE ACTIVITY**

В статье рассматриваются теоретико-правовые аспекты выработки оптимальной модели взаимодействия существующих в обществе государственных правоохранительных (правозащитных) институтов в процессе осуществления охраны правопорядка. Авторы в статье подчеркивают, что стабильное поступательное развитие правовой системы неразрывно связано не только с совершенством действующего законодательства (в широком понимании данного термина), но и с тем, насколько эффективно функционируют существующие правоохранительные механизмы. В целом, как нам представляется, исследование аккумулирует широкий спектр узловых проблем, представляющих несомненную значимость как для теоретико-правовой науки, так и для правоприменительной практики.

Авторы в статье на примере рассмотрения социализации судьи в контексте деятельности, связанной с отправлением правосудия, подчеркивают необходимость рассмотрения проблемы пределов судейского усмотрения в процессе отправления правосудия.

Ключевые слова: Социальность правоохранительной деятельности; социализация; правосудие; судья; законность; морально-нравственные категории.

The article considers theoretical and legal aspects of development of the optimal model of interaction of existing state law enforcement (remedial) institutions by implementation of law and order protection. The authors of the article emphasize that the stable and gradual development of the legal system is inextricably connected not only with the perfection of current legislation (in broad sense of the term), but also with the functioning efficiency of existing law enforcement mechanisms. As a whole, we believe that the study accumulates a wide range of key problems representing undoubted significance both for theoretical legal science and law enforcement practice.

The authors of the article on the example of the consideration of judges socialization in the context of activities associated with justice administration emphasize the need to address the problem of judicial discretion limits in justice process.

Keywords: Sociality of law enforcement activities; socialization; justice; judge; legitimacy; moral category.

Социальность в самом широком смысле может рассматриваться как ядро родовой природы человека, как его общественная сущность или как проявление социально-всеобщего в человеческой деятельности.

По мнению российского правоведа Ю. Е. Аврутина, социальность правоохранительной деятельности выступает как ее ведущая содержательная характеристика, отражающая способность этого вида деятельности обеспечить упорядоченность, безопасность и надежность общественных отношений¹. Она осуществляется в рамках конкретного социального пространства, оказывающего определяющее влияние на ее характер. «Охранительная деятельность, – как указывал выдающийся российский правовец В. Н. Лешков, – состоит из отдельных усилий и общих мер, направленных к сохранению народа и его вещественной и духовной цивилизации. Эта деятельность может быть весьма разнообразна, различаясь по предметам охранения, по средствам и, особенно, по конечным целям охранения»².

¹ Аврутин Ю. Е. Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти в России: теория, история, перспективы. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 96.

² Лешков В. Н. Русский народ и государство: История русского общественного права до XVIII века. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 415.

В научной литературе выделяют следующие исходные, методологически значимые черты, свидетельствующие о социальной сущности и правовой природе правоохранительной деятельности: во-первых, в общефилософском и историческом контексте правоохранительная деятельность представляет собой особый вид социальной деятельности, а более конкретно – особый вид человеческой деятельности; во-вторых, социальная природа правоохранительной деятельности опосредована природой и сущностью человека и детерминирована необходимостью специфическими способами обеспечить совместную жизнедеятельность людей (отдельного человека, социальных групп и общества в целом) путем адаптации человека и социальной общности к окружающему миру или его преобразования в интересах человека и социальной общности; в-третьих, правовая природа правоохранительной деятельности в силу приспособительно-адаптационного и преобразовательного характера человеческой деятельности обусловлена правом и объективной необходимостью воздействия на общественные отношения для обеспечения соответствия их содержания тем, которые зафиксированы в правовых нормах; в-четвертых, социально-правовая природа правоохранительной деятельности обуславливает ее системный характер; в-пятых, в зависимости от способов правовой регуляции и их институционализации, субъектом правоохранительной деятельности может выступать как государство (и тогда эта деятельность носит характер деятельности государственной, выступая как форма государственного управления и (или) регулирования), так и каждый член социума или социальный коллектив (и тогда эта деятельность носит характер деятельности общественной, выступая как самоуправление и (или) саморегуляция)¹.

Правоохранительная деятельность протекает в границах определенного социального поля, которое представляет собой упорядоченное социальное пространство, в котором и через которое происходит преобразование конфликта непосредственно заинтересованных сторон в юридически регламентированные пре-

¹ Аврутин Ю. Е. Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти в России: теория, история, перспективы. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 85–86.

ния между профессионалами, ведущими дело по доверенности и разделяющими знание и признание правил юридической игры¹.

Наиболее отчетливо данный феномен можно проследить сквозь призму анализа осуществления правосудия. По справедливому замечанию исследователя Э. М. Мурадян,² при отправлении правосудия образ действий судьи проявляется лишь в правовом порядке, внешнем характере и содержании отдельных судебных обрядов и процедур, распоряжений и постановлений. В деятельности судьи, однако, должны сливаться правовые и нравственные требования. Правила для внешних деяний в своем практическом осуществлении неминуемо отражают на себе и духовные качества отправляющего правосудие. В каждом судебном действии наряду с вопросом, *что* следует произвести, возникает не менее важный вопрос о том, *как* это произвести. Чтобы не быть простым орудием внешних правил, действующим с безучастной регулярностью часового механизма, судья должен вносить в творимое им дело свою душу и наряду с предписаниями положительного закона руководиться безусловными и вечными требованиями человеческого духа³.

Успешность юстиции, как верно указывал Р. Иеринг, в конечном счете, зависит вполне от условий, предполагаемых правом в личности судьи. «Таких условий, заслуживающих особого внимания законодателя, два. Одно интеллектуального свойства: необходимое знание, потребный навык и умелость в применении этого знания, короче сказать, теоретическое и практическое обладание правом. Учреждения новейшего времени, гарантирующие это условие, известны: изучение права, государственные экзамены и кандидатура. Второе условие чисто морального свойства, дело характера: твердость воли и нравственное мужество, необходимые для того, чтобы, не поддаваясь посторонним влияниям, не увлекаясь ни ненавистью, ни дружбою, состраданием или страхом перед людьми, неуклонно применять и восстанавливать право, т.е. справедливость в субъективном смысле. Истинный судья нелицеприятен... Таково второе требование, предъявляемое к нему; оно имеет, однако, существенное различие от пер-

¹ Бурдье, П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц. – М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 2007 (Серия «Gallicinium»). С. 95.

² Мурадян Э. М. Нотариальные и судебные процедуры. М.: Юристъ, 2006. С. 218.

³ См.: Мурадян Э. М. Указ. соч. С. 218.

вого. Знание можно сделать обязательным, его можно вынудить; вынудить, сделать обязательным характер невозможно, нет учреждения, которое бы гарантировало беспристрастие судьи»¹.

По мнению выдающегося правоведа, психологический противовес, которым пользуется закон для предотвращения соблазнов судьи к пристрастию, в свою очередь, бывает двойного рода: внутренний, или нравственный, моральный и внешний, или правовой. Первым служит клятвенное обещание исполнять долг свой, так называемая судейская присяга, встречающаяся у всех культурных народов².

По мнению В. Г. Ярославцева, Р. Иеринг выводит нравственный императив судейского правотворчества, в отсутствие которого судейское усмотрение превращается в противоположность – произвол. Разумеется, законодательство располагает средствами для устранения вредных последствий пристрастия: отчасти это судоустройство, отчасти судопроизводство, процесс, в частности, коллегиальный состав суда, возможность обжалования решения в вышестоящую судебную инстанцию, право отвода судьи. Однако, как мы прекрасно понимаем, законодательное регулирование судейской деятельности нив коей мере не может заменить нравственные качества судьи³.

«Меч правосудия, – указывал Р. Иеринг, – предполагает в лице того, кто признан владеть им, нравственное мужество, достаточное для того, чтобы наносить им удары виновному и выдерживать гнев, ненависть и неприязнь последнего, в этом смысле каждый судья расплачивается за правосудие своей собственной личностью... При этом законодательство может и должно позаботиться о том, чтобы личный вклад судьи в дело правосудия не превышал необходимых размеров, чтобы от судьи не требовалось риска его существованию». «Летописи юстиции, – далее замечает он, – представляют блестящие и высоко поучительные примеры неустрашимости, стойкости, нравственного героизма судей, но общество не должно предъявлять чрезмерных требований к нравственным силам судьи, оно не должно основывать судейскую должность на предположении героизма и мученичества,

¹ Иеринг Р. Борьба за право. // История государственно-правовых учений: Хрестоматия. М., 2006. С.871.

² Иеринг Р. Указ. соч. С.871.

³ См.: Ярославцев В. Г. Нравственное правосудие и судейское правотворчество. М.: ЗАО Юстицинформ, 2007. С. 244.

а рассчитывать при этом лишь на среднюю меру человеческих сил»¹.

Социокультурная среда предопределяет модели поведения судей. «Суды, – замечает Д. Ллойд, – часто стремятся свести к минимуму или скрыть элемент сознательного выбора, затрагивающий оценку и переоценку ценностей, в процессе принятия ими решений. Причиной тому – не желание мистификации и не попытка претендовать на то, что право является абсолютно рациональной и точной наукой, которая в состоянии решить любую проблему простым применением логики. Юристы, воспитанные в духе западного рационализма, особенно остро ощущают, что существуют и всегда должны существовать очень четкие границы, в пределах которых суды и судьи свободны изменять право, прямо или косвенно, под предлогом его развития или реформирования. Наличие в странах Запада регулярно избираемых законодательных органов делает разделение между созданием законов и их судебным толкованием разумным и оправданным, а ограничение правотворческой компетенции судов считается способствующим сохранению их независимости. Поэтому суды остерегаются открыто признавать подобную деятельность, даже когда они непосредственно участвуют в создании нового права посредством своих решений, дабы избежать обвинений в «узурпации» функций законодательного органа. Отсюда и другая тенденция политики судов – всячески приуменьшить фактор сознательного выбора в процессе принятия решений и представить свою аргументацию в форме логических выводов из действующих норм. И все же тот достаточно жестокий способ, посредством которого судебное право развивалось и претерпевало изменения от поколения к поколению, показывает, что это лишь в значительной степени «фасад» непрерывного процесса. Тем не менее, в нем содержится важная истина, а именно, что в силу самой своей природы судебное право, имея постоянно дело с улаживанием споров по мере их возникновения, представляет собой медленный и постепенный процесс, осуществляемый не посредством всеобъемлющих реформ, а, по выражению Холмса, подобно тому, как «вода камень точит», то есть внося малозаметные на первый взгляд

¹ Иеринг Р. Указ. соч. С. 871.

изменения тут и там время от времени в «безбрежную и сложную ткань» правовой системы»¹.

Показательно возрастание роли суда (правосудия) не только в англосаксонском, но и в континентальном праве: «Юридический актер, – пишет А. Гарапон, – не довольствуется долее применением познаваемых норм: он вынужден их предвидеть. Уголовный или гражданский закон, уточнявший детали обязанностей, постепенно вытесняется общей обязанностью соблюдать осмотрительность, которая вводится посредством расширения идеи ответственности. Но кто, если не судья, – риторически вопрошает автор, – даст соответствующую оценку? Правосудие *aposteriori* реализует то, что позитивное право понимало *apriori*. Завтрашний день становится не поддающимся осмыслению, будущее – поддающимся управлению. Право судьи, – замечает А. Гарапон, – может быть только правом наступающего дня».²

Французский правовед следующим образом аргументирует свою позицию. Например, уголовное законодательство отныне включает широкий перечень проступков «с нечеткими очертаниями», включая, например, «сознательное создание угрозы для личности другого», что «по сути выливается в уголовное наказание гражданской ответственности. Принцип легальности и ограничительного толкования уголовного закона подвергается яростным атакам. В действительности только судье *aposteriori*, составляет ли тот или иной поступок «создание угрозы другому» или нет»³.

Французский правовед А. Гарапон обращает внимание на известное английское выражение: «Justice must only be done but also to be seen to be done»⁴.

Беспристрастность судьи, замечает исследователь, может выражаться либо в логическом переосмыслении пристрастности в духе большей лояльности к закону, либо в склонности к полному нейтралитету. Сегодня обнаруживают себя обе гипотезы.

Однако, по мнению французского правоведа, есть и еще один подход, в наивысшей степени отвечающий чаяниям современного общества: «Третья установка, – пишет он, – состоит в

¹ Ллойд Д. Идея права: Репрессивное зло или социальная необходимость? / Пер. с англ. М.: Книгодел, 2009. С. 276–277.

² Гарапон А. Хранитель обещаний: суд и демократия. М.: Nota Bene, 2004. С. 175.

³ Там же. С. 176–177.

⁴ «Правосудие не только должно быть отправляемо, необходимо видеть, как оно было отправлено»: Цит. по изданию: Гарапон А. Хранитель обещаний: суд и демократия. М.: Nota Bene, 2004. С. 292.

том, чтобы держать правосудие на удалении от политизированного влияния и обеспечивать нейтралитет судей начиная с момента приглашения на работу и до окончания судейской карьеры. Такое стремление...реабilitирует профессионализм и вознаграждает за нейтралитет. Третий путь решения проблемы больше соответствует современным чаяниям общества. Действительно, демократическое общество больше, чем любое другое, нуждается в настоящему независимых арбитрах. В условиях демократии, которая становится все более юридической и все менее республиканской, следует заново оценить статус третейского судьи. Тот, кто хочет занимать этот пост, должен соблюдать соответствующие правила приличия и заплатить соответствующую цену – может быть, завышенную, – обязуясь никогда впредь не исполнять никакую другую публичную функцию, неукоснительно следовать обязанности быть сдержанным в высказываниях и хранить абсолютную тайну»¹.

По мысли А. Гарапона, чтобы достичь такой беспристрастности, недостаточно очередной реформы статуса магистратуры или даже реформы Конституции, необходимо утверждать новое отношение к правовой норме. Правовое государство – это прежде всего государство норм. Новая демократия требует меньше законов, но больше принципов, меньше основополагающих норм, но больше процедурных норм, меньше запретов, но больше санкций, меньшей сакрализации права, но большего к нему уважения². Таким образом, социализация судьи зависит от множества факторов, предъявляемых обществом и государством.

Библиографический список

1. *Аврутин Ю. Е.* Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти в России: теория, история, перспективы. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 96.
2. *Бурдые П.* Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007 (Серия «Gallicinium»). С. 95.
3. *Гарапон А.* Хранитель обещаний: суд и демократия. М.: Nota Bene, 2004. С. 175.

¹ Гарапон А. Указ. соч. С. 293.

² См.: Там же.

4. *Иеринг Р.* Борьба за право. // История государственно-правовых учений: Хрестоматия. М., 2006. С. 871.
5. *Лешков В. Н.* Русский народ и государство: История русского общественного права до XVIII века. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 415.
6. *Ллойд Д.* Идея права: Репрессивное зло или социальная необходимость? / Пер. с англ. М.: Книгодел, 2009. С. 276–277.
7. *Мурадян Э. М.* Нотариальные и судебные процедуры. М.: Юристъ, 2006. С. 218.
8. «Правосудие не только должно быть отправляемо, необходимо видеть, как оно было отправлено»: Цит. по изданию: *Гарапон А.* Хранитель обещаний: суд и демократия. М.: Nota Bene, 2004. С. 292.
9. *Ярославцев В. Г.* Нравственное правосудие и судебское правотворчество. М.: ЗАО Юстицинформ, 2007. С. 244.

Ю. Г. Лескова

профессор кафедры
гражданского права ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный
аграрный университет
имени И. Т. Трубилина»
доктор юридических наук
yuliyleskova@yandex.ru

В. С. Григорян

магистрантка ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный
Аграрный университет
имени И. Т. Трубилина»
grigoryan.vartanush@mail.ru

**К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ
СУБЪЕКТОВ ТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

**LEGAL STATUS OF TRADE PARTIES:
QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE**

Авторами на основе доктринального анализа исследуется вопрос о правовом статусе субъектов торговой деятельности. Анализируются проблемы теории и практики, связанные с легальным закреплением понятия «субъекты торговой деятельности». Проводится разграничение понятий «субъекты коммерческого права», «субъекты предпринимательского права», «субъекты, осуществляющие приносящую доход деятельность». Исследуются вопросы правовой характеристики социальной торговой деятельности.

Ключевые слова: Торговая деятельность; коммерческое право; приносящая доход деятельность; профессиональная деятельность; хозяйствующий субъект; предпринимательская деятельность.

The authors on the basics of doctrinal analysis research the question of legal status of trade parties. The article analyzes the problems of theory and practice connected with legal consolidation of the notion «trade parties». Distinctions will be given between such definitions as: «subjects of commercial law», «subjects of business law» and «entities engaged in income-generating activities». The authors explore the questions of legal qualification of social commercial activity.

Key words: Commercial activity; commercial law; income-generating activity; professional activity; economic entity; business activity.

Торговая деятельность в России активно развивается и с каждым годом увеличивает свои обороты. Согласно п. 1 ст. 2 ФЗ от 28.12.2009 № 381-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» (далее – закон о *торговой деятельности*) торговая деятельность – это вид предпринимательской деятельности, связанный с приобретением и продажей товаров. Сами формы торговой деятельности разнообразны, и со временем приобретают новые очертания. Так, сегодня очень популярна такая форма торговой деятельности как электронная торговля. В юридической литературе, отмечая преимущества такой формы ведения деятельности, предлагается на законодательном уровне закрепить ее признаки и понятие¹.

Прежде чем затронуть вопросы, связанные с правовым статусом субъектов торговли, для любых форм торговой деятельности имеет важное значение определение ее субъектного состава. Согласно статье 8 закона о торговой деятельности, субъектами торговой деятельности являются хозяйствующие субъекты, чей правовой статус закрепляется в названном законе. Само определение хозяйствующего субъекта дается в другом законе – ФЗ от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О защите конкуренции». В ст. 4 названного закона закреплено, что **хозяйствующий субъект** – это коммерческая организация, некоммерческая организация, осуществляющая деятельность, приносящую ей доход, индивидуальный предприниматель, иное физическое лицо, не за-

¹ Руденко Е. Ю., Усенко А. С. Понятие и правовое регулирование электронной торговли // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 111. С. 708.

регистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, но осуществляющее профессиональную деятельность, приносящую доход, в соответствии с федеральными законами на основании государственной регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации. Из приведенного определения мы видим, что субъекты торговой деятельности – это не только те, кто осуществляют предпринимательскую деятельность, но те, которые занимаются приносящей доход деятельностью.

В числе тех лиц, кто осуществляет приносящую доход деятельность, законодателем названы некоммерческие организации. Так, согласно п. 4 ст. 50 ГК РФ «некоммерческие организации могут осуществлять приносящую доход деятельность, если это предусмотрено их уставами, лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и если это соответствует таким целям».

К сожалению, законодателем не дается определение «приносящая доход деятельность». В юридической литературе в настоящее время сложилось несколько позиций относительно соотношения понятий «предпринимательская деятельность» и «приносящая доход деятельность»¹. Некоторые ученые считают, что одним лишь законодательным решением невозможно изменить правовой природы того или иного явления, «деятельность, приносящая доход» останется, по своей сути, предпринимательской деятельностью некоммерческой организации². Другие исходят из того, что «хозяйственная деятельность некоммерческих организаций, даже в случае соответствия признакам предпринимательства, перечисленным в ст. 2 ГК РФ, по своей природе таковой не является»³. На наш взгляд (и мы об этом неоднократно говорили), приносящая доход деятельность в ряде случаев будет отвечать закрепленным в ст. 2 ГК РФ признакам предпринимательской деятельности: извлечение прибыли, осуществление ее на свой риск,

¹ Шайдуров И. В. Понятие приносящей доход деятельности некоммерческих организаций // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 6–7. С. 138.

² См., напр.: Гросул Ю. В. О праве некоммерческих организаций на занятие предпринимательской деятельностью // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». 2013. № 3 (Доступ из СПС «Консультант Плюс»).

³ Серова О. А. Классификация юридических лиц: монография. М.: ИГ «Юрист», 2009. С. 54.

под свою имущественную ответственность¹. Не случайно В. В. Лаптев подчеркнул следующим образом взаимосвязь между этими понятиями: «Некоммерческая хозяйственная деятельность охватывается предпринимательским правом как «тяготеющая» к предпринимательской деятельности»². Вместе с тем следует учитывать случаи получения доходов, которые относятся исключительно к приносящей доход деятельности некоммерческих организаций: во-первых, в результате действий, связанных с разовым извлечением прибыли, а равно приводящих к получению случайных разовых доходов, побочных заработков (под предпринимательской деятельностью следует понимать деятельность, направленную на систематическое получение прибыли); во-вторых, получение некоммерческими организациями имущества в виде дара, пожертвований, по завещанию³.

Как видим, различное толкование в юридической литературе понятия «приносящая доход деятельность», неизбежно приводящее на практике к его «удобному» пониманию, может негативно сказаться на применении норм обновленного ГК РФ. Сказанное подтверждает необходимость законодательного закрепления понятия и содержания приносящей доход деятельности некоммерческих организаций.

В числе тех лиц, которые названы в качестве хозяйствующего субъекта, также выделены физические лица, не зарегистрированные в качестве индивидуального предпринимателя, но осуществляющие профессиональную деятельность, приносящую доход, в соответствии с федеральными законами на основании государственной регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации. Как видим, законодатель связывает возможность стать хозяйствующим субъектом также с профессиональной деятельностью. Однако и здесь не просто понять, что следует понимать под ней. В юридической литературе отмечается, что к профессиональной деятельности может быть отнесена любая не запрещенная законом экономически значимая деятельность, осуществляемая физическими лицами, при условии, что порядок осуществления такой деятельности

¹ См.: Лескова Ю. Г. Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений. М., 2013. С. 164.

² Лаптев В. В. Субъекты предпринимательского права: учеб. пособие. М., 2003. С. 22.

³ Лескова Ю. Г. Предпринимательская и приносящая доход деятельность некоммерческих организаций // Цивилист. 2009. № 2. С. 27–30.

должен регулироваться федеральными законами¹. Кроме того, отдельные виды деятельности могут быть одновременно и предпринимательскими, и профессиональными (например, аудиторская деятельность). Ориентиром в том, является ли та или иная деятельность профессиональной, может быть только прямое указание законодателя. Так, например, к профессиональной деятельности следует относить деятельность арбитражных управляющих (п. 1 ст. 20 ФЗ от 26.10.2002 «О несостоятельности (банкротстве)»), оценочную деятельность (ч. 1 ст. 3 ФЗ от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»), некоторые виды деятельности на рынке ценных бумаг (брокерская, дилерская, депозитарная и т.д.) (глава 2 ФЗ от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»), актуарную деятельность (п. 3 ст. 2 ФЗ от 02.11.2013 № 293-ФЗ «Об актуарной деятельности в Российской Федерации») и т.д. Важным при этом является то, что подобная деятельность подлежит лицензированию или субъекты, осуществляющие ее, обязаны вступить в члены саморегулируемой организации.

К субъектам торговой деятельности следует относить также субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность². Однако необходимо проводить между ними различия. По мнению М. А. Егоровой субъекты торговой деятельности входят в круг субъектов коммерческого права, и их следует отличать от субъектов предпринимательского права по следующим основаниям:

1) по объекту правоотношений: основная деятельность субъектов коммерческого права связана с продвижением товаров на оптовом рынке от производителей к оптовым потребителям. Деятельность субъектов предпринимательского права в первую очередь связана с производством товаров;

2) по правовому положению: субъекты коммерческого права равны между собой, для них характерно наличие горизонтальных связей, основанных на принципах договорной работы. А для субъектов предпринимательского права характерно наличие вертикальных (частно-публичных) отношений, так как такие субъекты более выражено находятся под публичным воздействием;

¹ См.: напр.: Кайль А. Н., Батяев А. А. Комментарий к федеральному закону от 1 декабря 2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (постатейный) // Консультант Плюс, 2009.

² Лескова Ю.Г. К вопросу о модернизации правил ГК РФ о юридических лицах // Политематический сетевой электронный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 102. С. 144.

3) по степени свободы: в предпринимательском праве субъекты более ограничены действием публично-правовых норм, в отличие от субъектов коммерческого права¹.

В процессе изучения данной темы мы столкнулись с тем, что теоретический материал значительно отличается от практики, которая сложилась в нашей стране в сфере торговли и торговой деятельности в целом. В этой связи нельзя не отметить в рамках настоящей работы наличие на практике и в теории такой проблемы, как отождествление понятий «субъекты» и «участники» торговой деятельности. Во многих учебниках и научных статьях авторы используют данные термины в качестве синонимов, тем самым порождая путаницу, недопонимание. Так, в качестве примера можно привести учебник О. А. Беяевой «Коммерческое право России». В главе под названием «Понятие и виды участников (субъектов) коммерческой деятельности» автор апеллирует термином «участники», при этом в скобках также отмечается понятие «субъекты»². Таким образом, О. А. Беяева указывает на схожесть данных терминов.

Считаем, что понятие «участники» по своему содержанию гораздо шире понятия «субъекты»: под «участниками торговой деятельности» понимаются как производители товаров и перепродавцы (посредники), так и потребители, индивидуальные предприниматели, организации, приобретающие товары для хозяйственного потребления³, субъектами же торговой деятельности являются только лица, которые продают производимый товар и (или) покупают и перепродают купленный ими товар.

Исследуя вопрос о правовом статусе субъектов торговой деятельности необходимо указать на то, что юридически эта категория закрепляется нормами права, и она неразрывно связана с социальной структурой общества, а также характером отношения государства к торговой деятельности. На сегодняшний день многие ученые, авторы, такие как Я. С. Гришина, А. В. Габов, Г. А. Гаджиев, подчеркивают социальную значимость торговой деятельности, так как и оптовая, и розничная торговля направлены на удовлетворение потребностей населения. В связи с этим-

¹ Егорова М. А. Коммерческое право: учеб. для вузов. М., 2013. С. 36.

² Беяева О. А. Коммерческое право России: учеб. для вузов. М., 2014. С. 119

³ Спектор А. А. К вопросу о категориях «субъект предпринимательской деятельности» и «субъект предпринимательского права» // Бизнес и право в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 8.

предлагается выделение такого вида государственного регулирования торговли, как социальная торговая деятельность. Как отмечает Я. С. Гришина, под социальной торговой деятельностью следует понимать торговую деятельность, нацеленную на решение социальных проблем, в частности, борьбу с голодом и бедностью¹. При этом следует отметить, что такой правовой институт, как социальная торговая деятельность, эффективно применяется законодательствами зарубежных стран (Мексика, Португалия, Словения, Великобритания и др.).

В Российской Федерации социальная торговля тоже обретает свое развитие. Так, решением Комитета Совета Федерации по социальной политике Федерального Собрания РФ создана рабочая группа Комитета в области регулирования социальной торговли и осуществления торговой деятельности в социальной сфере². На наш взгляд, учитывая современное положение всех сфер общественной деятельности, в особенности экономической и политической, создание правового механизма, позволяющего задействовать потенциал субъектов торговой деятельности, является одной из важнейших задач нашего государства.

Далее, в связи с тем, что возник механизм социальной торговой деятельности, возникает вопрос о субъектах такого рода деятельности. Так, признание индивидуального предпринимателя или коммерческой организации в качестве субъекта социальной торговли должно повлечь определенные правовые последствия – например, введение преференциального режима их деятельности. Следовательно, необходимо четко сформулировать, прописать и отразить признаки социальной торговли в проекте Федерального закона о социальной торговой деятельности, в принятии которого настаивают многие ученые³.

Мы считаем, что в сфере розничной торговли признаками социальной торговой деятельности обладают социальные магази-

¹ Гришина Я. С. Концептуальная модель правового обеспечения российской социальной торговой деятельности. М., 2016. С. 60.

² Информация об итогах заседания Комитета Совета Федерации по социальной политике Федерального собрания Российской Федерации 4 марта 2014 г. URL: <http://social.council.gov.ru/media/files/41d4c6204937424e7fa9.pdf>. (дата обращения 24 октября 2016 г.)

³ Габов А. В. Баланс конституционных принципов свободы экономической деятельности и социального государства (на примере правовых позиций Конституционного Суда) // Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом: Сб. науч.-практ. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. М., 2015. С. 214.

ны, создание которых предусмотрено в Концепции развития внутренней продовольственной помощи в Российской Федерации¹. Поскольку в торговом законодательстве магазин рассматривается прежде всего в качестве торгового объекта, с правовой точки зрения под социальным магазином следует понимать хозяйствующего субъекта, осуществляющего продажу социально значимых продовольственных товаров первой необходимости, на которые Правительство РФ вправе устанавливать предельно допустимые розничные цены социально незащищенным категориям граждан. Правовой статус такого хозяйствующего субъекта в качестве субъекта, осуществляющего деятельность, относящуюся к социальной торговле, на наш взгляд, должен быть определен в нормативном правовом порядке.

В настоящее время в законодательстве отсутствуют положения о правовом статусе оптово-посреднических и складских организаций, в частности, распределительных центров². Г. Н. Васильев указывает на пробелы современного законодательства в отношении не только самих субъектов торговли, но и их правового статуса. Отдельное внимание он уделяет правовому статусу организаторов торговли, которых выделяет в так называемую группу специальных субъектов коммерческого права и которых он считает наименее изученными³. Эту категорию субъектов автор относит к специальным субъектам, поэтому наделяет их специальной правосубъектностью, при этом уделяя особое внимание их функциональному назначению в торговой сфере деятельности. Г. Н. Васильев предлагает упорядочить деятельность таких субъектов, что сможет в свою очередь способствовать развитию рынка в России. Мы согласны с данной точкой зрения автора и приходим к выводу об отсутствии прочной законодательной базы, недостаточности поддержки со стороны государства в направлении торговых отношений.

В юридической литературе сегодня предлагаются различные основания разграничения субъектов торговой деятельности, что порождает неоднозначность мнений и точек зрения как в теории, так и на практике. Так, например, одним из оснований для раз-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 3 июля 2014 г. № 1215-р «Об утверждении Концепции развития внутренней продовольственной помощи в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 28. Ст. 4106.

² Васильев Г. Н. Правовое регулирование торговой деятельности в Российской Федерации. М., 2014. С. 65.

³ Васильев Г. Н. Указ. соч. С. 58.

деления субъектов торговли является осуществление ими деятельности в той или иной сфере хозяйствования: промышленности, транспорте, строительстве, сельском хозяйстве и т.д. Н. А. Молчанова, Ю. А. Елагин предлагают систематизировать субъектов по предметам торговли: 1) универсальные субъекты торговли (без ограничений на осуществление любой коммерческой деятельности); 2) ориентированные субъекты, т.е. те, которые имеют дело непосредственно с определенным видом товаров либо занимаются узконаправленным видом деятельности (например, транспортные организации или предприятия-заготовители сельскохозяйственной продукции); 3) специализированные субъекты, т.е. те, для которых требуется наличие специального разрешения (например, лицензирование). К таким можно отнести субъекты, осуществляющие торговлю лекарственными, наркотическими препаратами, оружием¹.

Если обратиться к нормам законодательства РФ, то закон о торговой деятельности выделяет хозяйствующих субъектов, осуществляющих торговую деятельность, и хозяйствующих субъектов, осуществляющих поставки производимых или закупаемых товаров, предназначенных для использования их в предпринимательской деятельности, в том числе, для продажи или перепродажи (п. 3 ч. 2 ст. 1). При этом содержание названного закона не позволяет определить отличия между данными категориями. Е. А. Григорович пришел к выводу, что положения данного Закона, касающиеся хозяйствующих субъектов, осуществляющих торговую деятельность, и хозяйствующих субъектов, осуществляющих поставки товаров, противоречат друг другу². Нельзя провести четкую грань между данными субъектами и однозначно сказать, что хозяйствующие субъекты, осуществляющие торговую деятельность – это лица, занимающиеся розничной торговлей, а хозяйствующие субъекты, осуществляющие поставки товаров – лица, занимающиеся оптовой торговлей. В связи с этим Е. А. Григорович предлагает установить в законодательстве общее понятие хозяйствующего субъекта, осуществляющего торговую деятельность, под которым бы понимался поставщик или продавец товара (в том числе производитель товара), осуществляющий продажу

¹ Елагин Ю. А., Николаева Т. И., Николаева Н. А. Организация коммерческой деятельности в торговле: учеб. пособие. Екатеринбург, 2002. С. 54.

² Григорович Е. А. Правовые проблемы понятия субъектов торговой деятельности. М., 2014. С. 12.

товара по договорам поставки и купли-продажи (в том числе розничной купли-продажи). Также он считает, что целесообразно ввести использование таких понятий, как «хозяйствующий субъект, осуществляющий розничную торговлю» и «хозяйствующий субъект, осуществляющий оптовую торговлю». На наш взгляд, такое разграничение субъектов позволит упростить имеющуюся законную формулировку и облегчит понимание ключевого отличия субъектов.

Стоит отметить, что в законодательстве зарубежных стран, например, таких как Германия, Англия, Франция, США, субъектом торговой деятельности является коммерсант. Так, например, согласно ст. 2–104 Единообразного торгового кодекса США, коммерсантом признается тот, кто совершает операции с товарами определенного рода или может рассматриваться как обладающий особыми знаниями и опытом в отношении предмета сделки по роду своих занятий, характеру поведения или использованию посредника. В большинстве зарубежных торговых кодексов имеется детальная классификация субъектов торговли. В Германском торговом уложении, к примеру, закреплено 4 вида субъектов: 1) надлежащие коммерсанты, т.е. те, кто осуществляют торговую деятельность в виде промысла; 2) коммерсанты по форме – все акционерные и хозяйственные общества, независимо от содержания деятельности; 3) коммерсанты по необходимости; 4) так называемые «неполные купцы» – мелкие товаропроизводители и торговцы. Важно отметить, что все лица, участвующие в торговле, по закону Германии руководствуются правилами деятельности коммерсантов.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что законодательство о регулировании торговой деятельности в нашей стране должно быть доработано, чтобы в теории и на практике не возникало проблем при толковании такого понятия, как «субъекты торговой деятельности», «правовой статус субъектов торговой деятельности». Поэтому предлагаем понимать под субъектами торговой деятельности хозяйствующих субъектов оптовой и розничной торговли, которые непосредственно осуществляют торговую деятельность и зарегистрированы в установленном законом порядке. Также представляется необходимым в законе о торговой деятельности сформулировать определение хозяйствующего субъекта, которое вполне может быть таким же, как в ФЗ «О защите конкуренции», с уточнением понятий «приносящая доход деятельность», «профессиональная деятельность».

Библиографический список

1. *Беляева О. А.* Коммерческое право России: учеб. для вузов. М., 2014.
2. *Васильев Г. Н.* Правовое регулирование торговой деятельности в Российской Федерации. М., 2014.
3. *Габов А. В.* Баланс конституционных принципов свободы экономической деятельности и социального государства (на примере правовых позиций Конституционного Суда) // Сб. науч.-практ. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом» (22 апр. 2015 г.). М., 2015.
4. *Григорович Е. А.* Правовые проблемы понятия субъектов торговой деятельности. М., 2014.
5. *Гришина Я. С.* Концептуальная модель правового обеспечения российской социальной торговой деятельности. М., 2016.
6. *Гросул Ю. В.* О праве некоммерческих организаций на занятие предпринимательской деятельностью // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». 2013. № 3.
7. *Егорова М. А.* Коммерческое право: учеб. для вузов. М., 2013.
8. *Елагин Ю. А., Николаева Т. И., Николаева Н. А.* Организация коммерческой деятельности в торговле: учеб. пособие. Екатеринбург, 2002.
9. *Кайль А. Н., Батяев А. А.* Комментарий к федеральному закону от 1 декабря 2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (постатейный) // Консультант Плюс, 2009.
10. *Лантев В. В.* Субъекты предпринимательского права: учеб. пособие. М., 2003.
11. *Лескова Ю. Г.* К вопросу о модернизации правил ГК РФ о юридических лицах // Политематический сетевой электронный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 102.
12. *Лескова Ю. Г.* Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений. М.: Статут, 2013.
13. *Лескова Ю. Г.* Предпринимательская и приносящая доход деятельность некоммерческих организаций // Цивилист. 2009. № 2.
14. *Руденко Е. Ю., Усенко А. С.* Понятие и правовое регулирование электронной торговли // Политематический сетевой элек-

тронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 111.

15. *Серова О. А.* Классификация юридических лиц: монография. М.: ИГ «Юрист», 2009.

16. *Спектор А. А.* К вопросу о категориях «субъект предпринимательской деятельности» и «субъект предпринимательского права» // Бизнес и право в России и за рубежом. 2012. № 2.

17. *Шайдуров И. В.* Понятие приносящей доход деятельности некоммерческих организаций // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 6–7.

К. А. Долгополов

доцент кафедры
уголовного права и криминологии
Ростовского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)
кандидат юридических наук,
доцент
nadal06@mail.ru

Г. Б. Магомедов

директор
Северо-Кавказского института
(филиала) ФГБОУ ВО
«Всероссийский
государственный университет
юстиции (РПА Минюста России)»
кандидат юридических наук,
доцент
magomed.gb@gmail.com

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ
НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ**

**ISSUES OF SENTENCING FOR CRIMES AGAINST
JUSTICE**

Статья посвящена анализу санкций уголовно-правовых норм, регламентирующих уголовную ответственность за преступления против правосудия. Показано, что лишение свободы на определенный срок является самым распространенным видом наказания. В качестве дополнительных применяются такие виды наказаний как штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а также ограничение свободы. Показано, что величина санкции в виде максимального срока лишения свободы обладает существенным недостатком, так как он является не прямым, а косвенным, искусственно установленным. Более того, нынешняя

методика установления эквивалентности между общественной опасностью деяния и соответствующим ей максимальным размером наказания в виде лишения свободы, основанная исключительно на методе экспертных оценок, представляется не совсем верной. Общественная опасность отдельных преступных деяний определяется бессистемно, без учета ее непосредственных показателей, их внутренней систематизации и видового деления. В статье предложено более активно применять наказания, не связанные с реальным лишением свободы.

Ключевые слова: Санкция; уголовно-правовая норма; уголовная ответственность; категория преступлений; преступления против правосудия.

This article analyzes the sanctions of criminal law governing criminal responsibility for crimes against justice. It is shown that the deprivation of liberty for a certain period is the most common form of punishment. As additional they apply such penalties as fines, deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities, as well as the restriction of freedom. It is shown that the value of the sanction in the form of maximum term of imprisonment has a major drawback as it is not direct but indirect, artificially established. Moreover, the current method of establishing equivalence between the socially dangerous act and its corresponding maximum size of imprisonment sentence based solely on the method of expert estimates, is considered to be not quite true. Public danger of certain criminal offenses is determined irregularly, without regard to its immediate characteristics, their internal systematization and specific division. The article suggested a more active use of punishment, not connected with real deprivation of freedom.

Key words: sanction; criminal legal rules; criminal liability; grade of offense; crimes against justice.

Назначение наказания – это своего рода венец, пик торжества правосудия по уголовным делам, воплощение справедливости, попираемой совершением преступных деяний, акт воздаяния за причиненное зло. Как ни важна правильная квалификация преступлений, все-таки практический эффект уголовного законодательства проявляется прежде всего в назначенном наказании лицу, виновному в совершении преступления. Ответственность этого этапа применения наказания, его исключительная сложность заключаются, на наш взгляд, в том, что назначенное судом наказание имеет несколько адресатов, и оно обращено в будущее. Основной «мишенью» наказания является лицо, признанное виновным в совершении преступления, как «автор» учиненной несправедливости, источник социального зла. Назначая ему

наказание, суд в то же время оказывает превентивное воздействие и на других граждан. Весьма существенно назначаемое осужденному наказание затрагивает интересы его семьи. Нередко близкие испытывают не меньшие, а то и большие страдания и материальные затруднения, чем сам осужденный. Назначая осужденному наказание, суд реализует как ретроспективный, так и позитивный аспекты уголовной ответственности.

Обвинительный приговор с назначением наказания обращен в прошлое, поскольку оно назначается за деяние, совершенное в прошлом и заключает в себе государственное осуждение, порицание преступления и лица, его совершившего, материализуемое в присущих наказанию лишениях или ограничениях прав исвобод виновного, и в то же время наказание, определяемое судом, обращено и в будущее, поскольку оно призвано утвердить социальную справедливость, обеспечить исправление осужденного, предупреждение новых преступлений как с его стороны, так и со стороны других граждан путем реализации специальной и общепредупредительной функций.

Тем самым при назначении наказания закладывается основа для обеспечения решения задач уголовного законодательства и достижения поставленных передним целей.

Принципиально важная черта назначения наказания, на наш взгляд, заключается еще и в том, что на этом этапе его применения смыкаются уголовный закон и правоприменительная практика, проходят, как говорится, проверку на «прочность» нормы, регулирующие назначение наказания и адекватность понимания и применения их в конкретных жизненных ситуациях.

Назначение наказания составляет наряду с его исполнением содержание применения наказания. Именно на первом этапе или стадии применения наказания начинается практическое взаимодействие уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, закладывается основа для достижения целей последнего и регламентированных в законе целевых установок наказания. От того, насколько законным и справедливым будет назначенное судом наказание, в решающей степени зависит успешное достижение этих целей в процессе исполнения наказания.

Назначение наказания – один из центральных институтов уголовного права, поскольку в нем завязаны в своеобразный узел квалификация преступлений, основания и пределы уголовной

ответственности, ее дифференциации и индивидуализации, ее принципы, задачи уголовного законодательства и цели наказания.

Как было отмечено, назначение наказания выступает в качестве первого этапа применения наказания в целом. Вместе с исполнением наказания оно составляет содержание более общего и комплексного института, регулируемого нормами уголовного и уголовно-исполнительного права. Между группами этих норм, как, впрочем, и между задачами и целями уголовного законодательства и наказания, с одной стороны, и уголовно-исполнительного законодательства, с другой, не должно быть противоречий и неувязок.

То, что принципы и нормы, регулирующие назначение наказания, составляют в своей совокупности институт уголовного права, вряд ли у кого вызывает сомнение. Хотя не всегда на этом акцентируется внимание в литературе. Даже в работах, специально посвященных исследованию назначения наказания, авторы зачастую обходят стороной общие вопросы, касающиеся сущности, социальной значимости, принципов назначения наказания, а также соотношение, а точнее, взаимодействие составляющих его элементов, то есть охватываемых данным институтом принципов и норм. Обычно эта проблематика раскрывается с позиций общих начал назначения.

Между тем смысл и предназначение любой отдельной нормы или правила назначения наказания можно уяснить только тогда, когда они будут рассмотрены не в отрыве, а в системе, соответствующей структуре норм, закрепленных в УК РФ. Назначение наказания, рассматриваемое как институт уголовного права, нельзя сводить только к общим началам назначения наказания. Его содержание характеризуется рядом специфических, присущих ему принципов, общих начал и отдельных специальных правил.

В действующем УК РФ нормы, регламентирующие назначение наказания, закреплены в главе 10 «Назначение наказания». А в УК РСФСР 1960 г. они были сосредоточены в главе пятой «О назначении наказания и об освобождении от наказания» (ст. 37–43). Несмотря на приведенное название в ней, как в своеобразном конгломерате, были собраны разнородные по своему содержанию и направленности нормы – о назначении наказания, применении условного осуждения, отсрочки исполнения пригово-

ра, об освобождении от наказания, освобождении от уголовной ответственности и погашении судимости.

Считаем необходимым заметить, что с принятием Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 431-ФЗ «О внесении изменения в статью 8 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» приведение в действие механизма принудительных работ отложено на 3 года. Теперь принудительные работы в качестве вида уголовного наказания будут назначать с 1 января 2017 года. Это уже второй перенос. Первый раз введение принудительных работ было перенесено на год (с 1 января 2013 года на 1 января 2014 года). Очередной перенос обусловлен неготовностью ФСИН России реализовывать этот вид наказания. Напомним, что принудительные работы рассматриваются как альтернатива лишению свободы за преступления небольшой и средней тяжести, а также за совершенные впервые тяжкие преступления.

Говоря о наказании в виде лишения свободы за данную группу статей, мы понимаем, что величина санкции в виде максимального срока лишения свободы – единственный формализованный показатель, пригодный для измерения общественной опасности деяния. Однако этот показатель обладает существенным недостатком, так как он является не прямым, а косвенным, искусственно установленным. Более того, нынешняя методика установления эквивалентности между общественной опасностью деяния и соответствующим ей максимальным размером наказания в виде лишения свободы, основанная исключительно на методе экспертных оценок, представляется не совсем верной. Общественная опасность отдельных преступных деяний определяется бессистемно, без учета ее непосредственных показателей, их внутренней систематизации и видового деления. Это связано, прежде всего, с тем, что рассматриваемая проблема находится еще в стадии постановки и поисков общих подходов, а не разработки конкретных решений. Нам представляется необходимым в первую очередь произвести анализ, а в дальнейшем и систематизацию тех обстоятельств, которые непосредственно составляют сущность общественной опасности. Полагаем, что общественная опасность преступления определяется признаками состава преступления. Именно признаки, объединенные в четыре элемента состава преступления, выступают непосредственными показателями общественной опасности преступного деяния. Ана-

лиз состава преступления показывает, что всякий его признак влияет либо на характер, либо на степень общественной опасности деяния: во-первых, определяя ее как таковую, а во-вторых, выступая ее непосредственным показателем. При этом большинство признаков состава, за исключением, пожалуй, преступных последствий имущественного характера, не подлежит формализации и непосредственной количественной оценке, что обусловлено их сугубо качественным характером.

Например, в соответствии с ч. 3 ст. 52 УК РСФСР не подлежит конфискации имущество, необходимое осужденному или лицам, находящимся на его иждивении, согласно перечню, предусмотренному уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации. Соответствующие ограничения при применении пожизненного лишения свободы и смертной казни, а также ряда наказаний в отношении лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте, предусмотрены в ст. 57, 59 и 88 УК РФ.

Таким образом, институт назначения наказания включает целую совокупность норм, регламентированных в других главах УК РФ (а не только приведенных в главе 10). Более того, как нам представляется, в него входят определенной частью и условное осуждение как самостоятельная мера уголовно-правового характера и отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до 14 лет, как вид освобождения от наказания под определенными условиями, поскольку в этих случаях суд с учетом всех общих начал и соответствующих специальных правил назначиллицу, виновному в преступлении, наказание. Кроме того, согласно ч. 4 ст. 73 УК РФ при условном осуждении суд может назначить дополнительное наказание, кроме конфискации имущества, реально обращаемое к исполнению.

При применении условного осуждения, ряда видов освобождения от наказания (ст. 82, 92 УК РФ), суд также руководствуется общими началами назначения наказания, закрепленными в ст. 60 УК РФ, и в первую очередь учитывает характер и степень общественной опасности преступления, обстоятельства его совершения и личность виновного.

Институт назначения наказания как определенная система принципов и норм выделяется и своей структурой.

Так, в ст. 60, 61 и 63 УК РФ закреплены общеправила назначения наказания независимо от форм совершения преступ-

ления в том смысле, что они подлежат применению при рассмотрении каждого уголовного дела, при назначении наказания за любое преступление. Регламентированные в ст. 60 УК общие начала назначения наказания имеют общенормативный характер, поскольку они должны приниматься во внимание во всех случаях назначения наказания, скажем, как за оконченное, так и неоконченное преступление, за преступное деяние, совершенное единолично или в соучастии, при осуждении лица за преступление, совершенное впервые, или же при рецидиве преступлений и т.д. Тот же общенормативный характер имеют и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, изложенные в ст. 61 и 63 УК РФ. Они также должны учитываться независимо от специфики преступной деятельности и особенностей квалификации содеянного.

Наряду с общими нормативами назначения наказания в УК РФ закреплены и специальные правила его назначения. Последние, базируясь в целом на общих требованиях назначения наказания, предусматривают определенную специфику его назначения за отдельные формы совершения преступления, внося в них определенную корректировку в сторону смягчения или, наоборот, усиления наказания¹.

Анализируя преступления против правосудия мы видим, что преступления:

- небольшой тяжести составляют 53 % (27 преступлений);
- средней тяжести – 25 % (13 преступлений);
- тяжкие – 20 % (10 преступлений);
- особо тяжкие – 2 % (1 преступление).

Законодатель предусмотрел такие виды наказания за преступления против правосудия, как штрафы – 51 % (для 26 преступлений).

Лишение свободы на определенный срок является наиболее популярным основным видом наказания из числа предусмотренных в главе 31 УК РФ. В случае его отсутствия в качестве более суровых видов наказаний законодатель предусмотрел в санкциях арест и обязательные работы, соответственно, в 18 % (для 9 преступлений) и 4 % (для 2 преступлений) случаев.

¹ Хамитов Р. Н. Специальные правила назначения наказания за единичное преступление. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Казань, 2001. С.134

В качестве дополнительных такие виды наказаний, как штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а также ограничение свободы предусмотрены, соответственно, в 2 % (для 1 преступления), в 10 % (для 5 преступлений) и в 2 % (для 1 преступления) случаев.

Учитывая, что лишение свободы на определенный срок является самым распространенным видом наказания, полагаем, что все же правоприменителю следует более активно применять наказания, не связанные с реальным лишением свободы.

Библиографический список

1. Долгополов К. А. К вопросу о целях назначения уголовного наказания. Вестник СевКавГТИ. Научно-исследовательский журнал. 2015. Выпуск 20. С.83–86.
2. Хамитов Р. Н. Специальные правила назначения наказания за единичное преступление. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Казань, 2001.
3. Чучаев А. И. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник. М.: ИНФРА-М, 2013. С. 106.
4. Илджиев А. А. Значение дополнительных критериев при назначении наказания за преступления, совершенные в соучастии // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 1. С. 139–141.
5. Словарь современного русского литературного языка. Т.2. (В). М.: Издательство Академии наук СССР. 1394 с.
6. Соболев В. В. Основание и дифференциация ответственности соучастников преступления: Автореф. дис. канд. ... юрид. наук. Краснодар, 2000.34 с.
7. Иванов С. А. Аналогия уголовного закона как способ преодоления его коррупциогенных факторов // Наука. Инновации. Технологии. 2013. № 1. С. 176–181.

А. В. Зарубин
судья Волгоградского
областного суда
кандидат юридических наук,
доцент
a.v.zarubin@yandex.ru

ВЫКУП ДОЛИ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРЕИМУЩЕСТВЕННОГО ПРАВА ПОКУПКИ

REDEMPTION OF SHARES AS A METHOD OF PROTECTION OF PRE-EMPTION RIGHT

В статье рассматривается вопрос приобретения субъектом преимущественного права покупки владения в случае, если отчуждена доля в праве общей долевой собственности с нарушением преимущественного права покупки и вместе с ней перешло владение частью общего имущества. Автор оценивает возможность применения существующих способов защиты и приходит к выводу об их неэффективности, предлагая ввести институт выкупа.

Ключевые слова: Право собственности; право общей собственности; владение; преимущественное право покупки; право долевой собственности; выкуп доли в праве; продавец; покупатель; способы защиты гражданских прав

The article discusses the acquisition by the subject of pre-emption right the possession in the case if a share in the common property is sold in violation of pre-emption right, and along with the possession of a part of the common property has passed. The author assesses the possibility of using of existing protection methods and concludes that they are ineffective, offering to introduce the institution of redemption.

Keywords: Ownership; the right of common ownership; possession; pre-emption right; shared ownership; share redemption in the right; seller; buyer; methods of protection of civic rights.

Гражданское законодательство закрепляет преимущественное право покупки доли в праве общей долевой собственности и устанавливает правило, согласно которому при продаже доли с нарушением преимущественного права любой другой участник долевой собственности имеет право требовать перевода на него прав и обязанностей покупателя (ст. 250 ГК РФ).

В научной литературе многократно отмечалось, что применение такого способа защиты, как перевод прав и обязанностей покупателя, приобретает в нашей действительности одну особенность – к нему прибегают тогда, когда сделка исполнена, а, значит, появилась фигура нового собственника, то есть отношения уже вышли за пределы «покупатель–продавец». Если продолжить эти размышления, то логично предположить, что новый собственник вступил во владение той частью имущества, которая приходилась на долю отчуждателя. Вероятнее всего данное обстоятельство, как наиболее очевидно свидетельствующее об отчуждении доли (ибо о записи в реестре сособственник мог бы никогда не узнать), и дает старт притязаниям соседа – субъекта права преимущественной покупки.

Как мы уже упомянули, исключительным способом защиты в случае нарушения преимущественного права покупки является иск о переводе прав и обязанностей покупателя (п. 3 ст. 250 ГК РФ). Даже такой распространенный способ защиты, как признание сделки недействительной, отмечается судебной практикой без малейших колебаний. Верховный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что требование о недействительности сделки не может быть удовлетворено ни по основанию, предусмотренному ст. 173.1 ГК РФ (недействительность сделки, совершенной без необходимого в силу закона согласия третьего лица, органа юридического лица или государственного органа либо органа местного самоуправления), ни по какому бы то ни было еще¹. Единственное, на что дополнительно может рассчитывать субъект преимущественного права покупки – на запись о праве собственности в Едином государственном реестре прав. Так, согласно п. 1.2 Постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 10 июня 1980 г. № 4 (ред. от 06 февраля 2007 г.) «О некоторых вопросах практики рассмотрения судами споров, возникающих между участниками общей собственности на жилой дом» при удовлетворении иска о переводе прав и обязанностей покупателя в решении суда должно быть указано о замене покупателя истцом в договоре купли-продажи и в записи о праве в Едином государственном ре-

¹ Абзац 4 пункта 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. (ред. от 23 июня 2015 г.) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Российская газета. № 109. 21 мая 2010 г.

естре прав, а также о взыскании с истца в пользу ответчика уплаченных им сумм.

Очевидно, что интерес субъекта преимущественного права покупки не может быть удовлетворен осознанием себя покупателем и даже собственником. Если исходить из того, что собственник удовлетворяет имущественную потребность в чем-то материальном¹, то ему нужна вещь, ему необходимо владение, а владение осуществляет другое лицо. В связи с этим возникает, пожалуй, главный вопрос: «Как завладеть частью имущества, принадлежащей на приобретенную долю, если она находится в обладании прежнего покупателя?».

Для завладения необходимо специальное средство защиты (иск). Наиболее подходящими на эту роль могли бы стать иск о понуждении исполнить обязательство в натуре, виндикационный иск, а также иск из неосновательного обогащения либо реституционный иск в связке с требованием об исполнении обязательства в натуре. Первый в нашем списке иск мы отмечаем сразу же, поскольку между субъектом права преимущественной покупки и покупателем, удерживающим вещь, нет взаимных обязательств, предметом исполнения которого служила бы спорная вещь (ст. 308.3 ГК РФ). Виндикационный иск (ст. 301 ГК РФ) тоже не работает, поскольку, во-первых, он применим к случаям отчуждения вещи неуправомоченным отчуждателем; во-вторых, направлен на «восстановление утраченного собственником фактического обладания вещью»². В нашем случае покупатель приобретает вещь на основании соглашения с собственником. Поскольку такое соглашение действительно, то повода для вывода о неправомотности отчуждателя нет. Даже если предположить, что неуправомоченность отчуждателя выразилась в передаче владения ненадлежащему покупателю (хотя это категорически неверно) мы наталкиваемся на следующую преграду – субъект права преимущественной покупки никогда не утрачивал владение, а потому не может его вернуть. Таким образом, виндикационный иск оказывается здесь бесполезным. Крайне сомнительно и применение положений о неосновательном обогащении (ст. 1102 ГК

¹ Камышанский В. П. Право собственности как средство обеспечения потребностей в цивилистическом учении Н. А. Барина // Власть закона. № 1 (21). 2015. С. 22.

² Гражданское право. В 2 ч. Ч. 1: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / под ред. В. П. Камышанского, Н. М. Коршунова, В. И. Иванова. М., 2012. 450 с. Автор главы В. П. Камышанский.

РФ), поскольку в основании завладения лежит сделка. Кроме того, приобретатель должен обогатиться за счет субъекта преимущественного права покупки, то есть, попросту говоря, получить вещь от него, чего в нашем случае нет.

Остается только предположение об использовании наиболее универсального способа защиты – возмещении убытков. Его применение могло быть основано на тезисе о разделении завладения и владения, и том, что последнее после перевода прав и обязанностей покупателя не основано на законе и противоправно. Однако возмещение убытков не удовлетворит истца, поскольку ему необходимо владение, да и не понятно, кому должно быть адресовано данное требование.

Даже если на минуту предположить, что допустимо признание сделки недействительной и применима реституция (ст. 167 ГК РФ), то и это не исправило бы ситуации. Дело в том, что реституция направлена на «обратную» передачу, то есть в нашем случае покупатель должен был бы вернуть полученное продавцу, а не субъекту права преимущественной покупки.

Получается, что существующие способы защиты не предоставляют субъекту преимущественного права покупки возможность завладеть вещью. Вероятно, что далее законодательство должно развиваться либо по пути принципиального изменения подхода и прийти к принудительному выкупу вещи, то есть перенаправлении притязания субъекта преимущественного права покупки от продавца к покупателю, либо оставаться на существующей позиции, то есть замены покупателя, но с предоставлением последнему возможности истребования имущества от его предшественника. Теоретически возможен и возврат к судебной практике середины прошлого века, когда нарушение преимущественного права покупки влекло недействительность сделки и возврат в первоначальное положение. Причем продавцу должен вернуться не только титул, но и владение вещью. В этом случае отчуждатель либо остается со своей долей и при своем владении, либо отчуждает ее субъекту преимущественного права покупки. При таком положении дел субъект преимущественного права покупки при возникновении проблем, связанных с передачей владения, мог бы требовать исполнения обязательства в натуре от своего контрагента, как это и предусмотрено законом (ст. 308.3 ГК РФ).

Полагаем, что из всех перечисленных вариантов разрешения сложившейся ситуации верным будет тот, который связан с

введением института выкупа. Выкуп должен рассматриваться как способ защиты права преимущественной покупки. Истцом по делу о выкупе выступает субъект преимущественного права покупки, ответчиком – покупатель доли. Условия удовлетворения такие же, как и при переводе прав и обязанностей покупателя: помимо факта нарушения преимущественного права покупки (неизвещение, ненадлежащее извещение, нарушение сроков получения ответа) необходима воля на реальное приобретение, выраженная во внесении денежных средств. Решение суда не должно обязывать стороны заключить договор. Оно само должно его заменить. В судебном акте необходимо прямо указывать на взаимные права и обязанности сторон: ответчик понуждается передать долю на праве собственности истцу; истец понуждается выплатить определенную цену. Ориентиром в объеме передаваемого сторонами служит первоначальный договор, то есть покупатель (ответчик) фактически понуждается продать долю точно на тех же условиях, включая цену, что приобрел сам. В этом случае мы избегаем совершенно непонятной ситуации, которая имеет место при существующем способе защиты (переводе прав и обязанностей покупателя): продавец получает деньги от первоначального покупателя по договору, а потом еще и от субъекта преимущественного права покупки по решению суда. Конечно, первоначальный покупатель вправе вернуть их, но на этом пути его поджидает масса преград: от выбора надлежащего способа защиты до реального исполнения. Наконец, снимается самый главный вопрос – о возврате владения. Даже если исходить из предположения, что решение суда о выкупе порождает обязательственное правоотношение и не может быть обеспечено путем отобрания вещи, у субъекта права остается дополнительный иск о понуждении к исполнению обязательства в натуре. Такой возможности у сособственника сейчас нет, как нет и обязательств между ним и покупателем.

Введение института выкупа способно разрешить еще одну немаловажную проблему, связанную с ограниченностью действия иска о переводе прав и обязанностей покупателя. Нами уже отмечалось, что перевод прав и обязанностей логичнее осуществлять до того момента, пока сделка сторонами не исполнена. Однако, как правило, субъект преимущественного права покупки узнает о нарушении преимущественного права после этого момента. Если на смену переводу прав и обязанностей придет выкуп, то для него исполненная сторонами сделка будет составлять

самую благоприятную почву, поскольку именно в этот момент и появляется фигура нового собственника, у которого, собственно, и будет осуществляться выкуп.

Библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 140. 30 июня 2015 г.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. (ред. от 23 июня 2015 г.) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Российская газета. № 109. 21 мая 2010 г.
3. Камышанский В. П. Право собственности как средство обеспечения потребностей в цивилистическом учении Н. А. Баринова // Власть Закона. № 1 (21). 2015.
4. Гражданское право. В 2 ч. Ч. 1: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / под ред. В. П. Камышанского, Н. М. Коршунова, В. И. Иванова. М., 2012. 450 с. Автор главы В. П. Камышанский.

С. В. Камышанская
адвокат штата Калифорния
(г. Сан-Франциско), США,
кандидат юридических наук
svkamysh@gmail.com

СВОБОДНОЕ ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

FREE SOFTWARE AND INFORMATION SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье содержится анализ правового регулирования отношений по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации. Особое внимание уделяется оценке новых положений в федеральном законе РФ «О противодействии коррупции», направленных на установление дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечение общественной безопасности в России. Обосновывается вывод о необходимости привлечения государственных структур к задачам поддержки развития свободного программного обеспечения и использования открытых стандартов в России. Открытость программного обеспечения обозначает открытость кодов для массового пользователя, однако объем предоставляемых прав в отношении данных кодов может быть значительно уже. Открытое программное обеспечение нельзя приравнять к свободному программному обеспечению. Обосновывается вывод о том, что невозможно обеспечить информационную безопасность страны путем использования открытого программного обеспечения и снижения зависимости от иностранных разработчиков в ситуации, когда законодательство недостаточно развито, нормативно-правовое регулирование допускает односторонний порядок расторжения договора и имеются определенные противоречия с принятыми в международном сообществе стандартами и дефинициями.

Ключевые слова: Информационная безопасность; противодействие терроризму; коррупция; общественная безопасность; свободное программное обеспечение; информационные технологии; открытое программное обеспечение.

The article contains an analysis of legal regulation of relations of the Russian Federation to ensure information security. Particular attention is paid to the evaluation of the new provisions in the Federal Law «On Combating Corruption», aimed at establishing additional measures to counter terror-

ism and ensure public safety in Russia. The conclusion is made about the necessity of state structures to support the objectives of the development of free software and open standards in Russia. Openness refers to software of open source for the masses, but the amount of granted rights in respect of these codes can be much longer. Open source software cannot be equated with free software. The conclusion is that it is impossible to ensure the information security of the country through the use of open source software and to reduce dependence on foreign developers in a situation where the law is not sufficiently developed, legal regulation allows for the unilateral order cancellation of the contract and are certain contradictions to the accepted in the international community standards and definitions.

Keywords: Information security; terrorism counteraction; corruption; social security; free software; information technology; open source software.

В недавнем прошлом, Президент Российской Федерации, Владимир Владимирович Путин, подписал Федеральный закон «О внесении изменения в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» более известный под названием «Пакет Яровой».

Данное событие вызвало бурную реакцию общественности. Большое количество юристов и общественных деятелей дало негативную оценку данному закону. Мнение противников данного закона основано прежде всего на беспокойстве, что в результате применения данного закона экономика России, и без того не совсем здоровая и стабильная, может быть подорвана. Как известно, реализация закона потребует проведения масштабных инвестиций в телекоммуникационную отрасль, которые по оценкам специалистов должны составлять сумму порядка 4–5 триллионов рублей¹. Однако подписанный закон весьма расплывчато говорит об источниках финансирования и не гарантирует выделения бюджетных средств на проведение реформы. Кроме того, по мнению специалистов, результатом реализации закона будет снижение информационной безопасности россиян и компаний, осуществляющих свою деятельность на территории Российской

¹ Код Яровой: чем грозит антитеррористический закон интернет-пользователям. http://www.rbc.ru/technology_and_media/24/06/2016/576c0a529a79471bc44d2b57

Федерации, но при этом внесенные поправки не решают проблемы информационной безопасности Российской Федерации.

Полагаю, что данный закон и его влияние на экономику России, ее инвестиционную привлекательность и развитие информационных технологий еще долго будут являться предметом дискуссий¹. Я же, как адвокат, предметом специализации которого являются сделки в области информационных технологий и защита интеллектуальной собственности, хочу остановиться лишь на одной части данного закона – части, касающейся поправок в Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Согласно ст. 1 данного закона, он регулирует отношения, возникающие: 1) при осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации; 2) применении информационных технологий; 3) обеспечении защиты информации.

Таким образом, смею предположить, что основной целью внесения поправок в указанный закон в рамках «Пакета Яровой» является обеспечение информационной безопасности Российской Федерации. Однако дальнейший анализ данного закона, в частности, и гражданского законодательства Российской Федерации, позволяет сделать вывод о том, что данная поправка не является комплексным решением проблемы информационной безопасности. Чтобы не быть голословной, поделюсь размышлениями, которые привели меня к данному выводу.

Согласно ст. 2 вышеназванного закона, информация – это сведения (независимо от формы их представления), а информационные технологии – процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов. Данный закон также определяет, что обладателем информации – лицом, самостоятельно создавшим информацию либо получившим на основании закона или договора право разрешать или ограничивать доступ к информации, определяемой по каким-либо признакам, может быть гражданин (физическое лицо), юридическое лицо, Российская Федерация, субъект Российской Федерации, муници-

¹ Близнец И. А. Внедрение свободных лицензий: правовая или организационная проблема? / И. А. Близнец, К. Б. Леонтьев // Копирайт. 2011. № 2. С. 61; Савельев А. И. Лицензирование программного обеспечения в России: законодательство и практика: Науч. изд. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 123.

пальное образование¹. Согласно ст. 16 этого же закона обладатель информации обязан обеспечить предупреждение возможности неблагоприятных последствий нарушения порядка доступа к информации, недопущение воздействия на технические средства обработки информации, в результате которого нарушается его функционирование, иначе он может быть привлечен к ответственности.

Таким образом, можно сделать вывод, что Российская Федерация – является лицом, ответственным за информационную безопасность, и соответственно должна предпринимать все необходимые меры для ее обеспечения.

Можем ли мы говорить, о том, что это обязанность, возложенная на наше государство действующим законодательством, исправно выполняется, и принятие «Пакета Яровой» было последним и необходимым шагом на пути к обеспечению информационной безопасности России? Для того, чтобы попытаться ответить на данный вопрос, мы можем проанализировать лишь один аспект создания государственных информационных систем – использование открытых ресурсов при создании государственных баз данных.

Началом активного обсуждения и последующего использования открытых ресурсов при разработке программного обеспечения, используемого государственными структурами, послужило выступление депутата Виктора Алксниса 11 октября 2007 г., который высказал свои опасения по поводу того, что Россия «не в состоянии защититься от кибератак со стороны Соединенных Штатов Америки», в чем, по его мнению, можно было убедиться 24 августа 2007 г., когда корпорация Microsoft осуществила массовый несанкционированный доступ в десятки миллионов компьютеров по всему миру, подключенных к Сети, включая и компьютеры российских пользователей².

Сразу после этого, в 2007 году, Центром ИТ-исследования и экспертизы Академии народного хозяйства при Правительстве РФ было проведено исследование вопроса использования свободного программного обеспечения и использования открытых

¹ Ст. 6 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=183056&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.47239753316117006#1>

² Свободное программное обеспечение. <http://archive.is/bYrD5>

стандартов, по результатам которого был опубликован сборник материалов¹.

Задачей данного исследования являлось привлечение внимания государственных структур к задачам поддержки развития свободного программного обеспечения и использования открытых стандартов в России. Одним из разделов указанного исследования являлся анализ преимуществ и недостатков использования открытых лицензий в государственных информационных системах.

Среди преимуществ были перечислены такие, как простота интеграции и высокая совместимость; создание независимости пользователя от конкретного поставщика; снижение стоимости, инвестиционных рисков и самое главное – отсутствие правовых рисков, связанных с изменением лицензии. Кроме того, был сделан достаточно категоричный вывод о том, что использование открытых стандартов позволит избежать риска полной потери контроля над данными в результате прекращения поддержки какой-либо технологии поставщиком. Необходимо обратить внимание на тот факт, что Министерство экономического развития Российской Федерации согласилось с данными выводами и приняло решение об использовании открытого стандарта электронного документа ISO/IEC 26300:2006, уже принятого в качестве национального стандарта в ряде стран, работу с которым в настоящее время поддерживают более трех десятков популярных в мире наименований свободного программного обеспечения.

Для того, чтобы понять, насколько данные выводы были обоснованы, необходимо прежде всего определиться с понятийным аппаратом и понять, что подразумевается под свободным программным обеспечением, открытым программным обеспечением и открытыми стандартами.

Прежде всего необходимо отметить, что по мнению организации Free Software Foundation, созданной с целью развития и распространения свободного программного обеспечения, понятия свободного и открытого программного обеспечения имеют значительные сходства, но не являются идентичными². Согласно данного ими определения, «Free software» или свободное программное обеспечение происходит от слова «свобода» и означает свободу его

¹ <http://www.ifap.ru/library/book370.pdf>

² The word «open» never refers to freedom. What is free software? The free software definition. <https://www.gnu.org/gnu/about-gnu.html>

использования, копирования, распространения, изучения, изменения и улучшения. Похожее определение свободному программному обеспечению дает Министерство Экономического развития РФ. По мнению Министерства, свободное программное обеспечение (СПО, FOSS, FLOSS, free software) – программное обеспечение (программы для ЭВМ), распространяемое на условиях свободного, в отдельных случаях также наследуемого, лицензионного договора. Свободный лицензионный договор о предоставлении права использования программы для ЭВМ (свободная лицензия) – простая (неисключительная) лицензия, на основании которой пользователь получает право:

- использовать программу для ЭВМ в любых, не запрещенных законом целях;
- получать доступ к исходным текстам (кодам) программы как в целях изучения и адаптации, так и в целях переработки программы для ЭВМ;
- распространять программу (бесплатно или за плату, по своему усмотрению);
- вносить изменения в программу для ЭВМ (перерабатывать) и распространять экземпляры измененной (переработанной) программы с учетом возможных требований наследования лицензии¹.

Исходя из вышеперечисленных определений использование свободного программного обеспечения имеет большое количество преимуществ и может обеспечить независимость формирования и обслуживания государственных баз данных. Однако при этом необходимо обратить внимание на тот факт, что все вышеперечисленные определения были сформированы под влиянием или на основе законодательства США и, соответственно, могут быть применены на территории Российской Федерации только в случае, если законодательство Российской Федерации, регулирующее защиту прав интеллектуальной собственности и порядок заключения договоров, находится в полном соответствии с вышеперечисленными принципами использования открытого программного обеспечения и порядка его лицензирования².

¹ Глоссарий концепции развития разработки и использования свободного программного обеспечения в Российской Федерации.

<http://archive.is/bYrD5#selection-435.0-478.0>

² Свиридова Е. А. Открытая лицензия как правомерное действие правообладателя по установлению пределов свободного использования произведения // Новый

Четвертая часть ГК РФ регулирует порядок установления и защиты прав на интеллектуальную собственность, однако, такое понятие как свободное программное обеспечение или свободная лицензия в нем отсутствует. Статья 1286.1 ГК РФ, введенная Федеральным законом от 12.03.2014 г. ввела понятие открытая лицензия на использование произведения науки, литературы и искусства. Однако данное понятие ни по своему наименованию, ни по своему содержанию не соответствует вышеприведенным определениям открытой лицензии. Справедливости ради надо отметить, что даже согласно определению Free Software Foundation, «термин “открытый” не имеет никакого отношения к термину “свободный”» (перевод автора).¹ Открытость программного обеспечения обозначает открытость кодов для массового пользователя, однако объем прав в отношении данных кодов может быть значительно уже. Подобную ситуацию мы видим в Российском законодательстве. Согласно положений вышеназванной статьи Гражданского Кодекса Российской Федерации, лицензиар, то есть правообладатель, вправе в одностороннем порядке полностью или частично отказаться от договора лицензирования, если лицензиат будет предоставлять третьим лицам права на принадлежащие лицензиару произведения, либо на использование нового результата интеллектуальной деятельности, созданного лицензиатом на основе этого произведения, за пределами прав открытой лицензии. Иными словами, в России отсутствует законодательство, регулирующее лицензирование свободного программного обеспечения. Регулирование же прав лицензиара на распространение программы в открытом лицензионном договоре, созданной на основе предмета лицензионного договора, осуществляется таким образом, что оно может быть существенно ограничено или вообще прекращено.

Что касается понятия Открытый стандарт, которое так же активно используется при обсуждении вопроса диверсификации информационных рисков, то в вышеназванном мною сборнике материалов по результатам исследования он определен как технологическая спецификация, которая разрабатывается, поддерживается и распространяется в соответствии с определенными тре-

юридический журнал. 2014. № 4. С. 63; Соболев И. А. Свободные лицензии в авторском праве России: монография. М.: Юстицинформ, 2014. С. 204.

¹ The word «open» never refers to freedom. What is free software? The free software definition. <https://www.gnu.org/gnu/about-gnu.html>

бованиями. Судя по перечисленным критериям и требованиям, автор имел в виду стандарты, применяемые Open Source Initiative. Данный вид сертификации подтверждает, что лицензия на сертифицированный программный продукт не накладывает ограничений на копирование, использование и изменение для пользования в личных целях. Однако коммерческое распространение продукта должно производиться с определенными ограничениями¹. Таким образом, открытое программное обеспечение нельзя приравнять к свободному программному обеспечению. Кроме того, на основании изложенного можно сделать вывод, что смешение данных понятий и отсутствие четких законодательных дефиниций могут повлечь за собой негативные последствия для участников таких правоотношений.

По результатам данного краткого анализа возникает вопрос, можем ли мы говорить об обеспечении информационной безопасности страны путем использования открытого программного обеспечения и снижения зависимости от иностранных разработчиков в ситуации, когда законодательство недостаточно развито, нормативно-правовое регулирование допускает односторонний порядок расторжения договора и существуют определенные противоречия с принятыми в международном сообществе стандартами и дефинициями.

На мой взгляд, нет. Согласно Википедии системный подход к описанию информационной безопасности предлагает выделение ряда составляющих. Законодательная, нормативно-правовая и научная база являются первыми составляющими в списке². В отсутствие первого и основополагающего элемента говорить о том, что вопросы решены, и внесение поправок в Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» было завершающим штрихом или хотя бы логическим продолжением построения системы информационной безопасности – нельзя.

¹ <https://opensource.org/osd>.

² https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%B%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%B1%D0%B5%D0%B7%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C

Библиографический список

1. *Близнец И. А.* Внедрение свободных лицензий: правовая или организационная проблема? / *И. А. Близнец, К. Б. Леонтьев* // Копирайт. 2011. № 2. С. 61–69.
2. *Савельев А. И.* Лицензирование программного обеспечения в России: законодательство и практика: науч. изд. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 416 с.
3. *Свиридова Е. А.* Открытая лицензия как правомерное действие правообладателя по установлению пределов свободного использования произведения // Новый юридический журнал. 2014. № 4. С. 60–65.
4. *Соболь И. А.* Свободные лицензии в авторском праве России: монография. М.: Юстицинформ, 2014. 196 с.

Е. А. Коломиец

доцент кафедры гражданского
права Северо-Кавказского
филиала ФГБОУ ВО «Российский
государственный университет
правосудия»,
доцент кафедры ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный
аграрный университет
имени И. Т. Трубилина»
кандидат юридических наук
kolomiezea@gmail.com

**О СООТНОШЕНИИ ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ
НАЧАЛ В ИМУЩЕСТВЕННОМ ОБОРОТЕ****ON RATIO OF PUBLIC AND PRIVATE
START IN PROPERTY TURNOVER**

В статье рассматриваются некоторые аспекты соотношения публичных и частных начал в механизме гражданско-правового регулирования имущественных отношений. Отмечается тенденция роста доминирования публичных интересов над частными при закреплении новых правил гражданского оборота. Предлагается выработать на доктринальном уровне показатели соразмерности устанавливаемых ограничений гражданского права социально значимым целям.

Ключевые слова: Публичный интерес; соотношение публичных и частных интересов; субъекты гражданского права; осуществление права; защита субъективного гражданского права; ограничение гражданских прав; пределы осуществления субъективного гражданского права

The article considers some aspects of the ratio of the public and private beginnings in the mechanism of civil regulation of property relations. The tendency of growth of domination of public interests over private is noted when fixing new rules of civil circulation. It is offered to develop at the doctrinal level the indicators of harmony of set restrictions of civil law to socially significant purposes.

Keywords: Public interest; ratio of public and private interests; subjects of civil law; implementation of right; protection of subjective civil law; restriction of civil rights; limits of implementation of subjective civil law.

Проблемы правового регулирования отношений между участниками гражданского оборота постоянно требуют поиска и разрешения компромисса между публичными и частными интересами, государством, обществом и отдельно взятой личностью. В этом нет ничего предвзятого, поскольку у всех без исключения субъектов гражданского права всегда были, есть и будут свои собственные интересы, отличные от интересов других. Для разрешения возникающих между ними конфликтов и придумано право. Оно закрепляет границы дозволенной свободы и гарантирует их принудительной силой государства через специальные правоохранительные органы.

В современной науке гражданского права существует целый ряд крупных проблем, решению которых были посвящены труды не одного поколения ученых-юристов. К числу таких проблем, вне всякого сомнения, следует отнести и проблемы законодательного обеспечения соотношения публичных и частных интересов и их гармонизации с помощью норм публичного и частного права. Колебания исторического маятника развития политического устройства российского общества от диктатуры к демократии и от демократии к диктатуре делали востребованными в качестве доминирующих соответственно публично-правовые, основанные на власти и подчинении, или частноправовые, основанные на равенстве, подходы к регулированию отношений собственности и иных имущественных отношений.

Правовая политика к проблемам соотношения публичных и частных начал при регулировании имущественных отношений в России неоднократно меняла свой вектор движения. В этой связи можно условно выделить три основных наиболее характерных этапа развития российского гражданского законодательства. Первый этап включает ушедший в историю период построения социализма в отдельно взятой стране (1917–1985 гг.).

Второй этап связан с именем Горбачева М. С., и его курсом на перестройку политического устройства нашего общества, который завершился социальной катастрофой – развалом Союза Советских Социалистических Республик. На развалинах СССР в Российской Федерации на первоначальном этапе свобода на рынке работала на тех, кто стремился в ходе приватизации за счет государственного имущества сколотить первоначальный капитал и закрепить свою монополию на соответствующем рынке товаров, работ или услуг (1985–2000 гг.).

Третий этап берет начало с 2000 г. Для него характерно нарастающее вмешательство государства в частные дела граждан и юридических лиц, в том числе с использованием возможностей силовых структур. В последние годы это обстоятельство стало негативно сказываться на инвестиционной привлекательности российской экономики, создавать реальную угрозу для развития бизнеса предпринимателей в России. Это обстоятельство подвигло Президента РФ В. В. Путина в июле 2016 года по итогам Петербургского международного экономического форума дать поручение подготовить законопроект в защиту бизнеса. Законопроект был подготовлен на основе предложений рабочей группы по мониторингу и анализу правоприменительной практики в сфере предпринимательства. Поскольку меры гражданско-правовой защиты бизнеса от силовиков не срабатывают, В. В. Путин предлагает их сажать на 10 лет за отъем бизнеса. Законопроект об ужесточении наказания сотрудников правоохранительных органов за незаконное преследование предпринимателей глава государства внес в Госдуму РФ 28 октября 2016 г.

Документ предполагает увеличить срок лишения свободы с пяти до семи лет по ст. 299 УК РФ – привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела. Если же ущерб от действий силовиков превысил 1,5 миллиона рублей, планка наказания поднимется до 10 лет. Также появится новый состав преступления: незаконное возбуждение дела в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности из корыстной или иной личной заинтересованности, повлекшее прекращение предпринимательской деятельности либо причинение крупного ущерба. За это силовиков будут наказывать лишением свободы на срок от пяти до 10 лет.

Как нам представляется, активное развитие межотраслевых связей при регулировании отношений в сфере осуществления предпринимательской деятельности будет способствовать повышению эффективности гражданского законодательства, его ответственности, а также устойчивости гражданского оборота и защищенности его участников. В данном случае меры публично-правового воздействия отвечают не только частным интересам, но и обществу в целом¹.

¹ Камышанский В. П. Каким должно быть юридическое образование? // Современное право. 2010. № 2. С. 4.

Поскольку проблемы соотношения власти и подчинения, публичного и частного, императивности и диспозитивности в сфере правового регулирования экономики всегда имели высокую политическую цену, высказывать свою позицию было далеко не всегда безопасно и требовало от ученых определенного гражданского мужества и смелости. Одной из первых работ, посвященных этой проблематике в послереволюционный период, была работа ученого-цивилиста Б. Б. Черепахина «К вопросу о частном и публичном праве»¹, опубликованная в 1926 году.

В последующем эта проблематика по мере изменения политического режима государства периодически была предметом активных научных дискуссий. Соотношение публичных и частных начал при регулировании имущественных отношений на рынке товаров, работ и услуг продолжает оставаться одной из сложнейших задач науки гражданского права². Ее в принципе невозможно решить единожды раз и навсегда в силу динамичности общественных процессов, а также глобализации и интеграции российской экономики в международное экономическое пространство.

Вмешательство государства в частные дела неизбежно. Однако при этом оно должно строго опираться на букву и дух закона, а не мнимую и ничем не обоснованную целесообразность достижения чьих-то корыстных или узковедомственных интересов. Задача государства заключается в том, чтобы стимулировать действия участников гражданского оборота, создавать для них благоприятные условия и предпосылки, надежно защищать права добросовестных участников гражданского оборота.

Разработка проблем в сфере соотношения частных и публичных интересов через правовое регулирование этих отношений нормами частного и публичного права в настоящее время нуждается в конкретизации и практической направленности результатов таких исследований. Конечно же, мы должны иметь четкое представление о том, что мы понимаем под частным, а что – под публичным правом. Не менее важно знать, что же происходит с нормами частного и публичного права, когда они начинают взаимодействовать на имущественные отношения в процессе их

¹ Черепахин Б. Б. К вопросу о частном и публичном праве / Вступ. статья С.С. Алексеева; Исслед. Центр частного права. М.: ДЕ-ЮРЕ, 1994.40 с. (Библи. «ДЕ-ЮРЕ»; Вып. 19. Серия «Цивилистическая мысль в России»).

² Лескова Ю. Г. Частноправовые средства как инструменты публичной организации предпринимательских отношений // Современная наука. 2011. № 3. С. 25.

осуществления и применения? При этом следует помнить, что «никакого растворения частного права в публичном и наоборот, а уж тем более поглощения одного другим в процессе их взаимодействия не происходит»¹. Поэтому под взаимопроникновением частного и публичного права в рамках их конвергенции следует понимать проникновение частнопровового метода регулирования в публичную сферу общественных отношений, а публично-правового – в частную².

Гармонизация частных и публичных начал в вещном праве является одной из сложных и актуальных задач науки гражданского права. Гражданское законодательство РФ пока не может обеспечить твердые гарантии обеспечения прав и законных интересов собственникам. Положение Конституции Российской Федерации о том, что права собственников в Российской Федерации защищаются равным образом независимо от форм собственности, пока не получило должного развития в отраслевом законодательстве. Пока побеждает в споре сильнейший экономически при возникновении конфликта интересов между частными собственниками или частным собственником и государством.

Существующие в России механизмы частно-государственного партнерства должны быть адаптированы к новым политическим реалиям. Принятие специальных государственных программ должно способствовать решению крупных социальных проблем в масштабах России, отдельных отраслей экономики, а также отдельно взятых регионов, создавать новые рабочие места, повышать качество и конкурентоспособность производимой продукции на мировом рынке. Нуждаются в решении задачи повышения эффективности правового механизма приватизации и национализации государственного и муниципального имущества. Без этого весьма сложно выстроить эффективную многоукладную рыночную экономику.

Учитывая опыт приватизации государственного имущества в Российской Федерации и системный характер ее ошибок, пора отказаться от тезиса, что итоги приватизации не должны подлежать ревизии. Как нам представляется, ошибки государственной политики в сфере экономики следует исправлять, но не за счет добросовестных приобретателей, а за счет государства. Это поз-

¹ Коршунов Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики / Н. М. Коршунов. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 37.

² См.: Там же.

волит укрепить доверие частного сектора экономики и вернуть господство государства в стратегические сектора экономики, от которых зависит безопасность государства и успешная оборона страны. Возвращение государству предприятий и иных объектов недвижимости должно осуществляться не через безвозмездную национализацию и без особых обоснований его целесообразности, а только в силу исключительной социальной значимости объектов, на возмездной основе, по рыночным ценам и в упреждающем порядке. Любые действия, направленные на изъятие земельных участков у граждан и юридических лиц под благовидным предлогом с целью обеспечения животрепещущих государственных и муниципальных нужд должны решительно пресекаться законом.

Библиографический список

1. *Черепяхин Б. Б.* К вопросу о частном и публичном праве / Вступ. статья С. С. Алексеева; Исслед. Центр частного права. М.: ДЕ-ЮРЕ, 1994. 40 с. (Библ. «ДЕ-ЮРЕ»; Вып. 19. Серия «Цивилистическая мысль в России»).
2. *Коршунов Н. М.* Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики / Н. М. Коршунов. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011.
3. *Камышанский В. П.* Каким должно быть юридическое образование? // Современное право. 2010. № 2. С. 3–7.
4. *Лескова Ю. Г.* Частноправовые средства как инструменты публичной организации предпринимательских отношений // Современная наука. 2011. № 3. С. 22–27.

Е. Ю. Руденко

старший преподаватель
кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный аграрный
университет имени И. Т. Трубилина»
кандидат юридических наук
golushko1@rambler.ru

Д. Г. Саенко

студент юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный аграрный
университет имени И. Т. Трубилина»
saenko@gmail.com

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ
АКЦИЙ**

IMMEDIATE PROBLEMS OF SHARE INHERITANCE

С позиций наследственного права в настоящей статье рассмотрены вопросы наследования акций несколькими наследниками и отнесения акций наследодателя к выморочному имуществу. Также авторами проанализирована проблема наследования акций, не полностью оплаченных наследодателем к моменту своей смерти. Особое внимание уделено рассмотрению вопроса об определении момента перехода прав, предоставляемых наследуемыми акциями. В результате авторы предлагают конкретные способы решения обозначенных в статье правовых проблем.

Ключевые слова: Акция; наследование; принятие наследства; ценная бумага; выморочное имущество.

The article examines the issues of share co-inheritance and the assignment of shares to escheat from the standpoint of Inheritance Law. The problem of assessable capital stock inheritance is also analyzed by the author. Special focus is made on the question of the moment of transmission of

shares definition. As a result, the authors propose concrete solutions of legal problems.

Keywords: Share; inheritance; acceptance of inheritance; security; es-cheat.

Одним из объектов наследования в соответствии с современным российским гражданским законодательством являются акции, принадлежащие участнику акционерного общества. Причем в порядке наследования переходят не только сами акции как ценные бумаги, но и закрепленная ими совокупность прав, которыми располагал умерший участник акционерного общества.

Правовому регулированию наследования акций посвящены лишь две статьи Гражданского кодекса РФ. Так, п. 3 ст. 1176 ГК РФ гласит о том, что в состав наследства участника акционерного общества входят принадлежащие ему акции, а наследники, к которым они перешли, становятся участниками данного акционерного общества. Абзац 1 п. 5 ст. 149.2 ГК РФ устанавливает основание перехода прав на бездокументарные ценные бумаги в порядке наследования: представленное наследником свидетельство о праве на наследство. Кроме того, о возможности лиц, к которым права на акции перешли в порядке наследования, либо их представителей принимать участие в общем собрании акционеров говорит п. 4.1 Положения о дополнительных требованиях к порядку подготовки, созыва и проведения общего собрания акционеров, утвержденного приказом ФСФР России от 02.02.2012 №12-6/пз-н¹. В то же время Федеральным законом от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»² (далее по тексту – ФЗ «Об акционерных обществах») не предусмотрены какие-либо нормы, определяющие особое правовое регулирование наследования акций участников акционерных обществ.

Первая проблема, на которой следует остановиться, – наследование акций несколькими наследниками. В соответствии со ст. 1164 ГК РФ в случаях, когда наследственное имущество переходит по закону или завещанию без указания наследуемого кон-

¹ Положение о дополнительных требованиях к порядку подготовки, созыва и проведения общего собрания акционеров, утвержденного приказом ФСФР России от 02.02.2012 № 12-6/пз-н // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2012. № 35.

² Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // СПС «Консультант Плюс».

кретного имущества каждым из нескольких наследников, такое имущество поступает со дня открытия наследства в общую долевую собственность наследников. При этом, в соответствии с п. 1, 2 ст. 252 ГК РФ имущество, находящееся в долевой собственности, может быть разделено участниками по соглашению, каждый из них также вправе требовать выдела своей доли из общего имущества. В. В. Долинская отмечает, что об общей долевой собственности на акции гласит и п. 3 ст. 57 ФЗ «Об акционерных обществах», но «идет ли речь о дробных акциях или другой ситуации, остается спорным вопросом»¹. По мнению Д. А. Тимошенко и С. В. Ротко, при поступлении акций в общую долевую собственность наследников, в том числе в случае дальнейшего раздела данного наследственного имущества или выдела из него доли, дробные акции не могут возникать, поскольку в соответствии со ст. 25 ФЗ «Об акционерных обществах» перечень оснований возникновения дробных акций является закрытым и не предусматривает возможности их образования в порядке перехода по наследству нескольким наследникам². Суды исходят из того, что при наличии нескольких наследников наследуемым имуществом является пакет акций, при разделе которого недопустимо образование дробных акций. При невозможности избежать дробности акций суд отказывает в разделе пакета акций и в выделе долей в натуре³. Однако это не мешает сособственникам потребовать от регистратора открытия лицевого счета на основании Положения о ведении реестра владельцев именных ценных бумаг, утв. Постановлением ФКЦБ РФ от 02.10.1997 № 27⁴ (далее по тексту – Положение о ведении реестра). Регистрация перехода права собственности на акции осуществляется при наличии на передаточном распоряжении, передаваемом регистратору, подписей всех участников общей долевой собственности, а не одного из них. В

¹ Долинская В. В. Вопросы наследования акций // Нотариальный вестник. 2015. № 11. С. 31.

² Ротко С. В., Тимошенко Д. А. Теоретические и практические проблемы наследования акций // Нотариус. 2008. № 1. (URL: <http://www.centerbereg.ru/b11186.html> (дата обращения: 02.04.2016 г.)).

³ См. напр.: Решение Центрального районного суда г. Омска от 20.01.2016 по делу № 2-65/2016,2-6650/2015 // СПС «Право.ru».

⁴ Положения о ведении реестра владельцев именных ценных бумаг, утв. Постановлением ФКЦБ РФ от 02.10.1997 № 27 (ред. от 20.04.1998) // Экономика и жизнь. 1997. № 51.

противном случае регистратор вправе отказать во внесении записи в реестр о зачислении акций на лицевой счет¹.

Определенные вопросы возникают и в случае, когда отсутствуют наследники как по закону, так и по завещанию, либо никто из них не имеет права наследовать или все отстранены от наследования, а также когда никто не принял наследство либо все они отказались от него. В соответствии со ст. 1151 ГК РФ в таком случае имущество признается выморочным, и переходит в порядке наследования по закону в собственность РФ. В этом случае говорят о специальном условии наследования по закону².

Научные взгляды на наследование акций как выморочного имущества государством неоднородны. Так, С. А. Солдатенко полагает, что режим выморочного имущества не следует распространять на акции, поскольку участие государства в управлении коммерческими организациями представляется достаточно обременительным³. Путем решения данной проблемы может стать передача акций на баланс самому акционерному обществу для дальнейшей их реализации по цене не ниже рыночной стоимости.

Стоит отметить, что, например, в Гражданском Кодексе Азербайджана (равно как и в Гражданских кодексах Туркменистана, Грузии) при отсутствии наследников имущество в виде акций переходит к этим юридическим лицам. Причем, в данном случае не происходит наследования юридическим лицом, скорее, речь идет о частном случае перехода отдельного имущества в виде акций наследодателя юридическому лицу⁴.

Как считают А. Горина и В. Таглина, к мнению которых мы присоединяемся, следует, не отклоняясь от установленных законодателем норм о выморочном имуществе, передавать соответствующие акции государству, но при этом закрепить за акционерным обществом и его акционерами преимущественное право выкупа таких акций по соразмерной цене при последующей ре-

¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 13.11.2008 № 4668/08 по делу № А40-27703/07-125-210 // Вестник ВАС РФ. 2009. № 3.

² Седова Н. А. О некоторых условиях реализации права на наследство // Власть закона. 2015. № 2 (22). С. 79–80.

³ Солдатенко С. А. Особенности наследования имущества, вовлеченного в коммерческий оборот: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2009(URL:<http://www.dslib.net/civil-pravo/osobnosti-nasledovaniya-imuwestva-vovlechenного-v-kommercheskij-oborot.html#3942243>(дата обращения 02.04.2016 г.)).

⁴ Аббасов С. Г. О. Институт наследственного права в Азербайджанской республике и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2010. № 3. С. 74–75.

лизации акций государством¹. Это позволит обеспечить имущественные потребности акционерного общества, не меняя в целом существующий в российском праве порядок наследования выморочного имущества и соблюдая баланс частных и публичных интересов².

Еще один вопрос, возникающий на практике, состоит в том, могут ли наследоваться акции, не полностью оплаченные наследодателем к моменту своей смерти. В соответствии с п. 1 ст. 34 ФЗ «Об акционерных обществах» в случае неполной оплаты акций в течение года с момента государственной регистрации акционерного общества, если договором о создании общества не предусмотрен более короткий срок, право собственности на акции, цена размещения которых соответствует неоплаченной сумме, переходит к данному акционерному обществу. Отсюда следует, что если к моменту открытия наследства данный срок истек, то наследники имеют право наследовать только полностью оплаченные акции. Если же срок не истек, то у наследников сохраняется возможность погасить долг наследодателя по оплате акций и затем приобрести весь принадлежащий наследодателю пакет акций³.

В правовом регулировании наследования акций имеется проблема определения момента перехода прав, предоставляемых акциями. Так, в соответствии с п. 4 ст. 1152 ГК РФ «принятое наследство признается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства независимо от времени его фактического принятия, а также независимо от момента государственной регистрации права наследника на наследственное имущество, когда такое право подлежит государственной регистрации». В свою очередь, ст. 29 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» гласит о том, что право на именную бездокументарную бумагу переходит к приобретателю при учете прав на ценные бумаги у лица, осуществляющего депозитарную деятельность, – с момента внесения приходной записи по счету депо приобретателя, при учете прав в реестре – с момента внесения

¹ Горина А., Таглина В. Право государства на выморочные акции // Акционерный вестник. 2010. №1–2 (71). С. 24.

² Более подробно о понятии «имущественная потребность» и о конфликте частных и публичных интересов см.: Камышанский В. П. Право собственности как средство обеспечения потребностей в цивилистическом учении Н. А. Барина // Власть закона. 2015. № 1 (21). С. 19–25.

³ Солдатенко С. А. Указ. соч.

приходной записи по лицевому счету приобретателя. Права, закрепленные эмиссионной ценной бумагой, переходят к их приобретателю с момента перехода прав на эту ценную бумагу, при этом такой переход должен сопровождаться уведомлением держателя реестра, или депозитария, или номинального держателя ценных бумаг. В большинстве случаев судебная практика исходит из того, что переход права собственности на бездокументарные акции и, соответственно, возникновение прав акционеров происходит с момента включения информации о наследниках в реестр акционеров, а до этого момента, несмотря на выдачу свидетельства о праве на наследство, наследники не считаются акционерами¹.

Выдача свидетельства о праве на наследство в любом случае не является правообразующим фактом, а наследники становятся собственниками акций не в силу свидетельства о праве наследования, а в силу наследственного правопреемства².

В соответствии с п. 7.3.2 Положения о ведении реестра, для внесения в реестр записи о переходе права собственности на ценные бумаги в результате наследования, наследникам необходимо предоставить регистратору подлинник или нотариально удостоверенную копию свидетельства о праве на наследство. Таким образом, возникает следующая ситуация: со дня открытия наследства акции считаются принадлежащими наследнику, но переход к нему прав на них должен быть зафиксирован в реестре владельцев ценных бумаг, для осуществления чего необходимо предоставить свидетельство о праве на наследство, между получением которого и днем открытия наследства может пройти достаточно длительный срок. Фактически в течение этого срока наследник, являясь собственником наследуемых акций, не в состоянии воспользоваться предоставляемыми ими правами, а также распорядиться ими. Вместе с тем, отменить правило о необходимости предоставления свидетельства о праве на наслед-

¹ См. напр.: Определение ВС РФ от 06.06.2016 г. по делу № А40-55373/2015 // СПС «Право.ru»; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30.10.2015 г. № 09АП-38377/2015-ГК по делу № А40-55373/2015 // СПС «Консультант Плюс».

² См. напр.: Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 12.05.2015 № 08АП-3167/2015 (URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/da671d2f-66a1-4cdb-8c45-0bb6159a436b/A75-5961-2013_20150512_Postanovlenie%20apeljacionnoj%20instancii.pdf. (дата обращения: 21.09.2016 г.)).

ство для внесения соответствующей записи в реестр владельцев ценных бумаг, не представляется возможным, поскольку практически единственным бесспорным доказательством права наследника на наследуемые акции является именно такое свидетельство.

Библиографический список

1. *Аббасов С. Г. О. Институт наследственного права в Азербайджанской республике и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2010. № 3.*
2. *Горина А., Таглина В. Право государства на выморочные акции // Акционерный вестник. 2010. № 1-2 (71).*
3. *Долинская В. В. Вопросы наследования акций // Нотариальный вестник. 2015. № 11.*
4. *Камышанский В. П. Право собственности как средство обеспечения потребностей в цивилистическом учении Н. А. Барина // Власть закона. 2015. № 1 (21).*
5. *Ротко С. В., Тимошенко Д. А. Теоретические и практические проблемы наследования акций // Нотариус. 2008. № 1 (URL: <http://www.center-bereg.ru/b11186.html> (дата обращения: 02.04.2016 г.)).*
6. *Седова Н. А. О некоторых условиях реализации права на наследство // Власть закона. 2015. № 2 (22).*
7. *Солдатенко С. А. Особенности наследования имущества, вовлеченного в коммерческий оборот: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2009 (URL: <http://www.dslib.net/civil-pravo/osobennosti-nasledovaniya-imuwestva-vovlechnogo-v-kommercheskij-оборот.html#3942243> (дата обращения 02.04.2016 г.)).*

Е. А. Ануфриева

доцент кафедры уголовного
права и процесса
Новосибирского
государственного технического
университета
кандидат юридических наук
katerina-anufrieva@yandex.ru

А. С. Ладошкин

старший преподаватель
кафедры уголовного права
и таможенного дела
Новосибирского
государственного аграрного
университета
aleks-140@yandex.ru

**К ВОПРОСУ О ДОПУСТИМОСТИ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗНАНИЙ КРИМИНАЛИСТИКИ
В СФЕРЕ ГРАЖДАНСКОГО, АРБИТРАЖНОГО
И АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

**ON ISSUE OF ADMISSIBILITY OF USES OF CRIMI-
NALISTICS EXPERIENCES IN CIVIL, ARBITRATION
AND ADMINISTRATIVE COURT PROCEEDINGS**

В представленной статье рассматривается вопрос о внедрении и использовании криминалистических знаний в гражданском и арбитражном судопроизводстве. Авторы анализируют различные точки зрения по данному вопросу и определяют основные направления использования знаний криминалистики для повышения эффективности гражданского и арбитражного судопроизводства.

Ключевые слова: Фальсификация доказательств; гражданское судопроизводство; арбитражное судопроизводство; методика расследования преступлений; криминалистика.

The article considers the possibility of introduction and use of criminalistics experiences in civil, arbitration and administrative court proceedings. The authors analyze various points of view on this issue and establish basic areas of use of criminalistics experiences in civil, arbitration and administrative court proceedings.

Keywords: Falsification of evidence, civil court proceedings, arbitration court proceedings, methods of crime investigation, criminalistics.

Современный этап развития российской судебной системы характеризуется тенденцией к унификации правовых норм, регламентирующих деятельность судов общей юрисдикции и арбитражных судов¹. Новые изменения главным образом направлены на сближение процессуальных процедур и правил, применяемых в этих судах. Так, основными новеллами стали введение упрощенного порядка производства по гражданским делам, по аналогии с существующим в арбитражном процессе, и такие новые для арбитража, но привычные для гражданского судопроизводства механизмы, как судебный приказ и институт частных определений. Кроме того, вводится обязательный претензионный порядок разрешения арбитражных споров и другие изменения².

Происходящие перемены не случайны и обусловлены близостью процесса доказывания в гражданском и арбитражном судопроизводстве. Как отмечает М. В. Жижина, доказывание как правовой процесс в целом, так и в отраслевом законодательстве имеет общие основы. При этом полагаем, тезис о единстве процесса доказывания может рассматриваться и шире, затрагивая также и уголовный, и административный процессы. Впервые такие мысли были высказаны еще в 1920 г. В. А. Рязановским³. Впоследствии данная идея была поддержана другими учеными⁴ и

¹ См., напр.: Федеральный закон от 2 марта 2016 г. № 45-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // «Российская газета». 4 марта 2016 г. № 47; Федеральный закон от 2 марта 2016 г. № 47-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // «Российская газета». 4 марта 2016 г. № 47 и др.

² Тимошенко В. Гражданское и арбитражное судопроизводство: на пути к сближению [Электронный ресурс]: <http://www.garant.ru/article/708082/>; Камышанский В. П. Обновление ГК РФ становится реальностью // *Власть Закона*. 2013. № 1. С. 1131.

³ Рязановский В. А. *Единство процесса*. М.: Городец, 1996. С. 28.

⁴ См., напр.: Полянский Н. Н. *Очерки общей теории уголовного процесса*. М.: Право и жизнь, 1927. С. 14; Вышинский А. Я. *Теория судебных доказательств в совет-*

К вопросу о допустимости использования
знаний криминалистики в сфере гражданского,
арбитражного и административного судопроизводства

к настоящему моменту приобрела особую актуальность¹. При этом одним из наиболее значительных вкладов в развитие данного направления исследований сегодня является двухтомный труд В. А. Новицкого «Теория доказательственного права»².

Следует признать, что исторически теория доказательств в уголовном и гражданском процессе развивалась отдельно, однако внутренняя связь их признавалась всегда. Единство методологической основы доказывания в уголовном и гражданском процессе, а также однотипность собирания и исследования фактической информации путем осмотра, экспертизы, приобщения документов и т.д. обуславливают совпадение многих понятий и концепций в обеих теориях доказательств³. Общность механизма доказывания просматривается и в одинаковости многих процессуальных положений и институтов. Общими являются основные принципы и условия судопроизводства: состязательность, публичность, конфликтность судебных ситуаций, требующих своего разрешения в результате рассмотрения дела.

В то же время существенно различны отраслевые материально-правовые основы, определяющие содержательную сторону доказывания, составы правоотношений: в уголовно-правовой сфере – это состав преступления, в гражданско-правовой – состав гражданского правоотношения. Различны стороны конфликта в этих правоотношениях: в уголовном процессе – конфликт между личностью и государством, в гражданском – между гражданами, гражданами и организациями, в арбитражном – между хозяйствующими субъектами. Соответственно, различаются и процессуальные формы разрешения конфликтных ситуаций и механизма доказывания, а именно субъекты доказывания, вы-

ском праве. 3-е изд., доп. М.: Госюриздат, 1950. С. 61; Строгович М. С. О системе науки судебного права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 55–70; Проблемы судебного права / Н. Н. Полянский [и др.]; под ред. В. М. Савицкого. М.: Наука, 1983 и др.

¹ См., напр.: Киминчижи Е. Н. Вопросы предмета науки судебного права // Российский судья. 2008. № 9; Громов Н. А., Жога Е. Ю. О понятии доказательственного права // Право и политика. 2005. № 3; Алиев Т. Т., Нахова Е. А. История становления доказательственного права как комплексного института российского права // История государства и права. 2007. № 19 и др.

² Новицкий В. А. Теория доказательственного права: монография: в 2 т. Ставрополь: Пресса, 2004.

³ Теория доказательств в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1973. С. 26–27.

бор средств и определение процедур доказательственного процесса. Поэтому в различных видах судопроизводства неизбежно потребуются адекватное криминалистическое обеспечение для эффективной работы с доказательствами¹. Однако В. А. Новицкий глубоко убежден в том, что концептуальное обобщение научного знания в области доказательственного права России позитивно скажется на развитии всей российской правовой науки, и приводит в обоснование своей позиции достаточно убедительные доводы².

Разумеется, затронутая тема заслуживает широкого обсуждения, которое не охватывается рамками настоящей статьи. Однако, полагаем, высказанные соображения дают основание говорить о допустимости и целесообразности применения знаний науки криминалистики, изначально предназначенных для обеспечения уголовного судопроизводства, и в сфере гражданского, арбитражного и административного процессов. Сегодня все больше ученых начинают говорить о том, что назрела необходимость в адаптации знаний науки криминалистики также и для иных сфер судопроизводства. Так, В. А. Новицкий отмечает, что «существующая криминалистическая наука обеспечивает только уголовное судопроизводство, научно не обеспеченными остаются гражданский, арбитражный и административный процессы»³.

Среди криминалистов одной из первых об этом высказалась Е. Р. Россинская⁴, затем изучением данного вопроса занялись и другие ученые⁵. При этом выдвигаются различные предложения относительно места отрасли знаний, которая занималась бы вопросами гражданского, арбитражного и административного про-

¹ Жижина М. В. Доказывание в цивилистическом процессе и криминалистика // В сборнике: Актуальные проблемы гражданского права и процесса. Материалы международной научно-практической конференции. Омская юридическая академия // отв. ред. Н. А. Резина. 2015. С. 18.

² Новицкий В. А. Теория доказательственного права: монография: в 2 т. Ставрополь: Пресса, 2004. Т. 1. С. 21.

³ См.: Новицкий В. А. Теория доказательственного права: монография: в 2 т. Ставрополь: Пресса, 2004. Т. 1. С. 128–129.

⁴ Россинская Е. Р. Проблемы криминалистического обеспечения гражданского судопроизводства // Проблемы гражданского судопроизводства: Материалы Всерос. межвуз. науч.-практ. конф. М., 1994. С. 56–60.

⁵ Жижина М. В., Ищенко Е. П. История развития и современные представления об объекте и предмете криминалистики // Библиотека криминалиста. 2012. № 3. С. 16; Яблоков Н. П. Некоторые взгляды на криминалистику как науку и учебную дисциплину XXI века // Криминалистика XXI столетия. Харьков, 2010. С. 72–73.

К вопросу о допустимости использования
знаний криминалистики в сфере гражданского,
арбитражного и административного судопроизводства

цесса, в системе криминалистической науки. Так, М. В. Жижина говорит о создании «учения о применении криминалистических возможностей в гражданско-правовой сфере, имеющего свой предмет, объект, методологические основы и структуру»¹. Т. В. Волчецкая предлагает создание нового раздела в науке «прикладная криминалистика в юридической практике», в котором могли бы быть рассмотрены вопросы использования знаний криминалистики в сфере гражданского, арбитражного, административного судопроизводства и другие вопросы².

Однако при этом стоит согласиться с М. В. Жижиной, которая указывает, что «поскольку криминалистика сформировалась применительно к другому виду судопроизводства, где соседствуют следственно-розыскной и состязательный принципы регламентации процессуальных отношений, она не готова просто перешагнуть на почву современного гражданского и арбитражного судопроизводства с его главенствующими началами состязательности и диспозитивности, резким смещением бремени доказывания на стороны. Естественно, требуется пересмотр и развитие положений криминалистики, т.к. невозможно прямое и полное их распространение на другие виды судопроизводства и непосредственное использование в других видах процесса»³.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод, что к настоящему моменту назрела необходимость в адаптации знаний криминалистики к нуждам гражданского и арбитражного процессов. При этом можем выделить два основных направления применения достижений криминалистической науки:

- непосредственное криминалистическое обеспечение гражданского, арбитражного и административного процессов (методы

¹ Жижина М. В. Доказывание в гражданском процессе и криминалистика // В сборнике: Актуальные проблемы гражданского права и процесса. Материалы международной научно-практической конференции. Омская юридическая академия // отв. ред. Н. А. Резина. 2015. С. 19.

² Волчецкая Т. С. Прикладные задачи современной криминалистической науки // В сборнике: III Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии». Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербургский университет МВД России. 2015. С. 14.

³ Жижина М. В. Доказывание в гражданском процессе и криминалистика // В сборнике: Актуальные проблемы гражданского права и процесса. Материалы международной научно-практической конференции. Омская юридическая академия // отв. ред. Н. А. Резина. 2015. С. 17.

исследования доказательств, тактика проведения судебных действий и пр.);

- криминалистическое обеспечение деятельности по выявлению, раскрытию, расследованию, судебному рассмотрению дел о преступлениях, совершаемых в сфере гражданского, арбитражного и административного судопроизводства.

Библиографический список

1. Алиев Т. Т., Нахова Е. А. История становления доказательственного права как комплексного института российского права // История государства и права. 2007. № 19.
2. Волчецкая Т. С. Прикладные задачи современной криминалистической науки // В сборнике: III Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии». Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербургский университет МВД России. 2015.
3. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. 3-е изд., доп. М.: Госюриздат, 1950.
4. Громов Н. А., Жога Е. Ю. О понятии доказательственного права // Право и политика. 2005. № 3.
5. Жижина М. В. Доказывание в цивилистическом процессе и криминалистика // В сборнике: Актуальные проблемы гражданского права и процесса. Материалы международной научно-практической конференции. Омская юридическая академия // отв. ред. Н.А. Резина. 2015.
6. Жижина М. В., Ищенко Е. П. История развития и современные представления об объекте и предмете криминалистики // Библиотека криминалиста. 2012. № 3.
7. Камышанский В. П. Обновление ГК РФ становится реальностью // Власть Закона. 2013. № 1. С. 1131.
8. Камышанский В. П. Некоторые тенденции модернизации общих положений гражданского кодекса РФ // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе. Материалы Международной научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России, Новороссийский филиал Краснодарского университета МВД России. 2012. С. 15–18.
9. Киминчижи Е. Н. Вопросы предмета науки судебного права // Рос. судья. 2008. № 9.

10. *Ладошкин А. С.* Преступления, связанные с доказыванием в гражданском и арбитражном судопроизводстве, как объект криминалистического исследования // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного юриста РСФСР, доктора юридических наук, профессора Николая Павловича Яблокова. МГУ, Москва, 22.12.2015 г. С.154–157.
11. *Новицкий В. А.* Теория доказательственного права: монография: в 2 т. Ставрополь: Пресса, 2004.
12. *Полянский Н. Н.* Очерки общей теории уголовного процесса. М.: Право и жизнь, 1927.
13. Проблемы судебного права/*Н. Н. Полянский* [и др.]; под ред. В. М. Савицкого. М.: Наука, 1983.
14. *Россинская Е. Р.* Проблемы криминалистического обеспечения гражданского судопроизводства // Проблемы гражданского судопроизводства: Материалы Всерос. межвуз. науч.-практ. конф. М., 1994.
15. *Рязановский В. А.* Единство процесса. М.: Городец, 1996.
16. *Строгович М. С.* О системе науки судебного права // Совет. гос-во и право. 1939. № 3.
17. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1973.
18. *Тимошенко В.* Гражданское и арбитражное судопроизводство: на пути к сближению [Электронный ресурс]: <http://www.garant.ru/article/708082/>.
19. *Яблоков Н. П.* Некоторые взгляды на криминалистику как науку и учебную дисциплину XXI века // Криминалистика XXI столетия. Харьков, 2010.

Л. И. Попова

доцент кафедры гражданского
права ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный аграрный
университет
имени И. Т. Трубилина»
кандидат юридических наук
larisa_porova67@mail.ru

О. С. Костенко

студентка юридического
факультета ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный
аграрный университет
имени И. Т. Трубилина»
kosten@rambler.ru

**ПРАВО НАСЛЕДОВАНИЯ НА ТОВАРНЫЕ ЗНАКИ
И ЗНАКИ ОБСЛУЖИВАНИЯ**

**INHERITANCE LAW ON TRADEMARKS
AND SERVICE MARKS**

В статье рассматриваются некоторые проблемы, вызванные отсутствием законодательного регулирования прав наследования на товарные знаки и знаки обслуживания. Рассматриваются спорные вопросы о правовом статусе наследников товарных знаков и знаков обслуживания, пределах пользования и распоряжения наследуемым правом. Делается вывод о том, что нельзя лишать наследников права на товарный знак в связи с их нежеланием заниматься предпринимательской деятельностью. Таким брендом, после вступления и принятия наследства, можно вполне распорядиться путем передачи его предпринимателям по договору коммерческой концессии.

Ключевые слова: Товарный знак; знак обслуживания; исключительное право на товарный знак; право наследования; договор коммерческой концессии; прекращение права на товарный знак и знак обслуживания.

Some problems caused by absence of the legislative adjusting of successions of rights on trademarks and signs of service are examined in the article. Disputable questions are examined about legal status of heirs of trademarks and signs of service, limits of the use and disposing of heritable right.

The conclusion is that it is impossible to deprive the heirs of right on a trademark in connection with their unwillingness to carry on entrepreneurial activity. It is possible to dispose such brand after an entry and acceptance of inheritance by its transmission to businessmen by agreement of commercial concession.

Key words: Trademark; service mark; exclusive right to a trademark; the right of succession.

Наследование является одним из производных способов возникновения права собственности. Открытие наследства определяется моментом смерти наследодателя, с этим моментом определяется и имущество, которое будет входить в состав наследства (ч. 1 ст. 1112, ст. 1114 ГК РФ)¹. В юридической литературе общепринято понимать «наследство» как совокупность имущественных прав и обязанностей наследодателя².

Вопросы наследования права на товарные знаки и знаки обслуживания в науке гражданского права продолжают носить дискуссионный характер. Это обстоятельство обусловлено тем, что институт наследования указанных объектов не в полной мере обеспечивает надлежащее правовое регулирование складывающихся отношений нормами Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). При применении норм ГК РФ могут возникнуть противоречия между правилами, определяющими специальный статус правообладателя и правовым режимом товарных знаков и знаков обслуживания, как объектов гражданского права.

Товарный знак и знак обслуживания является нематериальным объектом и представляет собой обозначение, которое индивидуализирует товары, услуги, работу лица, т.е. право интеллектуальной собственности охватывает все вещи, которые его вос-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ в ред. Федерального закона от 28 ноября 2015 г. № 358-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496; 2015. № 48 (часть I). Ст. 6724.

² Ландкоф С. Н. Основы гражданского права. М. 1948. С. 403; Перетерский И.С. ГК РСФСР. Комментарий, вып. VI. Наследственное право. М.-П. 1924. С. 7; Амфитратов Г. Н. Право наследования личной собственности. М. 1946. С. 8 и др.

производят. Некоторые авторы считают необходимым признать право на товарный знак и знаки обслуживания имущественным, т.к. оно реализуется в гражданском обороте, подлежит оценке и отчуждаемо¹. Но мнение о необходимости применения аналогии закона в данном случае является спорным².

Право на товарный знак возникает в результате предоставления ему правовой охраны путем регистрации в Государственном реестре товарных знаков и знаков обслуживания РФ и удостоверяется свидетельством, выданным Роспатентом, а также в случаях, предусмотренных международными договорами (Парижская конвенция по охране промышленной собственности³, Мадридское соглашение о международной регистрации⁴ и Протокол этого соглашения⁵, Договор о законах по товарным знакам⁶ и др.).

Статья 1241 ГК РФ допускает переход исключительного права на средство индивидуализации без заключения договора с правообладателем в порядке наследования. Наследование представляет собой охраняемый законом порядок перехода после смерти гражданина (наследодателя) принадлежащих ему на праве частной собственности вещей, имущества, а также имущественных прав и обязанностей к одному или нескольким лицам (наследникам) в порядке универсального правопреемства⁷.

¹ Лабзин М. Наследование права на товарный знак // ИС. Промышленная собственность. 2007. № 8.

² Шилохвост О. Ю. Наследование прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации // Патенты и лицензии. 2008. № 1. С. 27.

³ Конвенция по охране промышленной собственности (Заключена в Париже 20.03.1883 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1968. № 40.

⁴ Мадридское соглашение о международной регистрации знаков (Заключено в Мадриде 14.04.1891 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXII. М., 1978. С. 140–152.

⁵ Протокол к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков (Подписан в Мадриде 28.06.1989 г.) Принят Постановлением Правительства РФ от 19 декабря 1996 № 1503 «О принятии Протокола к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 164.

⁶ Договор о законах по товарным знакам и Инструкция к Договору о законах по товарным знакам от 27 октября 1994 г. / Приняты Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 1997 г. № 1503 «О принятии Договора о законах по товарным знакам» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 49. Ст. 5596.

⁷ Попова Л. И. Универсальное правопреемство при наследовании // Наследственное право. 2012. № 4. С. 7.

Право на товарный знак и знаки обслуживания наследуются в составе предприятия, если входят в состав имущественного комплекса. Наряду с этим и физическое лицо имеет право использовать товарный знак и знаки обслуживания при условии регистрации в качестве индивидуального предпринимателя без образования юридического лица. Согласно п. 85 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», «Принадлежавшее индивидуальному предпринимателю исключительное право на товарный знак и знак обслуживания (пункт 1 статьи 1484 ГК РФ), унаследованное гражданином, не зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя, должно быть отчуждено им в течение года со дня открытия наследства»¹.

Если наследников, имеющих соответствующий статус, будет несколько, то право на товарный знак перейдет только к одному из них как равное его доле (для этого проводится оценка прав). Наследование несколькими лицами через перевод товарного знака в коллективный знак невозможно, т.к. в данном случае возникает новый субъект правоотношения – наследник.

Если никто из наследников не обладает необходимым статусом или среди лиц – предпринимателей – никто не принял наследство, то в соответствии с абзацем 2 ст. 1178 ГК РФ предприятие становится общей долевой собственностью наследников в силу аналогии права. Однако в данном случае это невозможно, поскольку объекты интеллектуальной собственности не могут находиться в режиме вещного права и данное интеллектуальное право не может принадлежать одновременно нескольким лицам.

В соответствии со ст. 1178, 1180 ГК РФ наследство может быть принято без специального разрешения на общих основаниях, но в соответствии со ст. 238 ГК РФ, если необходимое разрешение на наследуемый объект не будет получено, то право собственности на него прекращается, т.е. в течение одного года со дня открытия наследства наследник обязан уступить товарный знак по своему желанию или по решению суда, о чем также говорится в ст. 85 Постановления Пленума Верховного суда от 29 мая 2012 г. № 9. В данном случае наследник получает денежную компенсацию за вычетом затрат по процедуре уступки. По смыслу данного Постановления Пленума ВС РФ № 9 трудно аргументиро-

¹ О судебной практике по делам о наследовании: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.

вать обязанность гражданина отчуждать унаследованное им право на товарный знак, не совсем понятно и то, какие последствия возникнут при неисполнении данной обязанности.

Есть и другое мнение. Так Э. П. Гаврилов считает, что если на момент открытия наследства нет наследников, обладающих специальным статусом, либо наследники-предприниматели отказываются от принятия наследства, то следует признать факт прекращения права на товарный знак в день открытия наследства, так как субъективное право без субъекта не существует. В данном случае смерть предпринимателя приравнивается к прекращению его предпринимательской деятельности, а значит, здесь может применяться п.1 ст.1514, ст.1180, 238 ГК РФ¹.

Исключительное право на товарный знак обладает имущественной ценностью не только из-за возможности использовать его по своему назначению непосредственно, но и вследствие возможности им распоряжаться. В связи с этим нельзя лишать наследников права на товарный знак из-за их нежелания заниматься предпринимательской деятельностью. Интересам развитого рынка отвечает сохранение средства индивидуализации товара, признанного потребителями и конкурентоспособного в силу его признанных и востребованных качеств. В данном случае, как считает И. Соловьев, необходимо иметь статус индивидуального предпринимателя лишь для того, чтобы использовать товарный знак, и необходимо зарегистрировать изменения в Свидетельстве о регистрации товарного знака в Роспатенте².

Состав наследственного имущества определяется по времени открытия наследства: день смерти наследодателя, при объявлении умершим – день вступления в силу решения суда. Так, некоторые авторы считают, что в отношении предприятия лучше было бы определять состав имущества по дате фактического вступления в наследство, а не по дате открытия наследства, чтобы избежать экономически невыгодных последствий для наследников, таких как нарушение обязательств перед контрагентами и работниками предприятия³.

¹ Гаврилов Э. П. Наследование интеллектуальных прав в свете Постановления Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 // Патенты и лицензии. 2012. № 9.

² Соловьев И. Наследование бизнеса // ЭЖ-ЮРИСТ. Нотариальная практика. 2004. № 46. С. 4.

³ Гришаев С. П. Наследственное право: учебно-практическое пособие. М.: Проспект, 2011. С. 123.

В наследство может входить любое имущество в соответствии со ст. 1112 ГК РФ, но для того чтобы наследник мог обладать им необходимо соответствовать определенным требованиям или обладать специальным правовым статусом, если не для принятия наследства, то для возможности реализовать право собственности. В связи с этим возникает вопрос: как обеспечить преемственность таким правам, чтобы имущество не осталось без хозяина и без правовой охраны?

Есть еще одно основание прекращения права – в соответствии с п. 3 ст.1514 ГК РФ, если наследники не осуществляют выпуск товара с использованием товарного знака, то по иску заинтересованного лица разрешается требовать прекращения правовой охраны товарного знака по решению суда.

В итоге можно сказать, что вопрос о праве наследования на товарные знаки и знаки обслуживания до сих пор является дискуссионным. Не решены вопросы необходимости применения аналогии закона, не урегулировано – кем, в каком порядке, в какой срок должны изменяться данные государственной регистрации при переходе прав к наследникам и в случае отчуждения ими этих прав. Возникают споры по вопросу времени открытия наследства, о необходимости придания специального статуса лицу для его принятия. Для решения этих вопросов необходимо законодательно предусмотреть специальное правовое регулирование в сфере наследования такого объекта прав, как товарные знаки и знаки обслуживания.

По нашему мнению, в ГК РФ необходимо включить статью, которая регулировала бы порядок наследования средств индивидуализации, таких как товарный знак и знак обслуживания, а также право на наименование места происхождения товара и на коммерческое обозначение принадлежащего правообладателю предприятия.

Библиографический список

1. *Амфитеатров Г. Н.* Право наследования личной собственности. М. 1946.
 2. *Гаверилов Э. П.* Наследование интеллектуальных прав в свете Постановления Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 // Патенты и лицензии. 2012. № 9.
 3. *Гришаев С. П.* Наследственное право: учебно-практическое пособие. М.: Проспект, 2011. С. 123.
-
-

4. Лабзин М. Наследование права на товарный знак // ИС. Промышленная собственность. 2007. № 8.
5. Ландкоф С. Н. Основы гражданского права. М. 1948.
6. Перетерский И. С. ГК РСФСР. Комментарий, вып. VI. Наследственное право. М.-П. 1924.
7. Попова Л. И. Универсальное правопреемство при наследовании // Наследственное право. 2012. № 4.
8. Соловьев И. Наследование бизнеса // ЭЖ-ЮРИСТ. Нотариальная практика. 2004. № 46.
9. Шилохвост О. Ю. Наследование прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации // Патенты и лицензии. 2008. № 1.

Раздел

**Юридическая наука
и практика стран СНГ**

Д. С. Муртазакулов
профессор кафедры
гражданского права юридического
факультета Таджикского
Национального Университета
доктор юридических наук
jamshed_1972@mail.ru

О. А. Серова
заведующая
кафедрой гражданского
права и процесса
Балтийского федерального
университета им. И. Канта
доктор юридических наук,
профессор
OlgSerova@kantiana.ru

**ИНТЕГРАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ
ИСЛАМСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ
ТАДЖИКИСТАН В РОССИЙСКОЕ ПРАВО:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**INTEGRATION OF THE REGULATORY MODEL
OF ISLAMIC LENDING TO THE REPUBLIC
OF TAJIKISTAN IN THE RUSSIAN LAW: PROBLEMS
AND PROSPECTS**

Исламский банкинг является одной из наиболее активно развивающихся областей международной финансовой деятельности. Для Российской Федерации представляется актуальным изучение опыта законодательного регулирования исламской банковской деятельности Респуб-

лики Таджикистан. Созданная в Таджикистане модель опирается на светские принципы организации банковской деятельности, позволяет интегрировать нормы исламского права в правовую систему, основанную на принципах романо-германской правовой семьи.

Ключевые слова: Исламский банкинг; Исламский банк развития; исламское право; интеграция.

Islamic banking is one of the most rapidly developing areas of international financial activities. For the Russian Federation it is relevant to study the experience of the legislative regulation of Islamic banking activities of the Republic of Tajikistan. A model established in Tajikistan is based on secular principles of banking; it enables to integrate the norms of Islamic law in the legal system based on the principles of Romano-Germanic legal family.

Keywords: Islamic banking; Islamic Development Bank; Islamic law; integration.

В марте 2016 года стало известно, что в России открылся первый исламский банк – Центр партнерского банкинга, созданного на базе Татфондбанка при содействии Центробанка России¹. Основными принципами данной банковской организации является отказ от ссудно-процентного финансирования и соблюдение норм исламского права. «Партнерам исламского банка предоставляется финансирование, основанное на принципах участия банка в прибылях и убытках делового проекта, а также долгового финансирования»². Однако это не первая финансовая компания, действующая в РФ на основе принципов исламского права. Исследователи называют среди них такие финансовые дома, как «Амаль», «Масраф» и др. и, в целом, положительно оценивают региональную банковскую систему Татарстана как базу для проекта внедрения принципов исламской банковской деятельности в России³.

Для Российской Федерации возможность организации банковской деятельности с учетом положений исламского права представляет существенный интерес по двум причинам: во-первых, это значительная доля мусульман среди населения, в том числе проживающих достаточно компактно в ряде областей

¹ Смертина П. Исламский банкинг пришел в России [Электронный ресурс] // URL: <http://www.banki.ru/news/bankpress/?id=8804185> (дата обращения: 12.09.2016).

² Хабибуллоев Р. А. Исламский банкинг в системе национальных банков мира // Вестник российского университета кооперации. 2013. № 4. С. 48.

³ См.: Зиязетдинов А. Р., Рудалева И. А. Исламские финансовые институты в Российской Федерации // European Science. 2016. № 1. С. 19.

и республик; во-вторых, необходимость в привлечении инвестиций, в том числе не подпадающих под установленные санкции западных стран. Однако есть и иная причина, определяющая потребность в изучении особенностей исламской банковской системы и ее отдельных элементов. Это альтернативный характер и устойчивость данной системы как к воздействию глобализационных процессов, так и к кризисным явлениям¹.

Последняя особенность достаточно ярко проявила себя во время финансовых кризисов (например, в 2009–2010 годах), когда исламский рынок ценных бумаг не был подвержен той степени давления, которую испытывали другие сегменты мирового финансового рынка.

С Республикой Таджикистан Россию связывают историческое прошлое и необходимость углубления интеграционных процессов, прежде всего, с целью повышения конкурентоспособности экономик наших стран². По этой причине представляется интересным изучение той практики применения основ исламской банковской системы, которая существует в Таджикистане.

Закон Республики Таджикистан «Об исламской банковской деятельности» был принят 17 июля 2014 г. (№695). Однако взаимодействие с Исламским Банком Развития началось еще в 90-х годах. В Республике Таджикистан уже в 2000 г. было ратифицировано Соглашение о создании Исламской корпорации развития частного сектора³. Принятие закона об исламском банкинге в Республике Таджикистан было реализовано при сотрудничестве этого международного института. Исламская корпорация развития оказывала техническую поддержку для привлечения специалистов, участвовала в разработке проекта закона.

¹ Данченко Е. А. Парадигма формирования современного исламского банкинга // Вестник Ростовского государственного экономического университета. 2015. № 3. С.115. Отмечается, что с середины 90-х гг. XX века мировой рынок финансовых услуг, соответствующих предписаниям Корана и нормам шариата, вырос в шесть раз и обладает дальнейшим потенциалом развития. См.: Хабибуллоев Р. А. Исламский банкинг в системе национальных банков мира // Вестник российского университета кооперации. 2013. № 4. С. 47.

² Интервью Посла России в Таджикистане И. С. Лякина-Фролова информантству «РИА Новости»: «В случае опасности Россия не оставит в беде таджикский народ» от 11.02.2016 //URL:http://www.mid.ru/ru/maps/tj/-/asset_publisher/VfByAd5UOwu3/content/id/2079951 (дата обращения: 12.09.2016).

³ Постановление Маджлиси Намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 28 июня 2000 г. № 107.

На начальном этапе разработки проекта закона об исламской банковской деятельности в Республике Таджикистан рабочая группа столкнулась с дилеммой выбора формы законопроекта: либо подготовить пакет законодательных актов в виде дополнений и изменений в существующее законодательство, либо разработать отдельный обособленный закон об исламском банкинге.

Каждый из вариантов имел свои плюсы и минусы, и для правильного выбора был проведен анализ законодательства различных стран, где уже были адаптированы исламские принципы финансирования. Решением группы стало принятие отдельного закона. Подготовленный проект учел принципы банковского надзора страны, структуру, масштаб и другие особенности банковской системы Таджикистана. В настоящее время ведется работа по формированию регулятивной базы для исламского банкинга, направленная на создание механизма реализации самого закона. Над этой задачей сейчас работают специалисты Национального банка Таджикистана, других банков и международных финансовых институтов.

Если проанализировать основные направления привлечения финансовых ресурсов исламской банковской системы в Республике Таджикистан, то мы увидим, что значительная часть проектов связана с реализацией крупнейших социально-экономических проектов, направленных не только и не столько на получение предпринимательского дохода по мере реализации проекта, сколько на повышение уровня благосостояния населения, решения ряда значимых социальных проблем.

Исламский банк развития совместно с Правительством РТ начал реализацию проекта «Реабилитация энергетического сектора»¹, проект по орошению Дангаринской долины в РТ², строительство малых ГЭС для обеспечения электроэнергией сельских

¹ Постановление Маджлиси Намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 29 июня 2001 г. № 352 «О ратификации кредитного Соглашения между Правительством Республики Таджикистан и Исламским банком развития по проекту «Реабилитация энергетического сектора».

² Постановление Правительства Республики Таджикистан от 17 апреля 2001 г. №171 «О проекте Кредитного Соглашения между Правительством Республики Таджикистан и Исламским Банком Развития». В 2013 г. было ратифицировано Кредитное соглашение по реализации 3 фазы данного проекта.

районов РТ¹, построена автодорога Шагон–Зигар², осуществляется совместное финансирование проекта водоснабжения города Душанбе³. Данные проекты решают важнейшие задачи по созданию инфраструктуры для дальнейшего экономического развития регионов страны.

Такие проекты, как программа «Фаел Хайр» по созданию мобильных клиник в некоторых мусульманских государствах и сообществах⁴, проект «Предотвращение передачи ВИЧ/СПИД от матери к ребенку в Таджикистане»⁵ основаны на потребности решения общественно значимых задач в сферах, где использование заемного капитала на традиционной для финансовой системы принципах практически невозможно. Это подтверждает вывод, что «существующая банковская система по своей направленности не связана с поддержкой социального предпринимательства и иных видов деятельности, имеющих социальную, общественно-полезную направленность»⁶.

Использование различных источников финансирования соответствует основным задачам инвестиционной деятельности в России, где с помощью институтов государственно-частного

¹ Постановление Маджлиси Намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 16 июня 2004 г. № 1148 «Кредитное соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Исламским Банком Развития о финансировании проекта строительства малых ГЭС для обеспечения электроэнергией сельские районы Республики Таджикистан».

² Постановление Маджлиси Намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 29 июня 2001 г. № 346 «О ратификации кредитного Соглашения между Правительством Республики Таджикистан и Исламским банком развития на участие в финансировании проекта «Строительство автодороги Шагон–Зигар».

³ Кредитное соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Исламским Банком Развития по проекту «Водоснабжение города Душанбе» было подписано в 2013 г.

⁴ Постановление Маджлиси Намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 24 декабря 2014 г. № 1712 «О ратификации Соглашения между Республикой Таджикистан и Исламским Банком Развития (...) в рамках Программы «Фаел Хайр» по созданию мобильных клиник в некоторых мусульманских государствах и сообществах».

⁵ Постановление Маджлиси Намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 03 декабря 2014 г. № 1688 «О ратификации Грантового соглашения о технической помощи между Республикой Таджикистан и Исламским Банком Развития (по поддержке проекта «Предотвращение передачи ВИЧ/СПИД от матери к ребенку в Таджикистане»)».

⁶ Барков А. В., Серова О. А. Этический банкинг в России: перспективы развития законодательства через призму социального предпринимательства // Банковское право. 2016. № 4. С. 22.

партнерства предполагается создание не только бизнес-инфраструктуры, но и возведение социальных объектов. В частности, в соответствии с законом объектами соглашений о государственно-частном партнерстве могут быть объекты здравоохранения, культуры, социального обслуживания¹. Учитывая значительную стоимость подобных объектов, отсутствие первоочередной цели в извлечении прибыли при их строительстве, Россия заинтересована в инвестициях стран Ближнего Востока².

В Законе Республики Таджикистан «Об исламской банковской деятельности» от 17 июля 2014 г. № 695 сформулированы следующие особенности деятельности исламских банковских кредитных организаций. Они касаются определения правового положения данных организаций, установления определенных ограничений и обязанностей.

Исламские кредитные организации не вправе:

- взимать вознаграждение в виде процентов;
- гарантировать возврат инвестиционного депозита или доход по нему;
- финансировать (кредитовать) деятельность, связанную с производством и (или) торговлей табачной, алкогольной продукции, оружием и боеприпасами, игорным бизнесом и незаконным оборотом наркотических веществ и прекурсоров;
- финансировать иные виды предпринимательской деятельности (кредитование), которые запрещены шариатом.

До предоставления денежных средств клиентам, исламские кредитные организации обязаны:

- убедиться в способности клиента исполнить свои обязательства в срок;
- провести подробную оценку клиента на предмет дееспособности, платежеспособности, рентабельности проекта и наличия залогового обеспечения.

Данные положения имеют существенное значение для «оздоровления» традиционной банковской системы. Несмотря на наличие соответствующих нормативных требований, многие российские кредитные организации нацелены на выдачу креди-

¹ О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 13 июля 2015 № 224-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4350.

² Беккин Р. Принципы и перспективы сотрудничества России и Исламского банка развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2008. № 3. С. 6.

та, в том числе потребительского, невзирая на наличие существенных признаков, указывающих на высокий риск неисполнения клиентом своих обязательств перед банком.

Сложившаяся практика обеспечения исполнения обязательства за счет залога и поручительства бенефициаров бизнеса, участников хозяйственных обществ, руководителей организаций во многих случаях не является надлежащей гарантией надлежащего исполнения. Кредитные организации и заемщики не являются партнерами и не строят свою деятельность на доверительных отношениях, как это резюмируется в исламских банках.

В условиях достаточно сильной исламофобии, связанной с деятельностью ряда террористических организаций, необходима разъяснительная работа, что деятельность исламских банков находится не только в соответствующем правовом поле, но и не противостоит государственной власти. Исламский банк развития может финансировать тот или иной проект только с согласия руководства страны¹.

Так, в Законе Республики Таджикистан под стандартами исламской банковской деятельности понимается свод правил, одобренный Консультативным советом по исламским банковским услугам и утвержденный Национальным банком Таджикистана. Исламский банк должен получить лицензию Национального банка Таджикистана.

Также и полномочия консультативных органов по развитию исламской модели финансирования находятся под контролем государства, их деятельность опирается на нормативные акты Национального банка Таджикистана. Функции консультативных органов не только связаны с необходимостью легитимации исламской банковской системы в светском государстве. Требования к персональному составу данных органов ориентированы на лиц, обладающих квалификацией, знаниями по исламскому праву и основам исламской банковской деятельности, возможности проведения экспертной оценки соответствия отдельных сделок принципам исламского финансирования исламских банковских услуг.

Для Российской Федерации представляют интерес положения ст. 15 Закона Республики Таджикистан, которая устанавли-

¹ Беккин Р. Принципы и перспективы сотрудничества России и Исламского банка развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2008. № 3. С. 8.

вает правила создания «исламского банковского окна» в традиционной кредитной организации. Данный опыт не является эксклюзивным. Он востребован и в европейских странах. Однако очевидно, что внедрение подобных проектов в Российской Федерации должно осуществляться на законодательной основе.

Другой привлекательной стороной исламского банкинга, которая может иметь принципиальное значение с точки зрения банковского надзора, являются те универсальные нормы справедливости и адекватности ведения сделок, которые исключают искусственное увеличение денежных агрегатов. В результате имеется четкая и базовая информация о реальной ситуации и объемах финансовых показателей, которые не предрасположены к появлению различных «пузырей» (кредитных, процентных или других). Однозначно, что это направление еще детально не изучено и его потенциал не реализован полностью на практике.

Одной из наиболее проблемных сфер внедрения исламского банкинга на территории России нам представляется решение этических вопросов, которые связаны с геополитическими проблемами. Российская Федерация сотрудничает со многими государствами. Поэтому представляется необходимым решить вопрос о возможности включения в текст соглашений, например, в рамках государственно-частного партнерства, таких условий, которые продиктованы политическими требованиями.

В частности, как пример, можно привести следующее условие одного из соглашений, заключенных в Республике Таджикистан: «Если Банк не решит иначе, контракты на приобретение товаров и услуг, финансируемых не из средств кредита, должны заключаться в соответствии с установленными процедурами Банка. В этой связи Заемщик должен неукоснительно соблюдать требования Организации Исламской Конференции, касающиеся объявления бойкота Израилю»¹.

Сторонники развития исламской банковской системы в качестве обоснования перспектив перехода к ней называют возвращение высокорисковой коммерческой банковской деятельности «к истокам, т. е. к величине справедливых процент-

¹ Пункт 2.02 Кредитного соглашения между Правительством Республики Таджикистан и Исламским Банком Развития о финансировании проекта строительства малых ГЭС для обеспечения электроэнергией сельские районы Республики Таджикистан», утв. Постановлением Маджлиси Намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 16 июня 2004 г. № 1148.

ных (или беспроцентных) кредитно-заемных отношений»¹. Для Российской Федерации наиболее значимым в настоящее время является прагматичный подход к использованию преимуществ исламской модели финансирования с целью привлечения инвестиционных ресурсов в наиболее значимые с социальной точки зрения проекты.

Не случайно в Республике Казахстан поставлена задача к 2020 году стать региональным центром исламского банкинга в СНГ и Центральной Азии, войти в десятку ведущих финансовых центров Азии². Представляется необходимым соответствовать данной задаче и другим странам, которые включают в сферу собственных интересов такой регион, как Центральная Азия.

Таким образом, итогом проведенного исследования является вывод о целесообразности использования законодательной модели внедрения исламского банкинга Республики Таджикистан в российскую правовую систему. Указанная модель опирается на светские принципы организации банковской деятельности, представляет собой достаточно продуманную модель интеграции правовой системы, основанной на принципах романо-германской правовой семьи с нормами исламского права. При этом сохранена надзорная функция Национального банка, что соответствует тем принципам организации банковской системы, которая действует в России.

Применение принципов и механизма исламского банкинга позволяет достичь следующих положительных результатов:

- «макроэкономический эффект» – как было отмечено, благодаря четкой системе регламентации порядка купли-продажи активов, особенно в классификации состава и содержания объектов этих сделок, исламский банкинг исключает возникновению различных «пузырей». Это обстоятельство играет существенную роль в макроэкономическом управлении, так как становится намного проще проводить реальную оценку состояния экономики, финансового или банковского сектора;

¹ Абдуллоев М. М. Принципиальная основа генезиса функционирования исламского банка: понятие, анализ методологии и его перспективы в экономике Республики Таджикистан // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2012. № 4. С. 155.

² Омаров Т. М. Алматы - региональный хаб исламского финансирования [Электронный ресурс] // URL: http://www.iep.ru/files/Gaidarovskie_chtenia/2015/baku/omarov.pdf (дата обращения: 13.09.2016).

- «микроэкономический эффект» – в связи с тем, что исламский банкинг справедливо распределяет риск кредитования между заемщиком и займодавцем, для хозяйствующих субъектов предоставляется дополнительная возможность более эффективного использования своих активов, нежели традиционные формы обременения перед финансовыми учреждениями. Данный эффект может быть использован при реализации различных программ и проектов и предполагает совместную работу банка и заемщика в их реализации;

- «этический эффект» – исходя из опыта и истории традиционной банковской системы, заемщик не может рассчитывать на то, что определенные риски кредитования могут быть также приняты банком (кредитором). Однако запрет на ссудный процент предоставляет исключительную возможность найти справедливый компромисс между потребностями заемщика и кредитным предложением банка. Соглашаясь на участие в коммерческом или ином проекте, банк увеличивает вероятность его успешной реализации, что, в целом, способствует улучшению финансового положения хозяйствующих субъектов на том или ином рынке.

Применение исламского банкинга не должно противопоставляться традиционным финансовым и банковским институтам. Существующие правовые механизмы позволяют органично их дополнять новыми правовыми средствами. В целом, использование принципов исламского банкинга представляет собой уникальную альтернативу традиционным банковским механизмам кредитования с более нравственными и гуманными договорными отношениями между сторонами.

Библиографический список

1. *Абдуллоев М. М.* Принципиальная основа генезиса функционирования исламского банка: понятие, анализ методологии и его перспективы в экономике Республики Таджикистан // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2012. № 4. С. 155–162.
2. *Барков А. В., Серова О. А.* Этический банкинг в России: перспективы развития законодательства через призму социального предпринимательства // Банковское право. 2016. № 4. С. 21–24.

3. Беккин Р. Принципы и перспективы сотрудничества России и Исламского банка развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2008. № 3. С. 6–9.
4. Данченко Е. А. Парадигма формирования современного исламского банкинга // Вестник Ростовского государственного экономического университета. 2015. № 3. С. 115–118.
5. Зиязетдинов А. Р., Рудалева И. А. Исламские финансовые институты в Российской Федерации // European Science. 2016. № 1. С. 16–19.
6. Омаров Т. М. Алматы - региональный хаб исламского финансирования [Электронный ресурс] // URL:http://www.iep.ru/files/Gaidarovskie_chtenia/2015/baku/omarov.pdf (дата обращения: 13.09.2016).
7. Смертина П. Исламский банкинг пришел в России [Электронный ресурс] // URL: <http://www.banki.ru/news/bankpress/?id=8804185> (дата обращения: 12.09.2016).
8. Хабибуллов Р. А. Исламский банкинг в системе национальных банков мира // Вестник российского университета кооперации. 2013. № 4. С. 47–51.

Раздел

Юридическая наука и практика Республики Крым

А. Н. Шармойнц

доцент кафедры истории
и теории государства и права
Таврической академии ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный
университет им. В. И. Вернадского»
кандидат юридических наук
sharmar@yandex.ru

**ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ И УНИФИКАЦИЯ
УПРАВЛЕНИЯ ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИМ
ДЕЛОМ В СССР В НАЧАЛЕ 1930-Х ГОДОВ**

**CENTRALIZATION AND UNIFICATION
OF MANAGEMENT OF HYDRO-METEOROLOGICAL
CONCERN
IN THE USSR IN THE EARLY 1930-TH**

В работе изучается деятельность по реорганизации гидрометеорологического дела в 1930–1931 годах, направленная на унификацию и централизацию управления гидрометеорологическим делом в СССР, как важного этапа в обеспечении безопасности торгового судоходства в СССР в рассматриваемый период. Рассматриваются вопросы перехода гидрометеорологической службы Черного и Азовского морей и гидрометеорологической службы Каспийского моря в состав единой гидрометеорологической Службы СССР, соглашение между центральным управлением морского транспорта НКПС и Гидрометеорологическим комитетом при СНК СССР об условиях передачи в ведение Гидрометеорологического комитета Гидрометеорологической службы морского транспорта, условиях функционирования, о дальнейших постановлениях и руководстве специальными исследованиями и наблюдениями морских гидрометеорологических станций.

Ключевые слова: Центральное управление морского транспорта; Центральное управление единой гидрометеорологической службы; торговое судоходство; правовое регулирование; гидрометеорологическая служба; метеорологическая станция.

The article deals with the reorganization of hydro-meteorological affairs in 1930–1931, aimed at unifying and centralizing of management of hy-

dro-meteorological concern in the Soviet Union, as an important step in ensuring the safety of merchant shipping in the USSR during the given period. The authors consider the problems of transition of Hydro-meteorological Service of the Black Sea and the Sea of Azov and the Caspian Sea Hydro-meteorological Service to the unified Hydro-meteorological Service of the USSR, the agreement between central management of maritime transport and the People's Commissariat Hydro-meteorological Committee of the CPC of the USSR on the conditions of referral to the hydro-meteorological Committee of the Hydro-meteorological Service of sea transport, operating conditions, on further productions and management of special studies and observations of sea hydro-meteorological stations.

Keywords: Central management of sea transport; Central Department of Unified Hydro-meteorological Service; commercial shipping; legal regulation; hydro-meteorological service; meteorological station.

Безопасность торгового судоходства в государстве является ключевым фактором для его благополучия и успешного экономического развития. В связи с этим исследование всего комплекса вопросов, связанных с функционированием и взаимодействием служб, обеспечивающих безопасность торгового судоходства, приобретает особую актуальность. Важнейшая роль в таком функционировании и взаимодействии отводится правовому регулированию их деятельности. Основы существующей системы безопасности судоходства на всем постсоветском пространстве были заложены еще в далекие 20–30-е годы прошлого века. Совершенствование сложившейся системы безопасности торгового судоходства невозможно без анализа и учета исторического опыта. К значимому историческому периоду формирования гидрометеорологической службы в СССР можно считать 1930–1931 годы, когда проводились масштабные мероприятия по реорганизации гидрометеорологического дела в СССР, направленные на унификацию и централизацию управления.

В 1930 г. процесс реорганизации гидрометеорологической службы получил новый толчок. Так, в августе 1930 г. НКПС (Главное управление торгового флота) распространило для сведения и руководства приказ о переходе гидрометеорологической службы Черного и Азовского морей и гидрометеорологической службы Каспийского моря в состав единой гидрометеорологической Службы СССР. При этом ЦУСТФ (Центральное управление советского торгового флота) еще раз отметило, что соглашение об условиях передачи гидрометеорологическому Комитету СССР, за-

ключенное 8 марта ЦУМОРОм (Центральным управлением морского транспорта) и ГКМ СССР (Государственным метрологическим контролем), разосланное 16 марта при циркулярном письме за №МГ-18/124, полностью сохранило свою силу и распространялось на все органы ЦУСТФа¹.

1 августа 1930 г. был издан приказ начальника ЦУ Совторгфлота и председателя гидрометеорологического комитета при СНК СССР о переходе Гидрометеорологической службы Черного и Азовского морей и Гидрометеорологической службы Каспийского моря от Центрального Управления Совторгфлота в ведение Гидрометеорологического Комитета при СНК СССР.

Во исполнение постановления СНК СССР от 28.08.1929 г. объединенной Гидрометеорологической службе СССР, 1.08.1930 г. в ведение Гидрометеорологического Комитета СССР переходили: Гидрометеорологическая служба Черного и Азовского морей с Федосийской Геофизической Обсерваторией и Бюро Погоды Черного и Азовского морей (в Севастополе) и Гидрометеорологическая служба Каспийского моря с Центральной Станцией в Баку.

Эти организации переходили в ведение Гидрометеорологического Комитета СССР со всем руководящим, техническим и рабочим персоналом, работами, имуществом, инвентарем, оборудованием, приборами и установками. Финансирование их до конца бюджетного года (т. е. по 1-е октября 1930 г.) производилось ЦУ Совторгфлота; расходование указанными службами денежных средств с момента подписания данного приказа осуществлялось с разрешения Гидрометеорологического Комитета СССР и по указаниям последнего. Выплату заработной платы персоналу гидрометеорологических станций Черного и Азовского морей по 1-е октября следовало производить через управление торговых портов на прежних основаниях; с 1-го октября все финансирование переходящей в ведение Гидрометеорологического Комитета СССР Гидрометеорологической службы морского транспорта осуществлялось за счет кредитов Гидрометеорологического Комитета СССР.

Заведующим названными службами Белоногину и Щербаку поручалось к 15-му августа представить инвентарные описи и планы стационарных помещений, зданий и территорий в соот-

¹ ГАРК, ф. р-1599, оп. 1, д. 107. Приказы и циркуляры Центрального управления советского торгового флота. Измененная структура морских управлений Совторгфлота. 11.04.1930 – 20.10.1930 г., л. 26.

ветствии с циркулярным распоряжением ЦУМОРа от 16-го марта за № МГ-18/124¹.

Было достигнуто соглашение между центральным управлением морского транспорта НКПС и Гидрометеорологическим комитетом при СНК СССР об условиях передачи в ведение Гидрометеорологического комитета Гидрометеорологической службы морского транспорта и о дальнейших постановке и руководстве специальными исследованиями и наблюдениями морских гидрометеорологических станций.

Принимая во внимание, что переходящая в ведение Гидрометеорологического комитета СССР Гидрометеорологическая служба морского транспорта, кроме необходимых для целей мореплавания и портового строительства общих метеорологических и гидрологических наблюдений, выполняла ряд специальных транспортных гидрологических и гидрометеорологических исследовательских работ и наблюдений, – центральное управление морского транспорта НКПС и Гидрометеорологический комитет при СНК СССР устанавливали следующие условия перехода в ведение Гидрометеорологического комитета Гидрометеорологической службы морского транспорта.

Введение Гидрометеорологического комитета переходила вся сеть гидрометеорологических станций и постов ЦУМОРа, со всеми их приборами, инструментами, установками, оборудованием, инвентарем, постройками, зданиями и помещениями, сохраняющимися вне и в пределах портовой территории свои места, занимаемые к моменту передачи. При этом, к моменту передачи, на местах составлялись, постанционно, полные инвентарные списки, с приложением плана каждой станции. Установленные на гидрометеорологических станциях самописцы сохранялись на последующее время и их перенос предварительно следовало согласовывать в ЦУМОРе.

Вместе с гимнцентрами, гидрометеорологическими станциями и постами, в ведение Комитета переходили все работы и наблюдения, производящиеся ими к моменту передачи; постанционный перечень этих работ и наблюдений составлялся ЦУМОРОм.

¹ ГАРК, ф. р-1599, оп. 1, д. 107. Приказы и циркуляры Центрального управления советского торгового флота. Измененная структура морских управлений Совторгфлота. 11.04.1930 – 20.10.1930 г., л. 27.

С момента фактического перехода в ведение Комитета Гидрометеорологической службы морского транспорта все руководство общего характера гидрометеорологическими работами и наблюдениями осуществлялось комитетом.

Руководство уже выполняющимися и имеющими быть в последнее время возложенными на гидрометеорологические станции специальными транспортными работами и наблюдениями, и их обработкой, а равно и контроль над их выполнением сохранялись за ЦУМОРОм через объединенную морскую секцию ГМК СССР.

Что касается обслуживания морского транспорта, то после перехода в ведение Гидрометеорологического комитета, морские Гидрометеорологические станции продолжали в полном объеме вести работу по обслуживанию и удовлетворению всех специальных и общего характера потребностей и запросов морских портов и мореплавателей, как в отношении данных о ходе метеорологических и гидрологических элементов, таки в смысле постановки специальных гидрологических и метеорологических работ и наблюдений.

Руководящие на море работой сети гидрометеорологических станций Центральные станции продолжали выполнять для потребностей ЦУМОРА и СТФлота и морских портов обработку и систематизацию материалов наблюдений и исследований, с соответственными выводами из них.

Морские бюро погоды также продолжали работу по регулярному осведомлению мореплавателей и портов, а также и ЦУМОРА, об имеющем место и ожидаемом состоянии погоды и моря. При этом за ЦУМОРОм оставалось право постановки перед морскими бюро погоды специальных задач с целью удовлетворения практических потребностей морского транспорта.

В случаях срочной необходимости, а также при детальной проработке планов отдельных специальных работ и наблюдений, за ЦУМОРОм и управлением портов сохранялось право непосредственной переписки с морскими Центральными станциями.

За ЦУМОРОм и Управлением портов также сохранялось право бесплатного получения от Центральных станций и морских бюро погоды, а также в случае надобности и от гидрометеорологических станций, гидрометеорологических данных, сводок и приказов, справочных и климатических данных и материалов наблюдений.

Личный состав Централъных гидрометеорологических станций (Ленинград, Феодосия, Баку) и местных гидрометеорологических станций и постов переходил в ведение Гидрометеорологического Комитета СССР.

В виду выполнения переходящими в ведение этого Комитета морскими гидрометеорологическими станциями специальных исследовательских работ и наблюдений, требующих для их выполнения персонала соответствующей квалификации, при перемещениях и назначениях наблюдательского персонала морских гидрометеорологических станций, а также и специалистов морских гидрометеорологических центров, Гидрометеорологическому Комитету следовало руководствоваться требованиями, выдвигаемыми морским транспортом, и обеспечивать надлежащую квалификацию персонала морской гидрометеорологической службы.

Все подлинныe материалы наблюдений и исследований гидрометеорологических станций следовало хранить исключительно в архивах морских гидрометеорологических центров, высылающих ЦУМОРу копии месячных таблиц наблюдения сети, а также, по мере надобности, обработки записей самописцев.

Подлинныe материалы специальных исследований и наблюдений, производимых по заданиям ЦУМОРа, передавались последнему по принадлежности.

При этом за ЦУМОРОм сохранялось право возложения на морские гидрометеорологические центры различных вычислительных работ и обработок результатов, общих и специальных, выполнявшихся по заданиям ЦУМОРа, а также наблюдений и исследований, проводимых через объединенную морскую секцию ГМК СССР.

Все печатные издания Морской службы бесплатно предоставлялись ЦУМОРу в 3-х экземплярах.

Хозяйственные вопросы решались следующим образом. Текущий и капитальный ремонт помещений, зданий, построек и сооружений гидрометеорологических станций в ведении Гидрометеорологического комитета следовало производить силами соответствующих управлений портов за счет Гидрометеорологической службы.

Работы по возведению новых построек и сооружений гидрометеорологических станций, расположенных на портовой территории, по согласовании с ЦУМОРОм планов работ, следовало производить силами соответствующего порта на средства Гидрометеорологической службы.

Управления портов обязывались предоставлять гидрометеорологическим станциям необходимые для строительных работ и ремонта материалы по себестоимости, заготавливая их по предварительным расчетам, соответственно делаемым заблаговременно по заявкам на производство ремонта и работ.

Управлениям портов следовало также предоставлять бесплатно портовым гидрометеорологическим станциям гребные плавучие средства, а моторные и паровые – по себестоимости.

Технические средства связи НКПС (телефон, радио, телеграф), обслуживающие морскую гидрометеорологическую службу, по переходе последней в ведение Гидрометеорологического Комитета предоставлялись гидрометеорологическим станциям в бесплатное пользование.

Морским гидрометеорологическим станциям также предоставлялось право бесплатной перевозки морем и по железной дороге служебных грузов (приборы, инструменты, материалы, бланки и книги) весом не более 50 кг.

НКПС следовало обеспечивать бесплатный проезд по морям и железной дороге персонала гидрометеорологической службы по служебным надобностям морской гидрометеорологической службы, путем предоставления соответствующего количества служебных билетов.

Управлениями портов предоставлялись для портовых гидрометеорологических станций и их персонала топливо и осветительные материалы по себестоимости, в пределах установленных норм потребления.

Впредь до увеличения штатного состава портовых гидрометеорологических станций управления портов обязывались обеспечивать бесплатную курьерскую связь гидрометеорологических станций с почтово-телеграфными конторами.

Участки портовой территории, занимаемые приборами, установками, помещениями и зданиями гидрометеорологических станций, а равно и сами здания, оставались собственностью соответствующих портов и безвозмездно предоставлялись ЦУМОРОм в пользование гидрометеорологической службе СССР. Перенос установок и помещений гидрометеорологических станций, расположенных на портовой территории, допускался по предварительному согласованию переноса между Гидрометеорологическим Комитетом СССР и ЦУМОРОм.

Управления портов, без предварительного согласования с Гидрометеорологическим Комитетом СССР, не могли возводить

никаких построек и сооружений в непосредственной близости с метеорологическими площадками и установками для водомерных наблюдений, а также устраивать вблизи от них угольные, известковые и тому подобные склады, в целях обеспечения приборов от запыления.

С переходом гидрометеорологической службы морского транспорта в ведение Гидрометеорологического Комитета СССР, комитету передавались ЦУМОМ все остатки кредитов, отпущенных по смете 1929/30 бюджетного года на содержание и действие переходящих в ведение комитета учреждений и их личного состава.

С нового бюджетного года все кредиты на содержание постоянного штатного состава и на производство общих гидрометеорологических работ и наблюдений, на содержание, наем, аренду, ремонт и постройку помещений, зданий и установок гидрометеорологических станций – проводились по смете Гидрометеорологического Комитета СССР и его органов. Кредиты на производство специально-транспортных гидрологических и гидрометрических работ и наблюдений – по смете ЦУМОРа и передаются ЦУМОМ соответствующим морским гидрометеорологическим центрам.

Годовые оперативно-финансовые отчеты морских гидрометеорологических центров по работам и наблюдениям, финансируемым ЦУМОМ, препровождались последнему на утверждение в порядке и в сроки, установленные положением об отчетности на морском транспорте. Гидрометеорологический Комитет СССР обязывался предоставлять ЦУМОРу копии годовых оперативно-финансовых отчетов морских гидрометеорологических центров.

Порядок передачи устанавливался следующий. Момент перехода гидрометеорологической службы от ЦУМОРа в ведение Гидрометеорологического Комитета СССР определялся сроком, устанавливаемым по каждому морю отдельно, и оформлялся путем отдачи совместных приказов за подписями члена коллегии НКПС и представителя Гидрометеорологического Комитета СССР.

В завершение предусматривалось, что данное соглашение могло быть изменяемо и дополняемо при взаимности договоренности ЦУМОРа и Гидрометеорологического Комитета СССР¹.

¹ ГАРК, ф. р-1599, оп. 1, д. 120. Материалы по реорганизации морского транспорта и объединению управления Ялтинского торгового порта с Ялтинским морским агентством Совторгфлота (приказы, циркуляры, протоколы, штаты, функции по

К вищеразглянутому угоду прилагался список гідрометеорологічних станцій морського транспорту, подлежащих передачі Гідрометеорологічному Комітету СРСР. Слід також вказати, що на Чорному і Азовському морях була найбільша кількість об'єктів гідрометеорологічної служби – 43 найменування¹.

В 1931 г. продовжилось реформування управління гідрометеорологічним делом в УРСР. Так, в частині було прийнято постановлення СНК УРСР «Про Гідро-метеорологічний комітет УСРР»², згідно з яким даний комітет передавався в НКЗ УРСР, щоб: «1) зберігти його як окрему організацію, що об'єднує гідрологічну і метеорологічну службу на всій території УСРР та обслуговує усі зацікавлені урядництва; 2) забезпечити виконання тих робіт, що потрібні для справи авіації, оборони, будівництва, промисловості, забезпечення морського пересування, тощо».

Слідуючим постановленням були внесені зміни в устав гідрометеорологічного комітету, що стосуються призначення на керівні посади цієї організації. В частині, передбачалось, що Комітет складається з «...голови, 2 заступників і 6 членів (з призначення) й директора науково-дослідного інституту гідро-метеорології (за посадою). Голову, заступників голови й членів комітету (з призначення) настановляє РНК УСРР, з тим, що першого заступника голови комітету настановляється на посаду в штабі УВО, а другого заступника голови комітету й членів комітету – на посади в народному комісаріаті земельних справ УСРР за попередньою згодою з гідро-метеорологічним комітетом СРСР. Кандидатів у члени комітету по одному висувають: уповноважений народного комісаріату шляхів СРСР при уряді УСРР, уповноважений народного комісаріату водного

отделам и должностям служащих и рабочих Ялтинского торгового мореходства). 27.02.1930-25.04.1930г., л. 3-7.

¹ ГАРК, ф. р-1599, оп. 1, д. 120. Матеріали по реорганізації морського транспорту і об'єднанню управління Ялтинського торгового порту з Ялтинським морським агентством Совторгфлота (прикази, циркуляри, протоколи, штати, функції по відділам і посадам служащих и рабочих Ялтинского торгового мореходства). 27.02.1930-25.04.1930г., л. 3-7.

² «Про Гідро-метеорологічний комітет УСРР» постановлення СНК УРСР от 11.02.1931, арт. 67 // Збірник законів та розпоряджень робітничо-селянського уряду України. № 1-38 Б.м., 1931. 771 с.

траспорту РСФСР при уряді УСРР, народний комісаріат постанчаня УСРР і вища рада народного господарства УСРР...»¹.

Ближкие к украинским реалиям развивались процессы и в РСФСР, где в эти же годы была принята целая череда нормативно-правовых актов с целью централизации и унификации управления гидрометеорологическим делом.

Руководство местными гидрометеорологическими учреждениями на территории РСФСР Гидрометеорологический комитет осуществлял через краевые (областные) гидрометеорологические комитеты.

Таким образом в начале 1930-х гг. процесс реорганизации гидрометеорологической службы получил новый толчок, в эти годы была принята целая череда нормативно-правовых актов с целью централизации и унификации управления гидрометеорологическим делом в СССР. Среди ключевых преобразований следует отметить переход гидрометеорологической службы морского транспорта в ведение Гидрометеорологического Комитета СССР, гидрометеорологических служб Черного и Азовского морей и гидрометеорологической службы Каспийского моря в состав единой Гидрометеорологической Службы СССР, объединение гидрологической и метеорологической служб СССР, слияние гидрометеорологических комитетов СССР и РСФСР и др. Безусловно все эти преобразования внесли существенный вклад в обеспечение безопасности торгового судоходства в стране и заложили правовые основы для дальнейшего совершенствования гидрометеорологического дела в СССР.

Библиографический список

1. ГАРК, ф. р-1599, оп. 1, д. 107. Приказы и циркуляры Центрального управления советского торгового флота. Измененная структура морских управлений Совторгфлота. 11.04.1930-20.10.1930 г. 31 л.
2. ГАРК, ф. р-1599, оп. 1, д. 120. Материалы по реорганизации морского транспорта и объединению управления Ялтинского торгового порта с Ялтинским морским агентством Совторгфлота (приказы, циркуляры, протоколы, штаты, функции по отделам и

¹ «Зміни в Уставі – Про Гідро-метеорологічний комітет УСРР» постановление СНК УСРР от 27.05.1931, арт. 160 // Збірник законів та розпоряджень робітничоселянського уряду України. № 1-38 – Б. м., 1931. – 771 с.

должностям служащих и рабочих Ялтинского торгового мореходства). 27.02.1930-25.04.1930. 97 л.

3. «Про Гідро-метеорологічний комітет УСРР» постановление СНК УССР от 11.02.1931, арт. 67 // Збірник законів та розпоряджень робітничо-селянського уряду України. № 1-38 – Б.м., 1931. 771 с.

4. «Зміни в Уставі – Про Гідро-метеорологічний комітет УСРР» постановление СНК УССР от 27.05.1931, арт. 160 // Збірник законів та розпоряджень робітничо-селянського уряду України. № 1-38 – Б.м., 1931. – 771 с.

Раздел

**Трибуна
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

А. С. Кайнов

старший прокурор отдела
по надзору за исполнением
природоохранного законодательства
управления по надзору
за соблюдением федерального
законодательства прокуратуры
Краснодарского края
kainov-aleksandr@mail.ru

ФУНКЦИИ ПРОКУРАТУРЫ**FUNCTIONS OF PUBLIC PROSECUTOR'S OFFICE**

Статья посвящена функциям прокуратуры. Автор анализирует надзорную функцию как основную функцию российской прокуратуры. Эффективность обеспечения защиты прав, свобод и законных интересов различных субъектов доказана юридической практикой. Автор рассматривает иные функции прокуратуры: функции уголовного преследования, координации правоохранительных органов по борьбе с преступностью, участия в отправлении правосудия, участия в правотворческой деятельности, сотрудничества с международными организациями и соответствующими органами по вопросам правовой помощи и борьбы с преступностью, информационно-аналитическую (статистическую). В статье отмечается, что все перечисленные функции имеют правозащитную направленность. Прокуратура, координируя деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью, анализирует структуру, состояние и динамику преступности, принимает меры по выявлению причин и условий, способствующих совершению правонарушений. В судебном процессе прокурор занимает особое положение: является истцом в процессуальном смысле слова при одновременном выполнении функций по надзору за законностью. Функция участия прокуратуры в правотворческой деятельности имеет профилактический характер и направлена на предотвращение принятия нормативных правовых актов, нарушающих права, свободы и законные интересы. Посредством функции международного сотрудничества решаются вопросы о выдаче преступников по требованию иностранных государств, разрабатываются международные договоры и соглашения по поводу оказания правовой помощи и борьбы с

преступностью. Прокуратура ведет уголовно-правовую статистику в Российской Федерации.

Ключевые слова: Прокуратура; надзор; защита прав человека; координация; сотрудничество.

The article is devoted to the functions of public prosecutor's office. The author analyzes the supervisory function as the basic function of the Russian public prosecutor's office. Efficiency of providing of protection of rights, freedoms and legal interests of different subjects is proved by legal practice. An author examines other functions of public prosecutor's office: functions of criminal proceeding, co-ordinations of law enforcement authorities dealing against criminality, participating in administering of law, participating in legislative activity, collaboration with international organizations and corresponding organs on questions of legal aid and fight against criminality, research (statistical) and information. It is registered in the article, that all enumerated functions have legal-defense orientation. Public prosecutor's office, coordinating activity of law enforcement authorities on fight against criminality, analyzes the structure, state and dynamic of crime, takes measure in the exposure of reasons and terms, assisting the commitment of offences. In trial public prosecutor occupies the special position of a plaintiff in judicial sense at simultaneous implementation of functions on supervision after legality. The function of participation of public prosecutor's office in legislative activity has prophylactic character and is directed to prevention of acceptance of normative legal acts, violating rights, freedoms and legal interests. By means of function of international cooperation the problems about delivery of criminals on request of foreign states are solved, international agreements as well as agreements concerning providing of legal aid and fight against criminality are developed. Public prosecutor's office conducts criminal-legal statistics in the Russian Federation.

Keywords: public prosecutor's office; supervision; protection of human rights; co-ordination; collaboration.

Прокуратура занимает особое место в правоохранительной системе. Это связано не только с ее относительно независимым положением от иных ветвей власти, в отличие от иных правоохранительных и правозащитных органов, но и спецификой осуществляемых функций.

Будучи одним из наиболее эффективно действующих правоохранительных и правозащитных институтов, прокуратура имеет следующие функции: надзорную, уголовное преследование в определенных законом рамках, координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, участие в отправлении правосудия, участие в правотворческой деятельности, сотрудничество с международными организациями и со-

ответствующими органами по вопросам правовой помощи и борьбы с преступностью, информационно-аналитическую.

Внимательный анализ содержания данных направлений деятельности свидетельствует о правозащитном характере абсолютно всех функций прокуратуры, поскольку все они связаны с предупреждением, выявлением, пресечением нарушений прав, свобод и законных интересов различных субъектов права, а также их охраной и защитой.

В недалеком прошлом прокуратура выступала не только надзорной структурой, но и органом, осуществляющим уголовное преследование. Сегодня прокуратура находится практически вне уголовно-правовой сферы. Эффективность данной формы реализации полномочий прокуратуры показала положительность ее функционирования в практической деятельности. Вместе с тем, правоведы Совета Европы не один год пытались навязать «стандартную», по их мнению, модель прокуратуры, которая должна только карать и не более того. Парламентская Ассамблея Совета Европы около 15 лет назад приняла рекомендацию оставить за прокурорами лишь функцию уголовного преследования в суде. Однако Комитет министров Совета Европы подчеркнул, что в европейских государствах есть самые разнообразные модели организации и функционирования прокуратуры, а потому и не дал одобрения на это предложение. Те страны Европы, которые решили применить предлагаемую модель прокуратуры (Венгрия, Словакия, Черногория, Чехия и др.), в последующем от нее отказались, ибо функции прокуратуры по защите прав человека и публичных интересов вне уголовно-правовой сферы необходимы и вполне отвечают принципам демократического государства¹. Данную позицию занимают более 30 государств – участников Совета Европы, где прокуратура осуществляет свои полномочия вне уголовно-правовой сферы, обеспечивает защиту прав и свобод граждан (Германия, Испания, Португалия, Польша, Румыния, Хорватия, Франция и др.).

В этой связи попытки зарубежных правоведов лишить российскую прокуратуру права общего надзора за законностью со ссылками на опыт зарубежных стран не уместны. Если в западных государствах нет у прокуратуры права надзора, то это не по-

¹ См.: Ямшанов Б. Генпрокуратура уходит в защиту. Интервью с заместителем Генерального прокурора России А. Звягинцевым // Российская газета. 2012. 9 ноября.

тому, что надзор был отменен, а потому, что там эффективно функционирует административная юстиция. Кроме того, в странах англо-саксонской правовой семьи, которая была взята за образец в Совете Европы, условий для развития прокуратуры как надзорного органа не имеется. В английской правовой системе состязательный процесс, основанный на равенстве статусов сторон, исключает существование властной структуры в лице прокурора. Если и необходимо уголовное преследование по особо важным делам, имеющим государственное значение, то его осуществляют специализированные органы, не являющиеся по своей сути следственными. Поэтому их деятельность, как правило, имеет незначительный характер, ибо они оказывают консультативную помощь органам расследования уголовных преступлений. Напротив, в романо-германской правовой семье фигура прокурора занимает весьма важное место. Прокурор выступает представителем закона, действует от имени государства и общества.

Не случайно в 2012 году Комитет министров Совета Европы принял Рекомендацию государствам-членам о роли прокуроров вне системы уголовного правосудия. Этому событию предшествовало принятие в октябре 2008 года в Страсбурге Консультативным советом европейских прокуроров Заключения № 3, в котором функции прокуратуры по защите прав человека придают существенное значение. Так, в п. 32 данного документа указано, что «перед всеми государствами Европы стоит задача развивать и укреплять правозащитный потенциал всех своих органов, включая суды и прокуратуру». Далее, в п. 19 отмечается, что прокуратура может защитить не только права, свободы и законные интересы одного или нескольких граждан, но и способна эффективно среагировать на нарушения прав и свобод больших групп граждан или неограниченного круга лиц.

Таким образом, в международном сообществе прокуратура рассматривается как эффективный институт обеспечения защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, верховенства закона, традиций и ценностей правового государства.

Функция общего надзора является традиционной для российской прокуратуры. Поэтому «ее свертывание в сложных условиях переходного периода ничего, кроме вреда, принести не мо-

жет»¹. Как справедливо отмечают В. Г. Даев и М. Н. Маршунов, надзор – это единственная функция прокуратуры, все остальные выступают лишь ее формами осуществления².

Существенное место в прокурорской деятельности занимает надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Почему? Казалось бы, в интересах человека и гражданина действуют и иные правоохранительные органы. Вместе с тем только прокуратура является гарантом реального соблюдения прав, свобод и законных интересов различных субъектов, поскольку она выступает наиболее эффективным правозащитным органом в силу своей централизованности, наличия особых правовых средств воздействия.

К сожалению, в сегодняшней России по-прежнему еще не сформировано реальное уважение к человеку, его правам, свободам и законным интересам как со стороны представителей власти, так и других людей. Данный вывод подкрепляется статистическими данными обращений граждан по поводу нарушения их прав и свобод.

Ежегодно органы прокуратуры встают на защиту интересов миллионов граждан, чаще всего в сфере социального обеспечения, трудового, семейного законодательства. Но наибольшую озабоченность вызывает законность в сфере ЖКХ. В данной сфере встречаются факты предоставления услуг ненадлежащего качества, плохого содержания и эксплуатации коммунальных объектов, а также вопиющие случаи завышения тарифов. Например, в 2012 г. в Краснодарском крае ряд энергетических компаний в расчет тарифов включали расходы, понесенные в связи с проведением праздничных мероприятий, размещением рекламы. И если бы не вмешательство органов прокуратуры, то потребители электроэнергии могли бы заплатить «лишних» 28 млн руб.³

При этом необходимо подчеркнуть, что, действуя более оперативно и безвозмездно, прокуратура существенно разгружает судебную систему. Более того, за последнее время количество обращений в органы прокуратуры превышает в несколько раз число судебных обращений на нарушение прав и свобод. Так, за по-

¹ Алексеев А. И. Общий надзор: проблемы и перспективы // Законность. 1998. № 2. С. 8.

² См.: Даев В. Г., Маршунов М. Н. Основы теории прокурорского надзора. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 45-46.

³ См.: Чайка Ю. Господин укравдом // Российская газета. 2012. 14 декабря.

следние 10 месяцев 2015 года в органы прокуратуры поступило более 4 млн письменных обращений, тогда как 5 лет назад эта цифра достигала 3,3 млн чел. Это говорит об активизации правозащитной роли прокуратуры и повышении эффективности деятельности, направленной на восстановление нарушенных прав граждан¹.

Специфика данного вида правозащитной деятельности заключается в том, что она инициируется самими гражданами, считающими, что их права и законные интересы ущемлены или нарушены незаконными действиями (бездействиями) и решениями должностных лиц различных органов власти. Следовательно, проверки следует проводить только в связи с поступившей информацией о нарушении закона, но никак не без нее, т.е. в порядке общей профилактики проверки не могут проводиться².

В условиях сложной криминогенной обстановки, ведомственной разобщенности государственных структур основной целью прокуратуры по координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью служит анализ состояния преступности, результатов борьбы с ней, принятие действий по выявлению причин и условий, способствующих совершению правонарушения, выработка дополнительных мер, а также восстановление нарушенных прав, свобод и законных интересов субъектов правоотношений. Именно через проводимые совещания по решению той или иной задачи прокуратура реализует полномочия по обеспечению соблюдения требований законности и компетенции правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с преступностью.

Правозащитный характер деятельности просматривается и в такой функции прокуратуры, как участие в рассмотрении дел судами. В судебном процессе прокурор занимает особое положение, не схожее с правовым статусом других участников. Это является еще одним принципиальным отличием от иных правоохранительных органов. В случае возникновения спора государственного или общественного масштаба, имеющего принципиальный характер, либо затрагивающего интересы значительной части населения или социальных групп, прокуратура обязана

¹ См.: Чайка Ю. Хватку не ослабим // Российская газета. 2016. 12 января.

² См.: Камышов В. Г. Работа органов прокуратуры с обращениями граждан и ее роль в защите прав и свобод человека и гражданина // Современное право. 2011. № 1. С. 56.

возбудить производство по гражданскому делу для разрешения его в судебном порядке.

Отмеченное обстоятельство вызывает в процессуальной литературе неоднозначность мнения по поводу правового положения прокурора в судебном процессе. Одни авторы считают, что прокурор, предъявивший иск, выступает стороной в судебном разбирательстве, поскольку предъявляет доказательства по делу, обосновывает правильность своих требований и необходимость их удовлетворения. Другие рассматривают прокурора как представителя государства, ибо прокурор имеет не столько гражданско-правовую, сколько государственную заинтересованность. Третьи полагают, что прокурор – истец в процессуальном смысле слова при одновременном выполнении функций по надзору за законностью. На наш взгляд, последняя точка зрения наиболее близка к истине. Прокурор не имеет материально-правового интереса по делу, в его пользу ничего нельзя присудить и с него ничего не взыскивается, а, следовательно, процессуальный интерес прокурора обусловлен исключительно спецификой его государственных функций¹.

В то же время имеющийся комплекс полномочий прокуроров в настоящее время не позволяет инициировать конституционное судопроизводство, за исключением Генерального прокурора РФ, который в соответствии с ч. 6 ст. 35 Закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации» вправе обратиться в Конституционный суд РФ по вопросу нарушения конституционных прав и свобод граждан правовым актом, примененным либо подлежащим применению в конкретном деле. На наш взгляд, это выглядит несколько абсурдным и нелогичным, поскольку в ходе надзорной деятельности у прокуратуры накапливается внушительный объем материала, позволяющего ставить вопрос о соответствии федеральных законов положениям Конституции РФ. В юридической литературе на данный пробел неоднократно указывалось и предлагалось наделить прокуратуру правом участия в конституционном судопроизводстве с заключением о нарушении

¹ См.: Ковалев А. А. Участие прокурора в рассмотрении дел арбитражными судами в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 87.

конституционных прав и свобод человека и гражданина¹. Между тем все остается без изменения.

Правозащитная направленность имеется и в правотворческой деятельности прокуратуры. В настоящее время формы участия прокуратуры в правотворчестве регулируются ст. 9, 9.1 Закона «О прокуратуре Российской Федерации» и приказом Генеральной прокуратуры от 17 сентября 2007 г. № 144 «Об организации правотворческой деятельности в органах прокуратуры Российской Федерации». К ним относятся: подготовка проектов законов и иных нормативных правовых актов, подготовка правовых заключений на проекты законов и иных нормативных правовых актов, осуществление правовой экспертизы нормативных правовых актов, в т. ч. антикоррупционной, участие в обсуждении законопроектов в палатах Федерального Собрания Российской Федерации и законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации.

Перечисленные формы участия дают возможность своевременно выявить условия, способствующие совершению правонарушений в области прав, свобод и законных интересов участников правоохранительного правоотношения. Таким образом, эта функция имеет профилактический характер: совместная деятельность прокуратуры и законодательных (представительных) органов государственной власти и местного самоуправления способствует предотвращению принятия нормативных правовых актов, нарушающих права, свободы и законные интересы различных субъектов.

Прокурорский надзор, ставя целью обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав, свобод и законных интересов различных субъектов обеспечивает не только приоритет прав и законных интересов личности по отношению к правам и интересам гражданского общества и государства, но и служит основой национальной безопасности Российской Федерации. Именно на защиту национальных интересов России направлена функция международного сотрудничества. Так, Генеральная прокуратура РФ ведет работу по решению вопроса о выдаче преступников по требованию иностранных государств, участвует в разработке международных договоров и со-

¹ См.: Бойченко С. И. Правозащитная деятельность прокуратуры Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2009. С. 19.

глашений по поводу оказания правовой помощи и борьбы с преступностью.

С 1 января 2012 г. прокуратура стала единственным ведомством, которое ведет всю уголовно-правовую статистику в Российской Федерации. Данная функция вытекает из надзорной деятельности прокуратуры. Ежегодно прокурорами вскрываются несколько тысяч искаженных статистических данных. Вместе с тем реальным показателем законности и правопорядка все-таки должен быть не статистический отчет, а фактическое спокойствие людей, которые доверяют правоохранительным органам. Поэтому сотрудникам правоохранительных органов и прокуратуры важно на деле выполнять свой долг, в частности, делать свою работу качественно и добросовестно. Прокурор должен отличаться высоким представлением о чести, долге и справедливости, неуклонно служить своему Отечеству и народу¹.

Библиографический список

1. Алексеев А. И. Общий надзор: проблемы и перспективы // Законность. 1998. № 2. С. 6-11.
2. Бойченко С. И. Правозащитная деятельность прокуратуры Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.02 / Белгородский государственный университет. Белгород, 2009. 23 с.
3. Даев В. Г., Маршурнов М. Н. Основы теории прокурорского надзора. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 136 с.
4. Камышов В. Г. Работа органов прокуратуры с обращениями граждан и ее роль в защите прав и свобод человека и гражданина // Современное право. 2011. № 1. С. 54-57.
5. Ковалев А. А. Участие прокурора в рассмотрении дел арбитражными судами в Российской Федерации: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.11 / Уральская государственная юридическая академия. Екатеринбург, 2004. 217 с.
6. Олейник В. В. Участие органов прокуратуры в реализации правотворческой деятельности как актуальное направление деятельности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. № 1 (72). С. 12-16.
7. Чайка Ю. Господин укравдом // Российская газета. 2012. 14 декабря.

¹ См.: Чайка Ю. Законный вопрос // Российская газета. 2014. 10 января.

8. *Чайка Ю.* Законный вопрос // Российская газета. 2014. 10 января.
9. *Чайка Ю.* Хватку не ослабим // Российская газета. 2016. 12 января.
10. *Ямшанов Б.* Генпрокуратура уходит в защиту. Интервью с заместителем Генерального прокурора России А. Звягинцевым // Российская газета. 2012. 9 ноября.

А. Ю. Варшавская
аспирант кафедры
гражданского права ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный
аграрный университет
имени И. Т. Трубилина»
varshavsk@yandex.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦЕНЫ В СФЕРЕ УСЛУГ ЖКХ

CIVIL LEGAL REGULATION OF PRICE IN SERVICE TRADE OF HOUSING AND PUBLIC UTILITIES

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования отношений по формированию цены как условия договора по оказанию услуг в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Делается вывод о том, что в силу особой значимости сферы ЖКХ коммунальные услуги, преимущественно, регулируются при помощи нормативных актов императивного характера. Роль свободы договора в регулировании данных отношений сведена к минимуму. В связи с тем, что доктрина понятий коммунальных услуг и услуг в сфере ЖКХ в науке гражданского и жилищного права особо не разработана, предлагается их отождествлять. Следует различать правовую природу коммунальных услуг и договора энергоснабжения. Отнесение энергоснабжения к числу услуг является неверным.

Ключевые слова: Цена как условие гражданского договора; договор; жилищно-коммунальное хозяйство; социальная функция права; государство как субъект гражданского правоотношения; коммунальные услуги; возмездность в гражданском праве; договор энергоснабжения

The article deals with the legal regulation of relations on the formation of prices as the terms of the contract on rendering services in the sphere of housing and communal services. The conclusion is that, because of special significance of the sphere of housing communal utilities are mainly regulated by the regulations mandatory. The role of freedom of contract to regulate this relationship is minimized. Due to the fact that the doctrine of concepts in the field of housing and utilities services in the science of civil and housing law is not particularly well developed, it is proposed to identify them. It is necessary to distinguish between the legal nature of public services and the supply contract. The assignment of power to the number of services is incorrect.

Keywords: price as condition of civil contract; contract; housing communal utilities; social function of law; the state as a subject of civil legal relations; communal utilities; retribution in civil law; contract power.

Правовое регулирование отношений по определению цены оказываемых услуг в сфере жилищно-коммунального хозяйства (далее – ЖКХ) затрагивает интересы многих десятков миллионов россиян. Оно имеет непосредственное отношение к реализации одной из важнейших социальных функций государства. В соответствии со ст. 7 Конституции РФ, Российская Федерация провозглашается социальным государством. Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ч. 1 ст. 7)¹. В гражданском праве названная функция государства не может быть реализована им буквально, поскольку социальная функция предполагает, в первую очередь, вспомогательное воздействие государства по отношению к своим гражданам, направленное на создание предпосылок свободного развития человека. В гражданском праве присутствует только идея равенства. Привнесение неравенства в регулирование определенных имущественных отношений не говорит о том, что гражданское право приобретает антисоциальные функции, а говорит лишь о том, что определенные отношения получают гражданско-правовую регламентацию, отражающую интересы отдельно взятой личности и общества в целом, которые могут не совпадать. Такое правовое регулирование осуществляется путем установления правовых ограничений на действия гражданско-правовых норм.

При анализе случаев участия государства в договорных правоотношениях также имеют место различного рода ограничения. Однако в этом случае они имеют иное предназначение и юридическую природу. Участвуя в гражданских правоотношениях государство, будучи носителем публичной власти, защищает в первую очередь свои интересы. Воздействие на других участни-

¹ «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 21.07.2014 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 01.08.2014.

ков правоотношений в этом случае чаще носит характер принуждения.

Ограничения свободы устанавливаются силой государства также в интересах более слабых субъектов гражданского оборота. Таким образом решается задача социального регулирования и защиты в имущественной сфере, их гармонизации, позволяющей снизить издержки экономически более слабой стороны в обязательствах.

Сфера ЖКХ является сферой оказания гражданам и юридическим лицам различного рода услуг, преимущественно коммунальных. В силу особой значимости сферы данные услуги, преимущественно, регулируются при помощи нормативных актов императивного характера. Роль свободы договора в регулировании данных отношений сведена к минимуму. По существу, договор выступает не как соглашение, а служит лишь основанием возникновения правоотношений по оказанию коммунальных услуг. После его заключения на стадии исполнения и собственно существования правоотношения, возникающие между сторонами, подвержены существующему нормативно-правовому регулированию.

Базовым нормативным актом, регулирующим отношения по предоставлению коммунальных услуг, выступает Жилищный Кодекс РФ¹ (далее – ЖК РФ). Раздел VII ЖК РФ посвящен порядку платы за жилое помещение и коммунальные услуги. Здесь можно отметить саму специфику названия Раздела VII ЖК РФ – «Плата за жилое помещение и коммунальные услуги». Из названия Раздела следует, что в его содержание включены нормы, регулирующие денежное обязательство по внесению платы за жилое помещение, а также правоотношение по предоставлению коммунальных услуг в целом, то есть эти нормы устанавливают двустороннюю правовую связь по предоставлению коммунальной услуги и по ее оплате. К этому следует добавить, что порядок пользования жилым помещением регламентируется нормами других разделов ЖК РФ (разделы II – IV).

Таким образом, плата за жилое помещение и пользование жилым помещением разведена по разным разделам ЖК РФ, чего не сделано в отношении коммунальных услуг. Законодатель не

¹ «Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 31.01.2016) Первоначальный текст документа опубликован в издании «Собрание законодательства РФ», 03.01.2005, № 1 (часть 1), ст. 14.

выделяет отдельных глав правилам оказания коммунальных услуг и вообще регулированию отношений по предоставлению коммунальных услуг в целом. Иными словами, на уровне закона приоритет отдается, прежде всего, плате за коммунальные услуги, а не регламентации порядка предоставления, их качественных характеристик как элементов содержания правоотношения по оказанию коммунальных услуг.

При этом следует иметь в виду, что в любом случае оказание коммунальных услуг подчиняется главе 39 ГК РФ «Возмездное оказание услуг», если иное не предусмотрено специальными правовыми актами. Коммунальные услуги признаются объектом гражданских прав, с чем нельзя не согласиться, поскольку коммунальные услуги являются лишь разновидностью услуг как одного из объектов гражданских прав¹. Поскольку экономически каждый объект гражданских прав имеет определенную меновую стоимость, то совершенно очевидно, что и коммунальные услуги будут иметь меновую стоимость, то есть цену, как условие договора.

Д. И. Михайлов указывает, что предметом договоров оказания коммунальных услуг будет передача энергии в различных формах и видах, а также предоставление коммунальных услуг². В таком понимании нужно отметить, что оба объекта (юридического объекта – определенного поведения, а также материального объекта – удовлетворения от получения услуги) будут иметь свою определенную стоимость. Следует различать понятия «энерго-снабжение» и «услуга в сфере ЖКХ». Что касается коммунальных услуг, то, как нам представляется, в связи с тем, что доктрина данных понятий в науке гражданского права особо не разработана, можно отождествлять понятия коммунальных услуг и услуг в сфере ЖКХ. К примеру, Е. В. Блинкова также понимает коммунальные услуги достаточно широко³. Такие же научные позиции встречаются и у других авторов⁴.

¹ См.: Михайлов Д. И. Коммунальные услуги как объект гражданских прав // Новый юридический журнал. 2012. № 4. С. 97-106.

² См.: Михайлов Д. И. Указ работа. Там же.

³ Блинкова Е. В. Коммунальные услуги: новый порядок и условия оплаты // Юрист. 2004. № 11. - С. 38.

⁴ Матияшук С. В. Правовое регулирование платы за жилое помещение // Юрист. 2008. № 9. - С. 39.

Следует различать правовую природу коммунальных услуг и договора энергоснабжения¹. С одной стороны, оказание коммунальных услуг по своему существу является отношением возмездного оказания услуг, регулируемым главой 39 ГК РФ. Однако с другой стороны, энергоснабжение регулируется параграфом 6 главы 30 ГК РФ, то есть относится к купле-продаже. В связи с этим с точки зрения гражданского права отнесение энергоснабжения к числу услуг является неверным.

Несмотря на, казалось бы, очевидную логику, ЖК РФ, прописывая правила о размере платы за коммунальные услуги, указывает, что размер платы зависит от объема потребляемых услуг, определяемого по приборам учета (п. 1 ст. 157 ЖК РФ), то есть применяет к услугам понятие «объема», что свойственно для договоров купли-продажи, в частности, для энергоснабжения². При рассмотрении порядка регулирования цены в договорах логически верным будет разграничивать понятие услуг и их стоимости от энергоснабжения и стоимости потребляемой энергии.

Регулирование энергоснабжения не ограничивается § 6 главы 30 ГК РФ. В настоящее время действуют ФЗ «Об электроэнергетике»³, ФЗ «О теплоснабжении»⁴, «О газоснабжении»⁵, ФЗ «О водоснабжении и водоотведении»⁶. Тепловая, электрическая энергии, природный газ являются разновидностями энергетических ресурсов, которые поставляются потребителям через присоединенную сеть на основании договоров энергоснабжения. Холодная и горячая вода также поставляются в рамках договоров водоснабжения, которые по своей юридической природе соответствуют договорами энергоснабжения (ст. 13 ФЗ «О водоснабже-

¹ Камышанский В. П., Ксиропулос С. Г. Гражданско-правовые формы государственной поддержки энергоснабжения с использованием возобновляемых источников энергии // Современное право. 2013. № 10. С. 79.

² О правовом регулировании услуг и энергоснабжении см. подробнее: Гордеев Д. П., Прокофьев В. Ю. Новое регулирование отношений по предоставлению коммунальных услуг "Жилищное право", 2006, № 8.

³ Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ (ред. от 30.12.2015) "Об электроэнергетике" // СЗ РФ. 31.03.2003. № 13. Ст. 1177.

⁴ Федеральный закон от 27.07.2010 № 190-ФЗ (ред. от 28.11.2015) "О теплоснабжении" // Российская газета. 30.07.2010. № 168.

⁵ Федеральный закон от 31.03.1999 № 69-ФЗ (ред. от 28.11.2015) "О газоснабжении в Российской Федерации" // СЗ РФ. 05.04.1999. № 14. Ст. 1667.

⁶ Федеральный закон от 07.12.2011 № 416-ФЗ (ред. от 29.12.2015) "О водоснабжении и водоотведении" // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 08.12.2011.

нии и водоотведении»). Сущность регулирования цены в отношениях энергоснабжения сводится к тому, что цена определяется установленным тарифом, то есть действует императивно-нормативный порядок определения цены¹.

В литературе тарифное регулирование сравнивают с антимонопольным регулированием, причем утверждается, что в целом антимонопольное и тарифное регулирования носят схожие методы². Как нам представляется, сходство методов заключается лишь в том, что они являются административно-правовыми. Однако по своей сути приемы все же несколько различаются, поскольку они по-разному воздействуют на гражданско-правовые отношения. Антимонопольное регулирование осуществляется преимущественно посредством установления запретов на совершение определенных действий, соответственно, контроль направлен на предупреждение и пресечение нарушений данных запретов.

При тарифном регулировании происходит воздействие на регулируемые отношения при помощи предписаний – устанавливается цена, которую нужно соблюдать. Соответственно контроль направлен на соблюдение уже установленного тарифа. Применительно к этой ситуации регулирование сводится к ограничению свободы усмотрения и фиксации цены в гражданском праве. При антимонопольном регулировании устанавливается, к примеру, ограничение на монополю на низкую или монополю на высокую цену. В рамках установленных пределов усмотрения субъекты свободны устанавливать любую цену. При тарифном регулировании происходит нормативное установление цены, которую нельзя произвольно ни увеличить, ни уменьшить, то есть при тарифном регулировании степень свободы усмотрения в ценообразовании сведена к минимуму.

Тариф представляет собой акт индивидуального применения, согласно которому поставщик соответствующего энергоресурса должен устанавливать договорную цену с потребителями соответствующего ресурса. Сами тарифы разрабатываются органами государственной власти и местного самоуправления в соот-

¹ Камышанский В. П., Ксиропулос С. Г. Правовой режим возобновляемых источников энергии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10-2 (36). С. 76.

² Горланова А. Ю. К вопросу о соотношении тарифного и антимонопольного регулирования // Конкурентное право. 2013. № 3. С. 13-16.

ветствии с методиками расчета цен. Методики в целом направлены на то, чтобы цены на потребляемые услуги были относительно невысокими. Таково общее направление правовой политики. В общем и целом, можно указать, что при тарифном регулировании используется преимущественно затратный метод определения стоимости ресурса. К примеру, в ч. 1 ст. 9 ФЗ «О теплоснабжении» метод экономически-обоснованных затрат выведен на первое место. На этом основаны и принципы ценообразования в указанной сфере. Например, согласно п. 2 ст. 23 ФЗ «Об электроэнергетике», определение экономической обоснованности планируемых (расчетных) себестоимости и прибыли при расчете и утверждении цен (тарифов) выделено в качестве основного принципа и поставлено на первое место среди остальных принципов.

В связи с таким обилием различных нормативных актов, по своему существу содержащих схожие подходы к правовому регулированию цен, тарифов (во всяком случае, методов их установления), весьма целесообразно было бы принятие отдельного федерального закона о тарифном регулировании, который бы установил единые принципы тарифного регулирования, порядок разработки тарифов, а также сферы, в которых они могут или должны применяться.

Регулирование цены при коммунальных услугах по своему существу представляет собой гражданско-правовое отношение оказания услуг, отличное от энергоснабжения. Фактически перечень коммунальных услуг содержится в ч. 4 ст. 154 ЖК РФ, согласно которой «Плата за коммунальные услуги включает в себя плату за холодную воду, горячую воду, электрическую энергию, тепловую энергию, газ, бытовой газ в баллонах, твердое топливо при наличии печного отопления, плату за отведение сточных вод, обращение с твердыми коммунальными отходами, в том числе плату за данные коммунальные услуги, потребляемые при содержании общего имущества в многоквартирном доме в случае непосредственного управления многоквартирным домом собственниками помещений в данном доме».

Исходя из логики названной нормы права, а также предмета правового регулирования к коммунальным услугам, не относящимся к рассмотренным ранее договорам энергоснабжения, можно отнести: коммунальные услуги по поставке бытового газа в баллонах, твердого топлива при наличии печного отопления, услуги по отведению сточных вод, по обращению с твердыми

коммунальными отходами, в том числе плату за данные коммунальные услуги, потребляемые при содержании общего имущества в многоквартирном доме в случае непосредственного управления многоквартирным домом собственниками помещений в данном доме.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 01.08.2014.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 31.01.2016) // СЗ РФ, 03.01.2005, № 1 (часть 1), ст. 14.
3. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ (ред. от 30.12.2015) "Об электроэнергетике" // СЗ РФ. 31.03.2003. № 13. Ст. 1177.
4. Федеральный закон от 27.07.2010 № 190-ФЗ (ред. от 28.11.2015) "О теплоснабжении" // Российская газета. 30.07.2010. № 168.
5. Федеральный закон от 31.03.1999 № 69-ФЗ (ред. от 28.11.2015) "О газоснабжении в Российской Федерации" // СЗ РФ. 05.04.1999. № 14. Ст. 1667.
6. Федеральный закон от 07.12.2011 № 416-ФЗ (ред. от 29.12.2015) "О водоснабжении и водоотведении" // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 08.12.2011.
7. Камышанский В. П., Ксиропулос С. Г. Гражданско-правовые формы государственной поддержки энергоснабжения с использованием возобновляемых источников энергии // Современное право. 2013. № 10. С. 79-82.
8. Блинкова Е. В. Коммунальные услуги: новый порядок и условия оплаты // Юрист. 2004. № 11. С. 38.
9. Гордеев Д. П., Прокофьев В. Ю. Новое регулирование отношений по предоставлению коммунальных услуг // "Жилищное право", 2006. № 8.
10. Горланова А. Ю. К вопросу о соотношении тарифного и антимонопольного регулирования // Конкурентное право. 2013. № 3. С. 13-16.

11. Матиящук С. В. Правовое регулирование платы за жилое помещение // Юрист. 2008. № 9. С. 39.
12. Камышанский В. П., Ксиропулос С. Г. Правовой режим возобновляемых источников энергии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10-2 (36). С. 75-78.
13. Михайлов Д. И. Коммунальные услуги как объект гражданских прав // Новый юридический журнал. 2012. № 4. С. 97 - 106.

М. С. Нестерова

аспирант кафедры гражданского
права ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный аграрный
университет
имени И. Т. Трубилина»
msnesterova@yandex.mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СОВЕРШЕНИЯ СДЕЛОК, СОВЕРШЕННЫХ ОГРАНИЧЕННО ДЕЕСПОСОБНЫМ ЛИЦОМ

FEATURES OF TRANSACTION CONCLUDING BY A RESTRICTED CAPABLE PERSON

В статье автор раскрывает особенности совершения сделок с дееспособным лицом. Проводит анализ действующего законодательства, систематизирует мнения ученых по данному вопросу. Особое внимание автором уделяется вопросам согласия и одобрения сделок с участием ограниченно дееспособных лиц.

В работе предлагаются пути по изменению действующего гражданского законодательства, которые позволят совершенствовать данный правовой институт.

Ключевые слова: Сделка; дееспособность, ограниченно дееспособное лицо; одобрение сделки; согласие на совершение сделки.

The article reveals the peculiarities of transactions with capable person. The author analyzes the current legislation, organizes the scientists' opinion on this issue. Particular attention is paid to the consent and approval of transactions with the participation of persons with reduced mobility. The ways are proposed to change the current civil legislation.

Key words: Transaction; capability; restricted capable person; approval of the transaction; the transaction agreement.

В соответствии с классификацией юридических фактов сделка считается действием, то есть обстоятельством реальной действительности, которое происходит по воле человека, представляет собой волевой акт. В данном случае воля участников направляется на достижение определенного правового результата и составляет его основу. Как утверждает Ойгензихт В. А., «по своей природе внутренняя воля –

субъективное явление, она представляет собой комплексный психический процесс и принадлежит «к внутреннему духовному миру человека». Окружающие могут судить о наличии у субъекта воли определенного содержания исключительно по совершаемым им действиям. Как отмечал И. Б. Новицкий, «с внутренним решением лица, пока оно не получило выражения вовне не могут связываться юридические последствия, так как подобного рода волевые процессы остаются неизвестными для окружающих, и их никто не может принять в соображение своих деловых отношений». Чтобы воля субъекта гражданского оборота приобрела юридическое значение, она должна быть выражена во внешнем мире, оставаясь только внутренней волей лица она не может влиять на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Однако за пределами понятия формы сделки остаются правила, устанавливающие необходимость получения согласия на совершение сделки несовершеннолетним или ограниченно дееспособным лицом, правила о получении согласия на совершение сделки со стороны государственных или муниципальных органов, а также правила об одобрении сделок органами юридического лица или его учредителями.

В данной статье мы рассмотрим особенности одобрения сделок, совершенных ограниченно дееспособными лицами. Дело в том, что в настоящее время дееспособность физического лица, ограничение и лишение его дееспособности является весьма актуальным. В частности, в своей диссертации «Дееспособность физических лиц в российском гражданском праве» О. Б. Орлова приводит примеры дел, рассмотренных в Европейском суде по правам человека ввиду неспособности восстановления лицом собственной дееспособности по личной инициативе, в которых доказывается несовершенство внутреннего законодательства в части регулирования вопросов, связанных с правоспособностью ограниченно дееспособных лиц.

Можем ответить, что ограничение дееспособности лиц, злоупотребляющих спиртными напитками или наркотическими веществами, а также признание гражданина, страдающего расстройством психики, недееспособным являются существенным вмешательством в их правовой статус. Далее, несмотря на явную потребность в четком законодательном регулировании положений о дееспособности, действующее гражданское законодательство не дает точных определений для такого рода правоотношений. Та-

кие меры воздействия на граждан должны осуществляться в интересах членов их семей и в целях защиты имущественных интересов.

Некоторые авторы характеризуют как ограниченную дееспособность у несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет, которая выражается в том, что за гражданином признается право приобретать и реализовывать своими действиями не любые, а только некоторые права и обязанности, прямо предусмотренные законом. Считаем, что это не совсем так, нам представляется, что ограничить можно то, что уже имеется у субъекта права. Если же закон признает за несовершеннолетним дееспособность не в полном объеме, то в этом нельзя усмотреть ограничения, поскольку несовершеннолетний большим объемом дееспособности до этого не обладал.

Поэтому нами и рассматриваются отдельно вопросы о согласии на сделку несовершеннолетнего и согласия на сделку, совершаемую ограниченно дееспособным лицом.

Под ограничением дееспособности следует понимать лишение гражданина права без согласия попечителя осуществлять следующие действия: продавать, дарить, завещать, обменивать, покупать имущество, также совершать и другие сделки по распоряжению имуществом, за исключением мелких, бытовых; непосредственно самому получать заработную плату, пенсию и другие виды доходов; авторский гонорар, вознаграждение за открытия, изобретения, суммы, причитающиеся за выполнение работ по договору подряда, а также пособия и т.п. Такие лица не вправе самостоятельно получать вознаграждения и по договорам комиссии; хранения; поручения; а также распоряжаться ими без согласия попечителя. Согласие попечителей может быть выражено в любой форме (устной или письменной).

Чтобы не страдали интересы участников имущественных отношений, статьей 30 Гражданского кодекса Российской Федерации установлено, что гражданин, ограниченный в дееспособности, несет самостоятельную имущественную ответственность по всем совершенным им сделкам. Сделки, которые совершил ограниченно дееспособный без согласия попечителя, могут быть признаны недействительными.

Гражданин, ограниченный в дееспособности вследствие психического заболевания, ряд сделок может совершать самостоятельно. В частности, речь идет о сделках, предусмотренных под-

пунктами 1 и 4 пункта 2 статьи 26 ГК, к числу которых относятся сделки, вытекающие из права:

1) распоряжаться своими заработком, стипендией и иными доходами;

2) осуществлять права автора произведения науки, литературы или искусства, изобретения или иного охраняемого законом результата своей интеллектуальной деятельности;

3) в соответствии с законом вносить вклады в кредитные учреждения и распоряжаться ими;

4) совершать мелкие бытовые сделки и иные сделки, предусмотренные пунктом 2 статьи 28 ГК (сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации, сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или для свободного распоряжения).

Иные сделки ограниченно дееспособный гражданин совершает с письменного согласия попечителя. Сделка, совершенная таким гражданином, действительна также при ее последующем письменном одобрении его попечителем.

Гражданин, ограниченный судом в дееспособности по указанным выше основаниям, может распоряжаться выплачиваемыми на него алиментами, социальной пенсией, возмещением вреда здоровью и в связи со смертью кормильца и иными предоставляемыми на его содержание выплатами с письменного согласия попечителя, за исключением выплат, которые указаны в подпункте 1 пункта 2 статьи 26 ГК и которыми он вправе распоряжаться самостоятельно.

Такой гражданин вправе распоряжаться указанными выплатами в течение срока, определенного попечителем. Распоряжение указанными выплатами может быть прекращено до истечения данного срока по решению попечителя.

При наличии достаточных оснований суд по ходатайству попечителя либо органа опеки и попечительства может ограничить или лишить такого гражданина права самостоятельно распоряжаться своими доходами, указанными в подпункте 1 пункта 2 статьи 26 ГК.

Законодатель не уточняет, что имеется в виду под достаточными основаниями. Следовательно, речь идет об оценочном понятии. Представляется, что такими основаниями могут быть злоупотребление алкоголем, наркотическими средствами, а также

неразумное расходование денежных средств (мотовство). Однако считаем, что законодателю все же необходимо более детально закрепить основания, по которым лицо может быть ограничено в своей дееспособности.

Следует иметь в виду, что гражданин, дееспособность которого ограничена вследствие психического расстройства, самостоятельно несет имущественную ответственность по сделкам, совершенным им в соответствии с п. 2 ст. 30 ГК. Кроме того, такой гражданин должен самостоятельно возмещать причиненный им вред по общим правилам ГК.

В определенной степени расширены обязанности попечителей, которые в соответствии с п. 2 ст. 33 ГК должны будут оказывать подопечным содействие в осуществлении ими своих прав и исполнении обязанностей, а также охранять их от злоупотреблений со стороны третьих лиц.

Кроме того, опекуны и попечители должны заботиться о развитии (восстановлении) способности гражданина, дееспособность которого ограничена вследствие психического расстройства, или гражданина, признанного недееспособным, понимать значение своих действий или руководить ими (п. 3 ст. 36 ГК). Представляется, что эта норма носит декларативный характер, поскольку непонятно, в чем конкретно должна заключаться эта забота. Кроме того, большая часть психических заболеваний являются неизлечимыми. Поэтому, как мы видим, данное положение не может быть применимо для всех граждан, ограниченных в дееспособности.

В п. 3 ст. 36 ГК появился новый абзац, согласно которому опекуны и попечители исполняют свои функции, учитывая мнение подопечного, а при невозможности его установления – с учетом информации о предпочтениях подопечного, полученной от его родителей, прежних опекунов, иных лиц, оказывавших ему услуги и добросовестно исполнявших свои обязанности.

Это, несомненно, важное положение, поскольку расширяет права подопечных. Можно прийти к выводу, что в тех случаях, когда его мнение не было учтено, подопечный может оспорить действия опекунов и попечителей в суде. Однако следует учитывать, что представлять его интересы должны опекуны как законные представители.

Поставить в тяжелое материальное положение семью можно в результате не только злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами, но и чрезмерного увлечения

азартными играми и систематического в них участия. Причем размер ущерба может быть даже больше. Известно немало случаев, когда из-за болезненного пристрастия к азартным играм люди проигрывали все свое имущество.

В связи с этим вполне правомерным представляется принятие абзаца п. 1 ст. 30 ГК в следующей редакции: «Гражданин, который вследствие пристрастия к азартным играм, злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами ставит свою семью в тяжелое материальное положение, может быть ограничен судом в дееспособности в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством. Над ним устанавливается попечительство».

Вместе с тем следует учитывать, что в дореволюционной России как основания ограничения в дееспособности применялись в законодательстве такие термины, как «мотовство» и «расточительство», которые были более широкими и включали в себя не только пристрастие к карточным и прочим играм на деньги, но и безмерную и разорительную роскошь, излишества при покупках и т.д. Люди, страдающие подобными болезненными пристрастиями, существуют и сейчас, поэтому можно было бы поставить вопрос о включении таких пристрастий в число оснований для ограничения дееспособности. Однако законодатель не пошел по этому пути. Очевидно, это произошло потому, что трудно установить сам факт болезненного пристрастия к расточительности. Можно сказать, что к расточительности склонна достаточно большая часть населения, однако не всегда эти пристрастия можно отнести к болезненным.

Ограниченный в дееспособности гражданин вследствие психического расстройства может выздороветь, и тогда суд отменяет ограничение его дееспособности.

В ГК РФ прямо не предусмотрена возможность ограничения дееспособности на определенный срок. Представляется, что установить такой срок вправе суд в своем решении, с учетом конкретных обстоятельств и выявлением субъективных характеристик личности ограничиваемого в дееспособности человека. Дела об ограничении дееспособности гражданина рассматриваются в порядке особого производства.

Правоприменительная практика показывает, что, как правило, ограничивают в дееспособности лиц, злоупотребляющих спиртными напитками. Достаточно редки случаи ограничений наркозависимых граждан. Отсутствие заявлений в связи с этим

объясняется тем, что практически все наркозависимые граждане не имеют своих семей, проживают с родителями, не имеют постоянного места работы, а соответственно и заработка.

Лица, страдающие психическими заболеваниями, относятся к одной из наиболее социально незащищенных групп населения. Поэтому государство должно обратить особое внимание на защиту их прав и интересов, в том числе и при признании их недееспособными. Гражданский кодекс РФ не предусматривает возможность подачи заявления самим недееспособным лицом о восстановлении в дееспособности. Поэтому мы считаем, что существует необходимость приведения национального законодательства в соответствие с Конвенцией «О защите прав человека и основных свобод» и предоставления возможности гражданам требовать восстановления своей дееспособности. В противном случае могут иметь место злоупотребления со стороны опекунов по распоряжению заработками ограниченно дееспособных лиц.

Представляется интересным научное развитие вопросов, связанных с согласием и одобрением сделок в рамках предложения А.Н. Танаги, который считает необходимым «вести в оборот категорию «сделки с пороками» как родовое наименование оспоримых и ничтожных сделок».

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ с изм. и доп. от 31 января 2016 г. № 133-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2016. № 5. Ст. 559
2. Агарков М. М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву. // Советское государство и право. 1946. № 3-4. С. 40 -46.
3. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. 296 с.
4. Новицкий И. Б. Общее учение об обязательстве / И. Б. Новицкий, Л. А. Лунц. М.: Госюриздат, 1950. 416 с.
5. Ойгензихт В. А. Воля и волеизъявление (Очерки теории, философии и психологии права). Душанбе: Дониш, 1983. 225 с.
6. Орлова О. Б. Дееспособность физических лиц в российском гражданском праве: Автореф. на соиск. канд. юрид. наук. М. 2009.
7. Танага А. Н. Недействительность сделок: концептуальный подход современного законодателя. // Власть закона. 2013. № 4 (16). С. 79-84.

Т. С. Медяков

преподаватель кафедры
государственно-правовых
дисциплин ФКОУ ВО «Пермский
институт ФСИН России»
tmedyakov@yandex.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДВИЖЕНИЯ В ПРАВЕ

MOVEMENT EFFICIENCY IN LAW

Статья посвящена обоснованию нового теоретического понятия эффективность движения (перемещения) в праве. На основе анализа существующих представлений об эффективности норм права, эффективности законодательства, а также эффективности правового воздействия и представления о движении в праве, автор приходит к выводу о необходимости описания эффективности движения (перемещения) в праве. Цель: исследовать различные доктринальные подходы к определению эффективности норм права и обосновывать наличие такой категории, как эффективность движения (перемещения) в праве. Методы: методологическую основу исследования составляет диалектический метод. Кроме того, в статье использованы общенаучные – анализ и синтез, и научно-правовые методы исследования (формально-юридический, сравнительно-правовой, технико-юридический). Результаты: выявлены различные подходы к определению эффективности норм права, отсутствие теоретических исследований в области эффективности движения в праве, приведено авторское определение эффективности движения (перемещения) в праве. Выводы: эффективность движения (перемещения) в праве – это соотношение между заложенными в праве целями правового регулирования и результатом воздействия права, связанного с наиболее качественным и количественным воздействием на преобразование права, использованием правовых норм для регулирования смежных отношений, степенью удовлетворенности интересов и потребностей общества.

Ключевые слова: Эффективность; цель правового регулирования; результат действия права; движение права; эффективность норм права; эффективность законодательства; эффективность воздействия права; эффективность действия права; движение (перемещение) в праве.

The article is devoted to substantiation of new theoretical definition of the effectiveness of the movement in law. Based on the analysis of existing views on the effectiveness of law, the impact of legislation and the effectiveness of legal action and movement in law, the author comes to the conclu-

sion about the necessity of the description of the effectiveness of movement in law. The objective is to explore different doctrinal approaches to determining the effectiveness of law and to justify the existence of such categories as the efficiency of the movement in law. Methods: the methodological basis of research is the dialectical method. In addition, the authors use general scientific methods: analysis and synthesis-and private-scientific methods (formal-legal, comparative legal, technical legal). The results reveal different approaches to determine the effectiveness of law, as well as lack of theoretical research in the field of efficiency of movement in law, and the author's definition of efficiency of movement (move) in law. Conclusions: the efficiency of the movement (displacement) in law is the ratio between laid down in law purposes of legal regulation and the effect of rights associated with the most qualitative and quantitative impact of the transformation law, using legal rules to regulate related relationship, the degree of satisfaction of the interests and needs of community.

Keywords: Efficiency, purpose of legal regulation; the result of law operation; movement of law; effectiveness of legislation; effectiveness of legislation; effectiveness of law; effectiveness of rights; movement (move) of right.

Введение

Жизнь не стоит на месте. Правовые нормы, верно отражавшие общественные потребности, могут устареть, утратить эффективность и даже начать приносить прямой вред. В результате недостаточного учета различных объективных факторов при издании отдельных норм, последние могут не отражать или неполно отражать общественные потребности. Законодательство иногда отстает от развивающихся общественных отношений, своевременно не улавливает необходимость в их развитии и т. д. Чтобы правовые нормы не отставали от требований жизни, правильно отражали происходящие в обществе процессы, опирались на научные прогнозы экономических возможностей, работа по совершенствованию законодательства должна проводиться регулярно и должно основываться на анализе практических результатов прежнего регулирования¹.

В современных реалиях общественной жизни, спустя более двадцати лет с момента образования государства новой формации, изучение эффективности норм права, динамики его формирования, а также правореализационного процесса, имеет все основания стать основным способом изучения действующего законодательства.

¹ Кудрявцев В. Н., Никитинский В. И., Самощенко И. С., Глазырин В. В. Эффективность правовых норм // М.: Юрид. лит. 1980. С. 4.

Процесс ломки советского законодательства подходит к своему логическому завершению во всех отраслях российского права, а вновь созданное российское федеральное и региональное законодательство по мнению ряда авторов характеризуется весьма низким качеством и действует недостаточно эффективно¹. Наблюдается усложнение законодательства и системы нормативных правовых актов, что приводит к возникновению ряда внутрисистемных проблем и негативным качественным изменениям (в частности, к юридическим коллизиям, снижению эффективности законодательной системы, эффективности законов)².

Чтобы создать качественно совершенные и эффективно действующие законы, первоначально необходимо выявить состояние общественных отношений, подлежащих нормативному правовому регулированию и совокупность факторов, обуславливающих такое состояние, а затем уже осуществлять совершенствование действующего законодательства применительно к реалиям общественного бытия.

Длительное использование права исключительно как средства принудительного характера государственного воздействия на людей за время существования советского государства породило негативное отношение к нему, высокий уровень нигилизма в правосознании людей. Попытки законодателей самостоятельно, в отрыве от теоретических разработок, решать проблемы, оказывающие негативное воздействие на общественную жизнь, приводили к негативным последствиям³. Но и теория оказалась не готова предложить практике качественные способы решения существующих проблем.

Цели и задачи исследования эффективности норм права

Любой закон или нормативный правовой акт принимается с заранее определенными правотворческим органом социальными целями, т.е. четко осознанными результатами, которые хотели бы получить орган и субъекты от принятого нормативного правового акта. Конституция РФ закрепляет основные социальные цели, которые ставит перед собой общество и достигает с помощью госу-

¹ Керимов Д. А. Проблемы общей теории права и государства. Том 1. Социология права // М., 2001. С. 115.

² Хабриева Т. Я., Тихомиров Ю. А. Научные концепции развития российского законодательства: монография // М.: ИД Юриспруденция, 2015. С. 33.

³ Мешков Д. Н. Эффективность воздействия права на отношения личности и государства: дисс. канд. юр. наук. С. 4.

дарства. Это формирование правового, социального государства, обеспечение благополучия и процветания страны, целостности и неприкосновенности ее территории, обеспечение правопорядка.

Каждая из целей достигается с помощью федерального законодательства и законов субъектов федерации, подзаконного нормотворчества. Систему правовых целей возможно представить в виде «дерева целей», где частные цели конкретных правовых норм, взаимопереплетаясь, укрупняются и трансформируются в цели правовых институтов, последние – в цели конкретных отраслей законодательства или межотраслевых правовых комплексов и т.д.¹. Структура является подвижной, изменяющейся, в ней происходит постоянное системное движение права, направленное на обеспечение достижения поставленной цели.

Необходимо учитывать, что эффективность отрасли права зависит от эффективности его подотраслей, институтов, субинститутов и конкретной нормы права. Однако не следует абсолютизировать и ставить знак равенства между эффективностью отрасли права и ее элементами. Эффективность всей правовой системы проявляется как общая тенденция в массе отдельных отклонений и не может быть измерена простыми эмпирическими методами.

Задачу изучения эффективности правовых норм нельзя сводить лишь к получению соответствующих качественных характеристик (эффективна, неэффективна). Как правило, для ее решения требуется применение более точных, количественных методов². Вместе с тем, получение даже самых точных данных об эффективности правовых норм не является самоцелью. Такие данные служат лишь исходной предпосылкой для дальнейшего их совершенствования или применения.

Научное исследование, способное существенно углубить знания практики социального действия законодательства, его отдельных нормативных предписаний, не будет плодотворным без изучения эффективности движения (перемещения) в праве.

Методы

Термин «эффективность» происходит от латинского *effectivus*, что переводится как «действенный», «дающий определенный эффект».

¹ Сырых В. М. Социология права // М.: 2004. С. 367.

² Современный словарь иностранных слов. М. 2001. С. 5.

В настоящее время учеными правоведами и практикующими юристами проводятся исследования эффективности норм права¹, эффективности законодательства², эффективности правоприменения³. Отмечается, что исследования подобного рода проводятся весьма редко⁴, с чем мы не можем в полной мере согласиться. При исследовании эмпирического материала, посвященного проблеме эффективности норм права и правоприменения, исследователем выявлено достаточно активная научная деятельность в данной сфере.

Между тем, указанная проблема находилась в центре внимания еще советских ученых в 80–90-х гг. прошлого века и рассматривалась как «очень важный резерв, должное использование которого способно оказать существенное влияние на повышение научной обоснованности руководства со стороны государственных органов социальными процессами»⁵.

Как отмечается, целевая концепция является важным достижением юридической науки⁶. В этой связи в отечественной юридической мысли важное значение приобрело именно целевое определение эффективности правовых норм, понимание категории эффективности как соотношение целей законодателя и реально достигнутых результатов.

Однако, как было замечено еще А. И. Петражицким, «многие виды человеческого поведения по самой природе исключают целевую, касающегося будущего мотивацию, и предполагают непременно мотивацию, исходящую из прошедшего»⁷. Преобладающая масса действий в поведении людей совершается не по причине достижения какой-либо цели, а основывается на челове-

¹ Жинкин С. А. Эффективность права: антропологическое и ценностное измерение: дисс. доктора юрид. наук. // Краснодар. 2009. 41 с.

² Тихомиров Ю. А., Емельянцева В. П., Аюрова А. А. и др. Эффективность законодательства: вопросы теории и практика: Монография. // М.: НИЦ ИНФРА-М, 2016. 336 с.

³ Марина И. Н. Средства повышения эффективности применения норм права: автореферат дис. ... кандидата юрид. наук // Москва, 2009. 24 с.

⁴ Марченко М. Н., Бабурин С. Н. и др. Общая теория государства и права. В 3-х т. 2. 4-е изд., перераб. и доп. // М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. 816 с.

⁵ Кудрявцев В. Н., Никитинский В. И., Самощенко И. С., Глазырин В. В. Эффективность правовых норм // М.: Юрид. лит. 1980. С. 277.

⁶ Жинкин С. А. Эффективность права: антропологическое и ценностное измерение: дисс. доктора юрид. наук. // Краснодар. 2009. С. 42.

⁷ Петражицкий А. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. // СПб.: 2000. С. 33.

ческих эмоциях и переживаниях, возникают спонтанно на основе всевозможных мотиваций.

В абстрактном смысле под эффективностью понималось способность средств содействовать достижению желаемой цели. В ходе таких исследований учеными были предложены схемы и формулы для измерения степени эффективности воздействия правовых предписаний на общественные отношения¹. Однако универсальная методика оценки эффективности действия правовых норм так и не была сформулирована². На современном этапе общественного развития оптимальным представляется комплексный подход к проблеме определения эффективности правового регулирования.

М. Н. Марченко придерживается позиции советских ученых и исходит из того, что дефиниция эффективности норм права связана с целеполаганием: «эффективность норм права понимается как соотношение между фактическим результатом их действия и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты»³. Основным достоинством данного определения является то, что оно рассматривает эффективность в качестве общенаучного понятия, выступающего обобщенным выражением проблемы достижения цели правового воздействия.

При этом цель и содержание норм законодательства, как представляется, не может формулироваться правотворческим органом произвольно, в отрыве от социальной реальности, а формируется под влиянием различных факторов: целей государственной политики, экономических условий, общественного мнения, правосознанием законодателя.

В. М. Баранов, подвергая критике общепризнанное определение, отмечает, что используемое для характеристики эффективности понятие «отношение» вряд ли правильно, поскольку родовым для эффективности является понятие «свойство». Исходя из данного соображения, автор определяет понятие эффективности правовых норм как такое свойство, которое выражает меру ее пригодности своевременно при определенных социальных за-

¹ Самощенко И. С., Никитинский В. И., Венгеров А. Б. Об основах методологии и методики изучения эффективности действия правовых норм // Ученые записки ВНИИСЗ Вып. 25. М., 1971. С. 3-40.

² Гредескул Н. А. Современные вопросы права. Харьков. 1906. С. 11.

³ Марченко М. Н., Бабурин С. Н. и др. Общая теория государства и права. В 3-х т. 2. 4-е изд., перераб. и доп. // М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. С. 116.

тратах обеспечивать достижение конкретного научно обоснованного положительного результата.

А. В. Малько связывает эффективность с реализацией социальной ценности права. По его мнению, эффективность – это степень реализации социальной ценности правовых стимулов и правовых ограничений, как они удовлетворяют интересы людей и упорядочивают общественные отношения.

В правовой литературе обозначалось два основных подхода к пониманию эффективности законодательства. Первый из них традиционно ассоциировал эффективность с мерой (степенью) достижения той цели, которая ставилась перед принятием того или иного законодательного акта.

В данном случае эффективность законодательства связывается с тем итоговым эффектом (результатом), которое оно оказывает на экономические, социальные и иные процессы, происходящие в обществе и государстве. Однако реализация такой модели оценки эффективности законодательства предполагает наличие в законотворческом процессе целеполагающего начала, которое в настоящее время в большинстве случаев отсутствует.

Второй подход к эффективности законодательства тяготеет более к понятию внутреннего «качества» законодательства, когда нормативный правовой акт оценивается как таковой, без итогового воздействия на те или иные процессы в обществе и государстве. Оценке подвергаются такие параметры, как полнота охвата того или иного объекта регулирования, внутренняя непротиворечивость, ясность изложения норм права, общая нацеленность на решение задач развития общества, отсутствие противоречия с другими законодательными актами и др.

Авторы монографии «Эффективность законодательства: вопросы теории и практики» считают необходимым понятие «эффективность законодательства» трактовать более конкретно по сравнению с понятием «эффективность права». В связи с этим ими предпринята попытка дать характеристику эффективности права и законодательства, при этом они выделяют ряд аспектов:

– эффективность права: а) способность права вносить «вклад» в управление процессами в обществе; б) отношение между фактически достигнутым действительным результатом и той целью, для достижения которой были приняты соответствующие правовые нормы;

– эффективность законодательства: а) результирующая или итоговая характеристика его системного действия, свидетель-

ствующая о его способности обеспечивать последовательное решение соответствующих экономических, социальных и иных проблем общества и государства; б) эффективность отрасли и правового института определяется с учетом достижения целей правового и второго уровней и установленных индикаторов; в) эффективность закона определяется путем сопоставления его целей, регуляторов и реальных изменений в регулируемой сфере.

По мнению Д. А. Керимова, понятие эффективности законодательства состоит в качестве его установлений и соответствий результата его реализации тем целям, которые преследовал законодатель¹, а эффективность действия права есть, в сущности, не что иное, как степень реализованности необходимой правовой возможности [8, с. 352].

На основе анализа и обобщения современных представлений об эффективности права, Д. Н. Мешков делает вывод о том, что эффективность воздействия права – это способность права обеспечивать при минимальных затратах достижение заложенных в нем социально-правовых целей, состоящих в программируемых позитивных изменениях регулируемых сфер общественных отношений посредством формирования требуемых (желаемых) для этого моделей поведения их участников².

Как показывает анализ указанных и иных подходов к определению эффективности норм права, законодательства и их воздействия, так или иначе они ориентированы на раскрытие социально полезных свойств действия права, обеспечивающих достижение заложенных в рамках права целей. Соотношение между целью и результатом вовсе не обязательно должно иметь характер числового отношения. Предлагаемое определение указывает на необходимость сравнения (сопоставления) полученного результата с социальной целью.

Следует учитывать, что эффективность правовой нормы – наиболее узкое понятие, характеризующее конкретное свойство действия одной нормы права. Эффективность же различных правовых комплексов – свойство действия не конкретных норм, а их систем.

¹ Кудрявцев В. Н., Никитинский В. И., Самощенко И. С., Глазырин В. В. Эффективность правовых норм // М.: Юрид. лит. 1980. С. 4.

² Мешков Д. Н. Эффективность воздействия права на отношения личности и государства: дисс. канд. юр. наук. С. 77.

Авторы монографии «Эффективность норм права» указывают на то, что внутренние свойства нормы определяют ее возможности в реальном регулировании общественных отношений, то есть о прогнозируемой эффективности. Однако прогнозируемая способность нормы к определенному целенаправленному воздействию на общественные отношения может по различным причинам не превратиться в действительность. В этом случае следует иметь в виду не внутреннее качество правовых решений, а определенное свойство их действия¹.

Кроме того, следует обратить внимание на то, что эффективность правовых норм в значительной мере зависит от качества ее структурных элементов: гипотезы, диспозиции и санкции. Такое понимание проблемы способствует выявлению причин недостаточной эффективности правовых норм и принятию научно обоснованных решений по совершенствованию законодательства. Изменив диспозицию или санкцию правовой нормы, можно повысить эффективность последней и правовой материи в целом. Здесь в частности речь идет о недостаточной эффективности правовой нормы, вызванной нечеткостью ее формулировки либо о пробельности, коллизииности.

Активная научная разработка учеными-правоведами проблем эффективности действия законодательства в советский период в значительной степени была обусловлена пониманием того, что действовавшее в тех условиях законодательство не имело целостного характера, не обеспечивало нормального функционирования общественных, в том числе экономических отношений².

Как представляется, изменение вектора интереса к исследованию эффективности норм права в настоящее время объясняется двумя факторами: переходом на новую парадигму нормативно-правового регулирования общественных отношений в связи с политико-экономическими преобразованиями российского государства и представлениями о том, что подобные исследования требуют массового социологического опроса населения, проведение которого сопряжено с большими финансовыми затратами³.

¹ Кудрявцев В. Н., Никитинский В. И., Самощенко И. С., Глазырин В. В. Эффективность правовых норм // М.: Юрид. лит. 1980. С. 25.

² Тихомиров Ю. А., Емельянов В. П., Аюрова А. А. и др. Эффективность законодательства: вопросы теории и практика: Монография. // М.: НИЦ ИНФРА-М, 2016. С. 21-22.

³ Марченко М. Н., Бабурин С. Н. и др. Общая теория государства и права. В 3-х т. 2. 4-е изд., перераб. и доп. // М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. 816 с.

Согласимся с мнением ученых-правоведов о том, что, к сожалению, практически всегда полученные результаты оказываются менее значимыми, чем они прогнозируются правотворческим органом. Кроме того, различным может быть степень проявления юридической и социальной эффективности одних и тех же правовых норм. Здесь мы встречаемся с ситуацией, когда юридическая эффективность норм оказывается высокой, а социальная – на достаточно низком уровне. С этой позиции эффективность может быть не только позитивной, но и отрицательной, антиэффективной.

Так, внесенные в Жилищный кодекс РФ изменения¹, направленные на возложение обязанности на собственников многоквартирных жилых домов платить в рамках квартплаты взносы на капремонт, оказались законодательно эффективными. Для случаев же неуплаты взносов законодатель предусмотрел упрощенный порядок взыскания долгов и прогрессивную ставку пени за просроченные коммунальные платежи.

Причиной введения сбора стало заявление Правительства РФ о том, что половина многоквартирных домов в стране требует капремонта, а большинство из них находится в собственности граждан. Однако законодательные нормы подверглись серьезной критике со стороны населения из-за непонимания необходимости уплаты дополнительных коммунальных сборов, долгосрочности программы (рассчитана на 25–30 лет) и непрозрачности финансовых операций.

Капитальный ремонт здания производится по мере необходимости, которая может возникнуть спустя десять и более лет. Все это время деньги хранятся в фондах региональных операторов или на специальных банковских счетах, что вызывает у населения некоторые сомнения. Кроме того, конституционность норм пришлось подтверждать в Конституционном суде РФ и Генеральной прокуратуре РФ. В итоге собираемость взносов на капремонт составила чуть больше 70 процентов, а сборы за капремонт в 2015 году составили 97 из запланированных 180 млрд. рублей.

Как полагали авторы теории эффективности, следует признать эффективными те нормы, которые в любой, даже в самой

¹ О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федер. закон от 25.12.2012 № 271-ФЗ // Рос. газета № 301, 28.12.2012.

незначительной степени обеспечивают сближение хотя бы к одной (даже второстепенной) социальной цели. Социально неэффективными признаются те правовые нормы, действие которых по реализации поставленных целей и задач равно нулю: хотя и «работали» (юридическая эффективность), но в итоге не принесли требуемого результата.

Западные правоведы нередко действенность законодательства рассматривали применительно к требованиям юридической техники. Лон Фуллер, известный американский юрист XX века провел исследование ошибок, приводящих к неэффективности законов. Среди них он назвал: 1) неспособность устанавливать какие-либо нормы вообще; 2) недоступность законов для ознакомления с ними населения; 3) злоупотребление законами, имеющими обратную силу; 4) неспособность сделать законы понятными; 5) принятие противоречивых законов; 6) принятие законов, требующих поведения, которое повышает пределы возможностей тех, кто должен их выполнять; 7) столь частое внесение в законы, что лицо не может использовать их для направления своих действий; 8) несоответствие между писаными законами и их фактическим применением.

Серьезной разработке подверглись проблемы эффективности права в советской юридической науке во второй половине XX века. Был издан целый ряд работ: М. П. Лебедева, Д. А. Керимова, А. С. Пиголкина, Ю. А. Тихомирова, в которых затрагивались проблемы юридической (преимущественно законодательной) техники в контексте обеспечения действенности законодательства. Изначально акцент был сделан на отождествлении эффективности норм права с оптимальностью, правильностью и обоснованностью самих норм права. Впоследствии ассоциирование проводилось с результативностью их действия, то есть под эффективностью правовых норм стала пониматься «способность оказывать влияние на общественные отношения в полезном для общества направлении»¹.

Согласимся с результатами современных исследований, что эффективность следует признавать в целокупности всех условий, стоящих перед правовыми нормами. В этой связи проблема эффективности правоприменения также не осталась незатронутой.

¹ Крашенинникова Н. А. История государства и права зарубежных стран. В 2 т. Т. 1. Древний мир и Средние века: Учебник. - 3-е изд., перераб. и доп. // М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2015. С. 39.

Так, В. В. Лазарев отмечал, что «эффективность правоприменительных актов означает их результативность в достижении поставленных перед данными актами целей»¹. В целом, в советской юридической науке по данной проблеме превалировал так называемый целевой подход, подразумевавший соответствие между целями законодателя и реально наступившими результатами².

Иная позиция была представлена другими авторами. По мнению А. С. Пашкова и Л. С. Явич, будет неправильно любой эффект действия норм права смешивать с социальной эффективностью, которая предполагает достижение объективно необходимого и социально полезного результата, который может наступить лишь в случае, когда сама цель нормы правильно отражает объективные закономерности развития общества. В случае неправильного определения цели, ее достижение может не свидетельствовать о социальной эффективности действия правовой нормы. Целевой момент не может быть основным и объективным критерием эффективности нормы права, в противном случае мы можем столкнуться с явно мнимой эффективностью нормы³.

Иные подходы в литературе советского времени были представлены авторами монографии «Эффективность действия правовых норм». Они указывали на то, что нет никаких оснований исключать из анализа эффективности правовых норм те реальные средства и действия субъектов, которые и приводят к достижению того или иного результата. Само действие нормы права ничему в действительности не соответствует. Определить эффективность между целью и результатом проблематично потому, что окончательный результат действия этой нормы на момент исследования никогда неизвестен⁴.

С. А. Жинкин в своем диссертационном исследовании проводит разграничение этимологического значения «эффективности в праве», «эффективности права» и «эффективности норм права»,

¹ Лазарев В. В. Эффективность правоприменительных актов (вопросы теории) // Казань. 1975. С. 52.

² Проблемы эффективности работы управленческих органов. Под ред. Тихомирова Ю. А. // М., 1973. С. 44.

³ Пашков А. С., Явич Л. С. Эффективность действия правовой нормы (к методологии и методике социологического исследования) // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 41.

⁴ Кудрявцев В. Н., Никитинский В. И., Самощенко И. С., Глазырин В. В. Эффективность правовых норм // М.: Юрид. лит. 1980. С. 31-35

указывая на конкретные различия данных понятий. По его мнению, самым широким понятием, связанным с правовыми проблемами эффективности, можно считать понятие «эффективность в праве». Оно охватывает и эффективность права, и эффективность правовой деятельности, как правотворческий, так и правоприменительной. Согласимся с мнением автора, что представляется очевидным отличие эффективности законодательства от эффективности права как формы выражения права.

Однако эффективность законодательства отнюдь не означает эффективность права в регулировании общественных отношений, хотя и связана с ней. Эффективность законодательства складывается из эффективности отдельного нормативного акта и его отдельных положений, которые считаются нормами права и в то же время нормами законодательства, соответствующими или не соответствующими праву и его началам.

С. Ю. Марочкин, исследуя эффективность норм международного права, писал, что норма может устареть, не быть социально ценной, но вместе с тем действовать, пока ее не заменит новая. Вполне возможно, что норма будет достигать своих целей, однако признавать ее социально эффективной вряд ли возможно, поскольку она уже не отвечает интересам прогрессивного развития общественных отношений. Так, Положение о прохождении службы в органах внутренних дел 1992 года является до сих пор действующим и регулирует вопросы прохождения службы в уголовно-исполнительной системе в связи с тем, что нет соответствующего федерального закона. В данном случае нормы Положения достигают цели правового регулирования, однако уже не соответствуют современным условиям службы в уголовно-исполнительной системе и деятельности ФСИН России.

Эффективность законодательства определяется сложным комплексом факторов, характеризующих экономическую, социально-политическую, правовую и иную среду в стране, равно как ее долговременные позитивные (или негативные) изменения. Она проявляется в совершенствовании действующих в государстве законов правотворческим органом, направленном на развитие государства в целом. Однако политика государства по изданию и обеспечению эффективности законодательства может противоречить эффективности права в целом. В мировой истории известны случаи, когда законы принимались исключительно в пропагандистских либо личных целях правящей элиты, что противоречило интересам большинства населения.

Отмечаются и иные критические моменты в вопросе эффективности законодательства. Далеко не все нормативные акты содержат указания на цели своего издания. Более того, порой законодатель сам не может четко сформулировать цель принимаемого закона, средства достижения этих целей и вынужден впоследствии их корректировать.

В правовой литературе критерии эффективности законодательства рассматриваются, как правило, безотносительно к конкретной отрасли законодательства, доминирует неаналитический, а синтетический подход к решению данной проблемы. По мнению исследователей данной сферы научного знания, критерии эффективности должны различаться в зависимости от конкретной отрасли законодательства и уровня правового регулирования тех или иных процессов в государстве.

Необходимо отметить важное замечание о том, что социальная ценность в большей степени характеризует статику объекта, в то время, как эффективность – его динамику. Однако по мере изменения общественных отношений социальная ценность нередко теряет свои первоначальные очертания: то, что на каком-то конкретном этапе исторического развития данного общества было благом, при других условиях порой оказывается своей противоположностью, становится социально ущербным¹.

В случае сопоставления ценности конкретных норм законодательства и их эффективности необходимо учитывать природу немалой части правовых норм, которая носит классовый, корпоративный характер. Являясь ценностью для одних социальных групп, она может ущемлять права других. Деятельность законодателя, направленная на издание общесоциальных норм и призванная устанавливать ценности, обладающие общественной значимостью, нередко разбиваются о «стену» потребностей правящей элиты, олигархии, политических и экономических интересов власти.

Как верно, на наш взгляд, отмечает С. А. Жинкин, эффективность права необходимо рассматривать как успешное «обслуживание» им общественного развития, действенное регулирование социальной жизни и ментальных, психических процессов, сопровождающих социальную жизнь, как обеспечение правом преемственности социокультурных ценностей и вместе с тем социального, духовного, культурного, экономического и иного ди-

¹ Фаткуллин Ф. Н Проблемы теории государства и права. // Казань. 1987 С. 310.

наимизма [7, с. 87]. Исследуя антропологическое и ценностное измерение эффективности права, автор отмечает, что эффективность права означает его динамику в соответствии с человеческой природой, его предназначением.

Мы можем предположить, что эффективность движения в праве органично связана с динамикой развития общества и напрямую зависит от нее.

По нашему мнению, эффективность права неотделима от динамизма, приспособленности права и конкретных норм законодательства к потребностям личности, социальных групп, общества в целом. Оптимальное удовлетворение социально адекватных потребностей в современном динамично развивающемся обществе, на наш взгляд, должно рассматриваться как важный показатель эффективности движения (перемещения) в праве.

Правовая система в целом и ее структурные элементы являются порождениями интеллектуального творчества человека, преломленными через условия его конкретного социального, экономического и иного существования. В этой связи эффективность права неотделима от психологических аспектов, оказывающих влияние на систему потребностей, мотивов, интересов и правовых идеалов человека. Указанные факторы во многом определяют правовое поведение, специфику отношения личности к праву и конкретным нормативным предписаниям. Соответствие конкретных норм правовым идеалам и ожиданиям людей и будет обеспечивать психологическое принятие этих норм, их эффективность.

Не соответствующие правовым идеалам и ожиданиям нормы будут исполняться лишь под угрозой государственного принуждения. Повышению эффективности права будет способствовать работа по формированию и пропаганде социальных ценностей и правовых идеалов.

В целях повышения эффективности правовых норм законодатель приводит право в движение: вносит в позитивное право необходимые изменения, коррективы, уточнения и вновь обращается к проверке их значения и роли в общественной жизни и т. д. В этой диалектической связи процесса творчества правовых норм и их реализации изменяется как правотворческая, так и правореализующая деятельность государства [8, с. 96].

Эффективность движения права обусловлена качеством всех его элементов, поэтому неверно будет сводить эффективность механизма движения в праве только к качеству самой нор-

мы. Задавая ритм всей системе движения права, норма права программирует его на успешность. По верному замечанию В. С. Нерсисянца, в качестве средств движения права выступают формы (правоотношения, субъективные права и обязанности), производные от самого этого должного (содержания нормы права), которые как бы силой самодвижения приводят к правовой реальности.

Эффективность движения (перемещения) в праве напрямую зависит от воздействия права на индивида. Современная постановка проблемы воздействия права имеет давние глубокие корни в предшествующих социально-правовых системах. Уже в период зарождения государственности право использовалось как мощный инструмент управления обществом, подкрепляемый органами, призванными обеспечивать их исполнение.

Способы обеспечения исполнения законов были различными: идеологическое представление о божественном начале правителя и его творений; установление юридических механизмов, создаваемых с целью обеспечения действенности принимаемых установлений. Религиозная идеология, играющая важную роль в поддержании единства того или иного древнего общества, строилась на основе морально-этических, религиозных ценностей, но неизменно отводила особое место «связующему единству» – правителю¹. Так, еще в Древнем царстве (III тысячелетие до н.э.) египетским фараонам присваивали священный титул «Сын бога Солнца». Особое значение имела идеологическая функция ив деспотическом Китае, где государство на протяжении веков прославляло правителя-деспота, поддерживая миф о божественном происхождении императора – «Сына неба». В Древней Индии и в Вавилоне цари также неизменно возвеличивались, их имена ставились рядом с именами богов. В массовом сознании правители надеялись неограниченными возможностями не только в силу сказанного, но и в силу их единоличной роли в поддержании безопасности, правосудия и социальной справедливости в обществе.

Несмотря на определенную жесткость мер и жестокость наказаний за неисполнение закона, необходимо отметить, что это, видимо, было необходимо для сохранения постоянства и динамического равновесия социально-правовой системы, нормального функционирования государственно-правовой системы.

¹ Керимов Д. А. Философские проблемы права // М.: Мысль, 1972. С. 40.

Показательно, что уже на ранних этапах зарождения цивилизации, древние государства придавали важное значение проблеме восприятия закона населением.

Общеизвестно, что для обеспечения эффективного восприятия законодательных актов в древних государствах было принято выставлять изданные законы в общедоступных местах. Способы реализации этого подхода могли быть различными, однако, независимо от специфики таких подходов назначение было единым: выставленные на всеобщее обозрение законы должны были напоминать, что никто не может отговориться незнанием права.

Для средневековой истории права характерно сильное притеснение догматами церкви, действие права было сведено в целом к повиновению. Подавленное репрессивной мощью феодального государства право уступило место насилию и произволу, решения и действия правителей освещались церковью, власть уже не нуждалась в поиске особых механизмов исполнения издаваемых им установлений. Такими были «кровавые» законодательства Западной Европы, Российской Империи.

Проблема движения права в условиях современного российского государства приобрела новую «окраску». Специфика государственно-правовой жизни, отсутствие устойчивых правовых традиций, злоупотребление правом со стороны государственных органов и иные факторы отрицательно сказались на правовой жизни нашего общества.

По нашему мнению, эффективность движения (перемещения) в праве следует рассматривать через категорию эффективности действия права (или воздействия права). Развернутое определение понятия воздействия права впервые было предложено С. С. Алексеевым: «Под воздействием права следует понимать пути и формы влияния права на общественные отношения, а также способы реализации юридических норм в практической деятельности людей и общественных образований»¹. В следующих работах С. С. Алексеева первоначальная позиция была несколько уточнена. Так, был сделан вывод о том, что «в своем единстве правотворчество, правовое воздействие, включающее прежде всего правовое регулирование и реализацию права, дают полную картину социальной жизни, связанную с действием права, его регулятивным и общеидеологическим влиянием на отношения»².

¹ Алексеев С. С. Общая теория социалистического права // М.: 1982. Т. 1. С. 128.

² Алексеев С. С. Проблемы теории государства и права // М.: 1987. С. 239.

Это определение в целом разделяется другими авторами, так или иначе обращавшимися к изучению рассматриваемой проблемы. Под действием права признаются и формы влияния права, и способы осуществления правовых предписаний, и фактические результаты реализации права.

В специальной литературе фундаментальное понятие «воздействие» рассматривается как однопорядковая категории «движение» в том смысле, что они раскрывают суть диалектического понимания материи как закономерно изменяющейся и изменяющей конкретные формы своего бытия. Вместе с тем понятия «движение» и «воздействие» не совпадают по своему содержанию: «категория движения шире, она охватывает не только воздействие, но и противоположность – противодействие»¹.

Понятие «действие» в его философском значении употребляется как «бытие», «функционирование» и т.д. Как отмечается, «воздействие права есть непрерывный процесс сменяющих друг друга правовых действий, рассматриваемая в динамике – от возникновения до воплощения в юридической практике». Однако правовые действия, являясь сущностной характеристикой воздействия права, полностью к нему не сводятся.

Категории «воздействие права» и «действие права» охватываются предельно широкой категорией «движение права», назначение которой – отобразить динамику правового на всех участках социально-правовой действительности: как в сфере правообразования, так и в сфере осуществления права.

Результаты

На наш взгляд, действие права есть результат его движения, то есть активных процессов, происходящих в правовой материи. Право обладает собственными внутренними источниками воздействия на общественную жизнь, социальную деятельность, и с этой точки зрения правомерно вести речь о движении права. В этом смысле право представляет собой концентрированную энергию людей, оказывая реальное организованное воздействие на их поведение и деятельность. На это обратил внимание уже Р. Йеринг. В его понимании «право есть сама общественная энергия, направленная на обеспечение жизненных условий общества

¹ Мешков Д. Н. Эффективность воздействия права на отношения личности и государства: дисс. канд. юр. наук. С. 29.

и закономерно движущаяся через диалектику потребностей, интересов, цели»¹.

Активность права раскрывается через его темп, направленность и интенсивность. Право существует постольку, поскольку оно действует – находится в движении, оказывая воздействие на участников правоотношений, проявляет определенную активность в общественной среде. Как отмечается, «активность права – это сущностное, исходное свойство, внутренний источник его самодвижения и в то же время – интегративная характеристика реальности действия права»².

Движение права на всех участках правового пространства, от нормы к практическим действиям, воплощение сущего – в юридически должное и представляется, по нашему мнению, сущностно-содержательной стороной права, его свойством. Движение права в объективированной форме является совокупным показателем активности права, его социальной силы, характера господства в общественных отношениях.

Эффективность движения (перемещения) в праве тесно связана с категорией воздействия права. В широком смысле воздействие права – это некий социально-правовой «агрегат», который приводит в движение весь механизм права, а в узком смысле – специально-юридическое и общеидеологическое влияние права на поведение людей в целях установления правового режима их функционирования, обеспечения правомерного характера осуществляемой ими деятельности.

В научной литературе делается разграничение категорий воздействия права и реализации права, первая выступает по отношению к последней как более содержательная, т.е. охватывает собой как то, что связано с правореализационными процессами, так и явления правовой действительности, неспецифичные для реализации права.

Воздействие права охватывает своим содержанием реализацию правовых идей, фактических правовых норм, принципов и требований правовой политики, всего того, что составляет потенциал права. Если реализация права начинается там, где есть нормативное предписание, то воздействие права проявляет себя задолго до того, как возникают конкретные установления госу-

¹ Гредескул Н. А. Современные вопросы права. Харьков. 1906. С. 11.

² Мешков Д. Н. Эффективность воздействия права на отношения личности и государства: дисс. канд. юр. наук. С. 36.

дарства. Это связано прежде всего с тем, что в правовой системе возникает движение еще до начала функционирования юридических норм. Право начинает свой путь к движению уже в правообразовательных процессах, при возникновении фактического права.

Как нам представляется, исходя из понимания движения в праве и эффективности правовых норм, возможно дать следующее определение.

Эффективность движения (перемещения) в праве – это способность права наиболее качественно и динамично воздействовать на общественные отношения в процессе правотворчества и реализации норм права для достижения цели правового регулирования.

Таким образом, эффективность движения (перемещения) в праве есть оценочная категория, с помощью которой определяется уровень его функциональности в динамичном состоянии.

Заключение

В настоящее время задачи права и законодательства определяются, прежде всего, необходимостью правового обеспечения позитивных трансформационных процессов, происходящих в обществе, государстве и экономике. Необходим определенный пересмотр представлений об эффективности законодательства, которые следует измерять его вкладом в укрепление правовых начал государственной и общественной жизни, ростом общественного благосостояния, реализацией прав и свобод человека и гражданина¹.

В последние десятилетия сложился качественно более высокий уровень законодательного обеспечения основных аспектов общественной жизни, деятельности органов государства. Но и в настоящее время, к сожалению, отмечается нестабильность многих отраслей законодательства, невысокое правовое качество законов, их неадекватность к быстро меняющимся экономическим и социальным реалиям.

Ситуация с эффективностью законодательства усугубляется еще и тем, что у власти нет продуманной программы и обосно-

¹ Тихомиров Ю. А., Емельянцев В. П., Аюрова А. А. и др. Эффективность законодательства: вопросы теории и практика: Монография. // М.: НИЦ ИНФРА-М, 2016. С. 30.

ванной концепции проводимых в государстве реформ, представления о долговременных целях и социально-экономических параметрах развития страны.

В современных реалиях общественного бытия, когда ритм человеческой жизни ускоряется с каждым годом, а информатизация общества и развитие научно-технического прогресса заставляет индивида быть в постоянном движении, принимать все более активное участие в социуме, необходимо развивать новые подходы к праву, как способу опережающего воздействия на общественные и иные процессы.

Как отмечается, в процессе совершенствования механизмов достижения и измерения эффективности закона, требуется использование таких новых способов формирования правового воздействия, как юридические прогнозы, оценка регулирующего воздействия, программы и планы, диагностика правовых рисков, правовой эксперимент, мониторинг, рейтингование. Такие оценочные критерии помогают выявить уровни и показатели эффективности законодательства в целом и его отраслей. Кроме того, при оценке эффективности следует учитывать динамику регулируемых сфер и смену правовых регуляторов в условиях непрекращающихся реформ, политических и экономических кризисов.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Общая теория социалистического права // М.: 1982. Т. 1. 361 с.
 2. Алексеев С. С. Проблемы теории государства и права // М.: 1987. 448 с.
 3. Газета «Коммерсантъ» № 220 от 28.11.2015. С. 2.
 4. Глазкова М. Е., Нанба С.Б. Оценка эффективности действия нормативных правовых актов: современные подходы // Журнал российского права. 2011. № 9. С. 73-80.
 5. Гредескул Н. А. Современные вопросы права. Харьков. 1906. 53 с.
 6. Жинкин С. А. Эффективность права: антропологическое и ценностное измерение: дисс. доктора юрид. наук. // Краснодар. 2009. 41 с.
 7. Крашенинникова Н. А. История государства и права зарубежных стран. В 2 т. Т. 1. Древний мир и Средние века: Учебник. - 3-е изд., перераб. и доп. // М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2015. 719 с.
 8. Керимов Д. А. Философские проблемы права // М.: Мысль, 1972. 472 с.
-
-

9. Керимов Д. А. Проблемы общей теории права и государства. Том 1. Социология права // М., 2001. 265 с.
 10. Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В. В. Эффективность правовых норм // М.: Юрид. лит. 1980. 280 с.
 11. Лазарев В. В. Эффективность правоприменительных актов (вопросы теории) // Казань. 1975. 207 с.
 12. Марочкин С. Ю. Проблема эффективности норм международного права. // Иркутск. 1988. 147 с.
 13. Марченко М. Н., Бабурин С. Н. и др. Общая теория государства и права. В 3-х т. 2. 4-е изд., перераб. и доп. // М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. 816 с.
 14. Марченко М. Н. Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах Том 2. // М. 1998. 622 с.
 15. Мешков Д. Н. Эффективность воздействия права на отношения личности и государства: дис. канд. юрид. наук. 167 с.
 16. Мешков Д. Н. Эффективность воздействия права на отношения личности и государства: автореферат дис. ... канд. юрид. наук // Владимир. 2007 21 с.
 17. Нерсисянц В. С. Право и закон. // М., 1983. 366 с.
 18. Пашков А. С., Явич Л. С. Эффективность действия правовой нормы (к методологии и методике социологического исследования) // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 40-48.
 19. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. //СПб.: 2000. 608 с.
 20. Проблемы юридической техники. Сб. ст. под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. 823 с.
 21. *Российская газета* – Федер. выпуск № 6920 (52). 13.03.2016. С. 2.
 22. Самощенко И. С., Никитинский В. И., Венгеров А. Б. Об основах методологии и методики изучения эффективности действия правовых норм // Ученые записки ВНИИСЗ Вып. 25. М., 1971. С. 3-40.
 23. Современный словарь иностранных слов. М. 2001. 740 с.
 24. Сырых В. М. Социология права // М.: 2004. 470 с.
 25. Тихомиров Ю. А., Емельянцева В. П., Аюрова А. А. *и др.* Эффективность законодательства: вопросы теории и практика: Монография. // М.: НИЦ ИНФРА-М, 2016. 336 с.
 26. Фаткуллин Ф. Н Проблемы теории государства и права. // Казань. 1987 336 с.
 27. Фуллер Л. Мораль права // М.: 2007. 306 с.
-
-

28. *Хабриева Т. Я., Тихомиров Ю. А.* Научные концепции развития российского законодательства: монография // М.: ИД Юриспруденция, 2015. 544 с.

29. *Швецов С. Б.* Эффективность правоприменительной деятельности: дис. ... кандидата юр. наук // Санкт-Петербург, 2004. 156 с.

30. *Марина И. Н.* Средства повышения эффективности применения норм права: автореферат дис. ... кандидата юр. наук // Москва, 2009. 24 с.

31. *Эффективность действия правовых норм.* // Ленинград. 1977. С. 31.

32. *Проблемы эффективности работы управленческих органов.* Под ред. Тихомирова Ю. А. // М., 1973. 439 с.

И. В. Шайдулов

аспирант кафедры гражданского
права ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный аграрный
университет
имени И. Т. Трубилина»
shaydurovilya@yandex.ru

**ПРИНОСЯЩАЯ ДОХОД ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ****THE BRING IN INCOME
ACTIVITY IN RUSSIAN CIVIL LAW**

В настоящей статье автор, проведя сравнительный анализ предпринимательской и приносящей доход деятельности, приходит к выводу о правомерности распространения положений законодательства о предпринимательской деятельности на лиц, осуществляющих приносящую доход деятельность, только в том случае, если последняя содержит в себе легальные признаки предпринимательской деятельности, указанные в статье 2 ГК РФ.

Ключевые слова: Некоммерческие организации; приносящая доход деятельность; предпринимательская деятельность; целевой капитал; договор пожертвования.

In this article the author, having carried out the comparative analysis entrepreneurial and revenue-producing activities comes to a conclusion about legitimacy of distribution of provisions of the legislation on business activity on the persons performing the activities bringing the income only if the last comprises the legal signs of business activity specified in article 2 Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: Non-profit organizations; revenue-producing activities; business activity; target equity; agreement of a donation.

Реформирование Гражданского кодекса РФ в части закрепления правового статуса юридических лиц (в том числе некоммерческих организаций) вызвало в теории и практике неоднозначные оценки некоторых новых понятий и формулировок применительно к их деятельности. Так, до сих пор широко обсуждается в юридической литературе закрепленное в ст. 50 ГК РФ понятие «приносящая доход деятельность некоммер-

ческих организаций». Некоторые авторы полагают, что приносящая доход деятельность некоммерческих организаций, по своей сути, является предпринимательской¹. Другие ученые считают эту деятельность близкой к предпринимательской². Есть также точка зрения, согласно которой приносящая доход деятельность, по своему содержанию является более широким понятием, нежели предпринимательская деятельность³. Заметим, что сам законодатель, несмотря на то, что вводит общее правило о возможности осуществления некоммерческими организациями только приносящей доход деятельности (ст. 50 ГК РФ), тем не менее в отношении автономной некоммерческой организации закрепляет возможность осуществления ею исключительно предпринимательской деятельности (п. 5 ст. 123.24 ГК РФ). Сказанное неизбежно порождает вопрос о соотношении понятий, признаков предпринимательской и приносящей доход деятельности.

Гражданский кодекс РФ, впрочем, как и другие федеральные законы, не дает определения приносящей доход деятельности. Однако в отношении предпринимательской деятельности законодатель сформулировал присущие ей признаки в статье 2 Гражданского кодекса РФ: самостоятельность осуществления; рисковый характер; направленность на систематическое получение прибыли. При этом, систематичность и постоянство предпринимательской деятельности, являются квалифицирующими признаками ее легального определения⁴.

Приносящей доход деятельности также присущ признак самостоятельности ее осуществления⁵. Самостоятельность обусловлена принципами недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимостью беспрепятственного осуществления гражданских прав и свободой заключения догово-

¹ Гросул Ю. В. О праве некоммерческих организаций на занятие предпринимательской деятельностью // Предпринимательское право. Приложение "Бизнес и право в России и за рубежом". 2013. N 3. С. 18.

² Лаптев В. В. Субъекты предпринимательского права. М., 2003. С. 22.

³ Звездина Т. М. К вопросу о соотношении понятий предпринимательской и приносящей доход деятельности некоммерческих организаций // Бизнес, менеджмент и право. 2014. N 2. С. 75.

⁴ Предпринимательское право Российской Федерации: учебник / отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 31

⁵ См.: Гросул Ю. В. "Приносящая доход деятельность" и "предпринимательская деятельность некоммерческих организаций": проблемы понятийного аппарата // Юрист. 2015. N 10. С. 13.

ра. Лицо, осуществляющее приносящую доход деятельность, наделено правом самостоятельно выбирать конкретный вид экономической деятельности (производство и продажа товаров, выполнение работ, услуг и т.д.), и определять общую стратегию ведения дел. Приносящая доход деятельность носит рисковый характер, на что обращали внимание исследователи¹. Риск проявляется в потенциальной возможности наступления неблагоприятных имущественных последствий от действий лица, осуществляющего приносящую доход деятельность и участвующего в коммерческом обороте. Что же касается направленности на получение прибыли, то, по мнению Т. В. Сойфер, приносящая доход деятельность изначально не может обладать подобным признаком, поскольку она связана с решением каких-либо общественно значимых вопросов². Такой вывод автор делает исходя из разницы экономической сути понятий «прибыль» и «доход». Как отмечает ученая, приносящая доход деятельность может не только не приносить прибыль, но и в итоге иметь убыточный характер для осуществляющего ее лица. В целом, соглашаясь с позицией ученой, тем не менее следует отметить, что направленность предпринимательской деятельности на систематическое получение прибыли не означает, что та или иная деятельность только при получении прибыли в результате ее осуществления будет признаваться предпринимательской со всеми вытекающими отсюда последствиями. То есть осуществление предпринимательской деятельности может иметь также убыточный характер. Таким образом, в результате осуществления как предпринимательской, так и приносящей доход деятельности у субъекта, который осуществляет данные виды деятельности, могут быть в итоге как прибыль, так и убытки. Кроме того, в законодательстве нет ограничения на получение прибыли субъектами, осуществляющими приносящую доход деятельность³.

В юридической литературе предлагается проводить различия между предпринимательской и приносящей доход деятельно-

¹ Лескова Ю. Г. Предпринимательская и приносящая доход деятельность некоммерческих организаций // *Цивилист*. 2009. № 2. С. 30.

² Сойфер Т. В. Экономическая деятельность некоммерческих организаций и ее гражданско-правовое обеспечение // *Журнал российского права*. 2016. № 1. С. 29.

³ Ч.1 статьи 50 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.10.2016).

стью по признакам социальной направленности последней¹. На наш взгляд, указанный критерий для разграничения названных видов деятельности вряд ли может быть обозначен как определяющий и позволяющий четко их разграничить. Как отмечал А. Г. Быков, «государство, коль скоро оно провозглашено Конституцией Российской Федерации как социальное, имеет право и обязано возложить на предпринимательскую деятельность (базовую и единственно пока выработанную современной цивилизацией общественную форму организации экономической деятельности по производству и реализации товарного продукта) социальные функции и решение социальных задач. По существу это означает, что наряду с экономической составляющей предпринимательской деятельности имеет место и социальная составляющая»². В настоящее время многие современные ученые поддерживают точку зрения о социальной направленности предпринимательской деятельности и приходят к выводу о необходимости закрепления положений о направленности предпринимательства на достижение социальных результатов в законодательстве³. Таким образом, социальная направленность присуща не только приносящей доход деятельности, но и предпринимательской деятельности. Кроме того, коммерческие организации могут ставить перед собой не только коммерческие цели, но также и социальные⁴.

Таким образом, ни социальная направленность, ни легальные признаки предпринимательской деятельности, не позволяют провести четкое разграничение между этими понятиями. Представляется, что приносящая доход деятельность так же, как и предпринимательская, может обладать в большей или меньшей мере всеми указанными признаками. Однако это не означает, что приносящая доход деятельность может исключать указанные признаки (за исключением социальной направленности). Это возможно в случае несистематичности ее осуществления и, как след-

¹ Ахметьянова З. А. Статья: О доходах учреждений и их правовом режиме // "Финансовое право", 2008, N 3. С. 15.

² А. Г. Быков: Человек, Ученый, Учитель / Отв. ред.: Губин Е. П. - М.: Стартап, 2013. С. 76-77.

³ Гришина Я. С. Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2016. С. 69.

⁴ Лескова Ю. Г. Особенности правового статуса отдельных видов некоммерческих организаций (на примере саморегулируемых организаций, микрофинансовых организаций) // Право и экономика. 2011. N 1. С. 22.

стве, однократного получения дохода некоммерческой организацией. Следует также согласиться с точкой зрения, согласно которой к приносящей доход деятельности относятся также случаи получения дохода в результате заключения договора пожертвования¹. Получение дохода может быть также обусловлено формированием и использованием некоммерческой организацией (касается только фонда, автономной некоммерческой организации, общественной организации, общественного фонда или религиозной организации) целевого капитала (Федеральный закон от 30.12.2006 N 275-ФЗ (ред. от 23.07.2013) "О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций" – далее «Федеральный закон № 275-ФЗ»). Целевой капитал некоммерческой организации (который также именуют «Эндаументом», от английского англ. «endowment» – дар; вклад; пожертвование) – часть имущества некоммерческой организации, которая формируется и пополняется за счет пожертвований и (или) за счет имущества, полученного по завещанию, а также за счет неиспользованного дохода от доверительного управления указанным имуществом и передана некоммерческой организацией в доверительное управление управляющей компании в целях получения **дохода**, используемого для **финансирования уставной деятельности** такой некоммерческой организации или иных некоммерческих организаций. При этом под доходом от доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал, в Федеральном законе № 275-ФЗ понимается сумма, определяемая как увеличение стоимости чистых активов в результате доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал за отчетный период².

На наш взгляд, получение дохода от целевого капитала следует также квалифицировать как опосредованную приносящую доход деятельность, поскольку некоммерческая организация в данном случае не осуществляет эту деятельность самостоятельно, не рискует своим имуществом в обороте, но получает доход от использования целевого капитала, который она расходует на до-

¹ Салина Л. Пожертвования казенному учреждению от физических и юридических лиц // Казенные учреждения: бухгалтерский учет и налогообложение. 2012. N 10. С. 28.

² Ч. 3 статьи 2 Федерального закона от 30.12.2006 N 275-ФЗ (ред. от 23.07.2013) "О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций".

стижение некоммерческой цели, закрепленной в уставе этой некоммерческой организации.

Следовательно, приносящая доход деятельность, на наш взгляд, может быть двух видов: приносящая доход деятельность, обладающая признаками предпринимательской деятельности, и приносящая доход деятельность, исключающая их наличие.

К сожалению, ни законодатель, ни судебная практика не учитывают различную правовую природу и сущность этих двух видов приносящей доход деятельности. Так, в пункте 1 статьи 426 ГК РФ указывается, что лицо, осуществляющее предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, не вправе оказывать предпочтение одному лицу перед другим лицом в отношении заключения публичного договора, за исключением случаев, предусмотренных законом или иными правовыми актами. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" (Далее – «Постановление Пленума ВС РФ «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации») обозначена следующая позиция, что на некоммерческие организации, осуществляющие приносящую доход деятельность, «распространяются положения законодательства, применимые к лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность (пункт 1 статьи 2, пункт 1 статьи 6 ГК РФ)». Тем самым законодатель и Верховный Суд РФ приравнивали правовой статус предпринимателя и правовой статус субъекта приносящей доход деятельности. Подобное вполне справедливо в тех случаях, если некоммерческие организации занимаются приносящей доход деятельностью, которая отвечает признакам, сформулированным в статье 2 ГК РФ. Однако применять правила ст. 426 ГК РФ и правила, сформулированные Постановлением Пленума ВС РФ «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» в отношении лиц, осуществляющих приносящую доход деятельность, не отвечающую признакам предпринимательской деятельности, указанным в ст. 2 ГК РФ, не являющихся постоянными участниками гражданского оборота в соответствующей области, не обладающих определенными знаниями и навыками для ее осуществления, представляется вряд ли правильным. В этой связи считаем также несправедливым распространение действия норм о безвиновной ответственности предпринимателей (ст. 401

ГК РФ) на лиц, осуществляющих приносящую доход деятельность, если такая деятельность не содержит легальных признаков предпринимательской деятельности, закрепленных в статье 2 ГК РФ.

Итак, проанализировав понятие и признаки предпринимательской и приносящей доход деятельности, мы пришли к выводу о целесообразности выделения двух видов приносящей доход деятельности. Первый вид приносящей доход деятельности может обладать признаками предпринимательской деятельности, сформулированными в статье 2 ГК РФ (самостоятельность осуществления; рисковый характер; направленность на систематическое получение прибыли). Ко второму виду приносящей доход деятельности относятся: во-первых, случаи получения несистематического дохода; во-вторых, заключение договора пожертвования; в-третьих, получение дохода от целевого капитала. Полагаем, что законодательство, регулирующее приносящую доход деятельность, нуждается в совершенствовании, ибо неопределенность законодательства и его запутанность порождают многочисленные коллизии и проблемы в правоприменительной деятельности.

Библиографический список

1. *Лаптев В. В.* Субъекты предпринимательского права. М. 2003. 236 с.
2. Предпринимательское право Российской Федерации: учебник / отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 1008 с.
3. А. Г. Быков: Человек, Ученый, Учитель / Отв. ред.: Губин Е. П. - М.: Стартап, 2013. 416 с.
4. *Гришина Я. С.* Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2016. 505 с.
5. *Гросул Ю. В.* О праве некоммерческих организаций на занятие предпринимательской деятельностью // Предпринимательское право. Приложение "Бизнес и право в России и за рубежом". 2013. N 3. С. 16-18.
6. *Звездина Т. М.* К вопросу о соотношении понятий предпринимательской и приносящей доход деятельности некоммерческих организаций // Бизнес, менеджмент и право. 2014. № 2. С. 72-75.

7. *Гросул Ю. В.* "Приносящая доход деятельность" и "предпринимательская деятельность некоммерческих организаций": проблемы понятийного аппарата // Юрист. 2015. № 10. С. 13-16.
8. *Лескова Ю. Г.* Предпринимательская и приносящая доход деятельность некоммерческих организаций // Цивилист. 2009. № 2. С. 27-30.
9. *Сойфер Т. В.* Экономическая деятельность некоммерческих организаций и ее гражданско-правовое обеспечение // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 22-30.
10. *Ахметьянова З. А.* Статья: О доходах учреждений и их правовом режиме // "Финансовое право", 2008. № 3. С. 15-18.
11. *Лескова Ю. Г.* Особенности правового статуса отдельных видов некоммерческих организаций (на примере саморегулируемых организаций, микрофинансовых организаций) // Право и экономика. 2011. № 1. С. 22-26.
12. *Салина Л.* Пожертвования казенному учреждению от физических и юридических лиц // Казенные учреждения: бухгалтерский учет и налогообложение. 2012. № 10. С. 28-33.

А. С. Чемеричко

судья Октябрьского районного
суда г. Краснодара,
соискатель по кафедре граж-
данского права ФГБОУ ВО «Ку-
банский государственный
аграрный университет
имени И. Т. Трубилина»
chemerich@rambler.ru

**ОСОБЕННОСТИ ИМУЩЕСТВЕННЫХ
ПРАВООТНОШЕНИЙ С УЧАСТИЕМ ОРГАНОВ
ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ
ОБРАЗОВАНИЙ**

**FEATURES OF PROPERTY RIGHT RELATIONS
WITH PARTICIPATION OF PUBLIC AUTHORITIES
AND PUBLIC LEGAL ENTITIES**

В статье рассматриваются особенности возникновения и осуществления имущественных правоотношений с участием органов публичной власти и органов публично-правовых образований. Обосновывается вывод о том, что специфика динамики правоотношений с участием публично-правовых образований проявляется в зависимости от конкретной разновидности правоотношений. Анализ динамики правоотношений требует изучения конкретных юридических фактов, выступающих предпосылками возникновения, изменения или прекращения гражданских правоотношений с участием публично-правовых образований. Правоотношение с участием публичного образования и третьего лица характеризуется тем, что его предпосылками выступают, с одной стороны, публичный интерес, с другой стороны, частный интерес.

Ключевые слова: Органы публичной власти; публично-правовые образования; имущественные правоотношения; субъекты гражданского права; юридические лица; правосубъектность; юридические факты; содержание гражданского правоотношения.

The article discusses the features of emergence and implementation of property relations with the participation of public authorities and public legal entities. The conclusion is that the specifics of dynamics of relationships involving public legal entities is shown depending on the specific variety of legal relations. The analysis of dynamics of relationship requires the

study of specific legal facts, a precondition of occurrence, change or termination of civil relations involving public legal entities. Legal relationship with public entity and the third party is characterized by the fact that its premises are on the one hand public interest on the other hand private interest.

Keywords: public authorities; public legal entity; property relations; subjects of civil law; legal persons; legal personality; legal facts; the content of civil legal relations

Правоотношения, возникающие при опосредованном и непосредственном участии публичных образований в гражданском обороте имеют определенные особенности. Непосредственное участия предполагается в том случае, когда органы публичной власти неправосубъектны, отсюда вытекает невозможность гражданских правоотношений между органом публичного образования и публичным образованием. Орган публичного образования в этом случае выступает неотъемлемой частью публичного образования. При квалификации отсутствия гражданских правоотношений, нужно отметить, речь идет только о гражданских правоотношениях, а не о полном отсутствии правоотношений. Орган публичной власти всегда является субъектом административных правоотношений, находится в цепочки отношений власти и подчинения. По своему существу административные отношения органа публичной власти и публичного образования очень схожи с корпоративными отношениями. Их условно можно назвать «квазикорпоративными», они имеют все внутреннее сходство, однако по формальным внешним признакам относятся к предмету административного права. В гражданском праве такие отношения не проявляются никаким образом; единственное возможное проявление таких отношений – в распределении правоспособности и дееспособности: правоспособность признается принадлежащей самому публичному образованию, а дееспособность публичного образования, условно говоря, «переносится» на орган, не являющийся субъектом гражданского права.

Другая ситуация складывается в том случае, когда публичное образование участвует в гражданских правоотношениях опосредованно через органы публичной власти, признаваемые юридическими лицами, и через юридические лица, создаваемые публичным образованием. В этом случае публичное образование распределяет между такими субъектами полномочия (компетенцию). Такая «передача» компетенции прямо указывается в за-

коне, в частности, в п. 3 ст. 125 ГК РФ. В п. 3 ст. 125 ГК РФ речь идет о специальном поручении, выданном различным субъектам гражданского права. Такая выдача специального поручения по своему существу является юридическим фактом, порождающим отношения представительства.

Не нужно дополнительно доказывать того, что ГК РФ ничего не говорит об отношениях публичного образования, если оно участвует в них посредством правосубъектного органа публичной власти. Это очевидно, поскольку о таких органах сам ГК РФ не упоминает.

Тем не менее отсутствие законодательного регулирования не означает отсутствие правоотношений как таковых. Природа таких отношений также должна квалифицироваться как отношения представительства.

Причем в любом случае при самом установлении таких отношений от имени представляемого публичного образования будет действовать неправосубъектный орган публичной власти. Условно названные «квазикорпоративные» отношения в любом случае будут первичными, поскольку для самого существования опосредованных отношений, квалифицированных нами как отношения представительства, требуется наличие отношений непосредственных.

Отношения представительства представляют собой организационные отношения одностороннего характера. У публично-го образования имеется обязанность предоставить (передать) определенный объем прав для отношений с третьими лицами, а у юридического (или физического) лица представителя имеется право требовать предоставления определенного объема прав для отношений с третьими лицами.

Такое понимание допустимо, если понимать правоспособность как совокупный объем всех прав, принадлежащий определенному субъекту. При этом нужно учитывать, что этот объем не исчезает у самого публичного образования, передаются разовые возможности реализации конкретных субъективных прав и обязанностей, то есть, образно говоря, происходит правовое явление, схожее по своему существу с дееспособностью.

В случае, если понимать правоспособность как предпосылку участия в правоотношениях, то также происходит надделение возможностью реализации отдельных прав и обязанностей конкретного правосубъектного образования. На этот счет в науке гражданского права имеется понятие правонаделения. О. Г. Ло-

мидзе указывает, что существует особая разновидность правонаделения, не предполагающая отчуждение прав у лица, – первичного обладателя субъективного права¹.

Думается, что допустимо распространить подобное «наделение» в отношении правоспособности: происходит *наделение* определенным объемом правоспособности (предпосылки участия в правоотношении), а именно целевой правоспособностью, юридическое или физическое лицо, или орган публичного образования, действующий в статусе юридического лица.

Рассмотренное выше касается так называемых внутренних отношений, между публичным образованием и установлениями (правосубъектными или неправосубъектными), при помощи которых государство может выступать в отношениях с третьими лицами.

Суть данной группы отношений состоит в том, что они объединены единым публичным интересом. Данный публичный интерес представляет собой совокупное явление, служащее предпосылкой возможных гражданских правоотношений. Технически перед каждым гражданским правоотношением у каждого субъекта имеется свой собственный частный интерес, что может приводить к выводу о том, что у публично-правового образования также имеется частный интерес. Однако по существу этот интерес является лишь частным выражением публичного интереса. В идеальной структуре любое правоотношение с участием публичного образования является правоотношением с публичным интересом. Рассмотренные внутренние отношения, в частности, опосредованные, объединены между собой тем, что у противостоящих субъектов имеется один и тот же интерес. Правоотношение служит средством достижения единого интереса.

Другое дело отношения публичного образования с третьими лицами. Такое отношение представляет собой типичное гражданское правоотношение, в котором имеется свой собственный интерес у каждого субъекта. Такие правоотношения не отличаются по своему существу от правоотношений, в которых публичное образование не участвует. Правоотношение публичного образования с третьими лицами, будь то опосредованное или непосредственное правоотношение, характеризуется тем, что предпосыл-

¹ Ломидзе Ольга Георгиевна. Правонаделение в гражданском законодательстве России: Дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03: Ростов н/Д, 2003 409 с. РГБ ОД, 71:04-12/54 – С. 10

ками выступают, с одной стороны, частный интерес, с другой стороны, публичный интерес.

Соответственно выводом и, в свою очередь, отличительной чертой участия публично-правового образования в гражданских правоотношениях будет являться то, что предпосылкой возникновения гражданских правоотношений для публичного образования будет публичный интерес, а предпосылкой участия третьего лица в таких отношениях будет частный интерес.

Именно по этой причине не будет неверным указывать на то, что публичные образования и органы публичной власти, признанные юридическими лицами, могут иметь лишь имущественные права и участвовать в имущественных правоотношениях, за исключением неимущественных прав, принадлежащих юридическим лицам, которые прямо будут указаны в законе, в частности, корпоративных правоотношениях, а также правоотношениях представительства.

Что касается имущественных правоотношений, то здесь действует обратный по сравнению с неимущественными правами принцип: дозволено то, что не запрещено. Публичное образование и орган публичной власти (юридическое лицо публичного права) может обладать всеми имущественными правами, за исключением тех, которые не будут запрещены для данной разновидности юридического лица публичного права. К примеру, орган публичной власти, будучи приравненным к учреждениям, наделенными правами оперативного управления в отношении имущества, закрепленного за ними, не может распоряжаться имуществом по своему внутреннему усмотрению, имея право лишь на целевое распоряжение имуществом. Целевая правоспособность, назначение права, а также целевой характер имущества являются примерами таких ограничений и запрещений.

Что касается самого содержания имущественных правоотношений, то этот вопрос напрямую зависит от вида правоотношений и будет подробно рассмотрен во второй главе диссертационного исследования. Здесь следует отметить, что, как и во всяком другом правоотношении, содержанием правоотношения распадается на юридическое и общественное содержание.

Юридическое содержание можно отождествить с самим правоотношением. Юридическое содержание представляет собой права и обязанности участников правоотношения. По своей сути правоотношение законодательно выражается именно через содержание, причем путем указания лишь на один элемент юриди-

ческого содержания, то есть либо на право, либо на обязанность участника (участников). Законодатель говорит либо о правах (например, вещные права, исключительные права), либо об обязанностях (например, любые виды обязательств), но суть остается та же самая – речь идет о правоотношениях. Указывая на тот или иной элемента содержания (право или обязанность), закон указывает на содержание правоотношения¹.

Участие публичных образований в гражданских правоотношениях никаким образом не влияет на данный законодательный принцип. Что касается динамики правоотношений, то здесь также специфика проявляется в зависимости от конкретной разновидности правоотношений. Изучение динамики правоотношений требует изучения конкретных юридических фактов, выступающих предпосылками возникновения, изменения или прекращения гражданских правоотношений. Юридические факты напрямую зависят от самих правоотношений и от гипотез правовых норм, что весьма убедительно раскрыто в монографии В. Б. Исакова². Таким образом рассматривать динамику правоотношений следует также применительно к конкретным видам правоотношений, рассмотрению которых посвящается глава вторая диссертационного исследования.

Библиографический список

1. *Исаков В. Б.* Юридические факты в советском праве. М., Юридическая литература. 1984.
2. *Камышанский В. П., Карнушин В. Е.* Гражданское правоотношение: социально-психологический аспект. М.: Статут, 2016.
3. *Ломидзе О. Г.* Правонаделение в гражданском законодательстве России: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03: Ростов н/Д, 2003 409 с. РГБ ОД, 71:04-12/54.

¹ См.: Камышанский В. П., Карнушин В. Е. Гражданское правоотношение: социально-психологический аспект. М.: Статут, 2016. С. 12.

² См.: В. Б. Исаков. Юридические факты в советском праве. М., Юридическая литература. 1984. С. 144.

Раздел

Критика и рецензии

В. П. Камышанский
 заведующий кафедрой
 гражданского права ФГБОУ ВО
 «Кубанский государственный
 аграрный университет
 имени И. Т. Трубилина», директор
 АНО «Научно-исследовательский
 институт актуальных проблем
 современного права»
 доктор юридических наук,
 профессор
 vpkam@rambler.ru

В. М. Марузно
 доцент кафедры гражданского
 права ФГБОУ ВО «Кубанский
 государственный аграрный
 университет
 имени И. Т. Трубилина»
 кандидат юридических наук
 vasilisa_amg@mail.ru

РЕЦЕНЗИЯ
НА МОНОГРАФИЮ Ю. Н. АНДРЕЕВА «СОСЕДСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА» (М.: ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НОРМА», 2016. 206 С.)

REVIEW
OF MONOGRAPH BY Y. N. ANDREYEV «NEIGHBOUR
RELATIONS IN CIVIL LAW OF RUSSIA: THEORY AND
PRACTICE». (M.: NORMA PUBLISHING
HOUSE, 2016. 206 P.)

Представленная Андреевым Юрием Николаевичем монография «Соседские отношения в гражданском праве России: теория и практика» является весьма

актуальным исследованием, которое в силу сложившихся обстоятельств долгое время оставалось вне поля зрения исследователей. История и современная действительность показывают, что правовое регулирование соседских отношений благотворно влияет на качество жизни, комфортное проживание людей (соседей). В связи с современными социально-экономическими и политико-правовыми изменениями в нашей стране, увеличением количества объектов частной соседской собственности, неэффективностью мер публично-правового воздействия на поведение соседей существенно возрастает роль гражданско-правового регулирования имущественных и личных неимущественных отношений соседей. Как показало исследование, в совершенствовании нуждаются материальные нормы права, регулирующие права соседей, с целью создания и применения эффективно действующего механизма защиты прав соседей, формирования единообразной судебной практики по разрешению соседских споров.

Структура работы представляется вполне логичной и последовательной, охвачена единым замыслом, что позволило раскрыть содержание и сущность «соседского права». Монографическое исследование включает в себя три главы: генезис «соседского» законодательства в России и за рубежом; современное регулирование соседских отношений в России; судебную защиту прав участников соседских отношений. Однако, на наш взгляд, представляется не совсем точным употребление законодательно закрепленного термина «соседское право» в названии параграфа 2.1 второй главы. Несмотря на многоуровневый характер обсуждаемой темы, автору удалось поднять и решить важнейшие проблемы правового регулирования соседских отношений, сделать определенные аргументированные выводы и предложения. Рецензируемая монография представляет собой серьезное и весьма глубокое исследование основ «соседских» отношений, содержащее важную информацию о наиболее актуальных направлениях развития указанных правоотношений в РФ.

В первую очередь следует отметить проведенный в 1 главе монографии анализ эволюции законодательства, регулирующего соседские отношения, на основе которого автор делает обоснованный вывод о том, что многие из существовавших в древнем римском праве ограничения прав собственника, претерпев модернизацию в связи с развитием рыночных отношений, существуют в ныне действующих правовых системах.

Проведенное Ю. Н. Андреевым исследование является, несомненно, актуальным как для общей теории права, так и для отраслевых наук. В рамках исследуемой проблемы автора, прежде всего, интересует понятие «института соседства» и методологические вопросы определения данного понятия, поскольку в цивилистической доктрине отсутствует его общепризнанная дефиниция (с. 38 монографии).

Значимыми являются рассуждения автора относительно того, что круг соседей включает в себя не только граждан и юридические лица, которые обладают смежными земельными участками, зданиями, строениями, индивидуальными жилыми домами, коттеджами, жилыми и нежилыми помещениями, независимо от правового титула (вида) владения и пользования (собственники, наниматели, арендаторы и т. п.), но и граждан, членов их семей, проживающих по соседству на законных основаниях в квартирах многоквартирных жилых домов (с. 39 монографии).

Для доктрины гражданского права ценность представляет проведенное автором исследование оснований (видов) ограничения права частной собственности, предложенные различными учеными (с. 52–53 монографии).

Интересным представляется вывод автора о том, что публичные сервитуты, предусмотренные нормами земельного законодательства РФ, являются, по существу, не сервитутами, а разновидностью ограничений прав на земельные участки в публичных интересах, общим ограничением права собственности на конкретный объект недвижимости (земельный участок, участок лесного фонда или водный объект) ради прав и законных интересов неопределенного числа лиц, ибо по своей природе, назначению, основаниям и порядку возникновения, субъектному составу они не соответствуют классическим (частным) сервитутам, регулируемым нормами гражданского законодательства. Классические (частные) сервитуты направлены на защиту частных интересов конкретных участников сервитутных (соседских) отношений и возникают на гражданско-правовой основе с помощью сервитутного соглашения, судебного решения. Права же лиц, основанные на условиях публичного сервитута, определяются законом или иными нормативными правовыми (административными) актами (с. 109 монографии).

Интерес вызывает предложение Андреева Ю. Н. о необходимости включения в Гражданский кодекс РФ таких частных сервитутов, как: право пасти скот на чужом земельном участке;

право косить сено на соседнем участке; право заготавливать дрова в лесу, находящемся на земле соседа; право возводить строения с опорой на стену соседского дома; право соорудить балкон или кровельный скат, вторгающиеся в воздушное пространство соседа; право отводить воду со своего земельного участка на соседский, право проводить воду с соседнего земельного участка; право спускать воду со своего земельного участка на нижерасположенный соседний земельный участок; право возводить на своем участке строения выше определенной высоты; право засаживать участок тенистыми деревьями или иными насаждениями, препятствующими доступ солнечного света; право добывать воду из водного источника сверх определенной меры. По мнению автора, внесение указанных дополнений позволит судам и спорящим сторонам более квалифицированно рассматривать возникающие сервитутные споры на добротной правовой основе, эффективнее защищать имущественные права соседей – собственников объектов недвижимости (с. 114 монографии).

Анализируя действующее законодательство, автор, изучив ст. 305 ГК РФ, приходит к выводу о том, что сервитутарий обладает и владельческой защитой, несмотря на то, что согласно отечественной правовой доктрине и законодательству (ст. 274 ГК РФ) сервитутом признается право ограниченного пользования чужой соседской недвижимостью. Как отмечает автор, видимо, следуя традициям римского частного права рассматривать сервитутные права владельческими правами («как бы владение правом» (*iusquasipossession*)), отечественный законодатель пошел по пути признания за сервитутарием права владельческой защиты (права на предъявление негаторных и виндикационных исков) (с.204 монографии).

Исследуемые в монографии вопросы судебной защиты прав участников соседских отношений (с. 116 монографии), на наш взгляд, выходят за цели данного исследования, полагаем уместным посвятить ему самостоятельное исследование.

В монографии использована обширная библиографическая база, изучению подвергнуты множество научных источников и нормативно-правовых актов, находящихся в прямой взаимосвязи с предметом исследования, существенный акцент сделан как на общенаучных, так и прикладных, практически значимых аспектах темы, широко представлены примеры из судебной практики, которые, как правило, удачно иллюстрируют выдвинутые автором теоретические положения.

Таким образом, полагаем, что читатели, серьезно и основательно занимающиеся проблемами «соседского» права, найдут в опубликованном научном труде множество ответов на интересующие их вопросы, получат богатую пищу для размышления и активного обсуждения поднятых автором проблем, получат дополнительную аргументацию для формирования собственных позиций.

Надеемся, что всесторонний анализ и оценка выводов и предложений, нашедших отражение в монографии Ю. Н. Андреева, еще неоднократно станут предметом оживленных научных дискуссий.

Монография «Соседские отношения в гражданском праве России: теория и практика» имеет высокий теоретический уровень, очевидную практическую значимость и будет интересна научным работникам, аспирантам, практикам, студентам и всем, интересующимся данной проблематикой.

Е. М. Тужилова-Орданская
 заведующая кафедрой гражданского
 права института права ФГБОУ ВО
 «Башкирский государственный универ-
 ситет» доктор юридических наук,
 профессор
 ordanskayelena@list.ru

С. А. Параскевова
 профессор кафедры гражданского
 права ФГБОУ ВО «Кубанский
 государственный аграрный
 университет имени И. Т. Трубилина»
 доктор юридических наук,
 профессор
 svet_andr@mail.ru

РЕЦЕНЗИЯ
НА МОНОГРАФИЮ «СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРИОБРЕТЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВ УЧАСТНИКОВ
ГРАЖДАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ»
/ПОД РЕДАКЦИЕЙ Г. С. ДЕМИДОВОЙ,
Т. П. ПОДШИВАЛОВА.
М.: ЮРЛИТИНФОРМ, 2015. 328 С.

REVIEW
OF MONOGRAPH «MODERN PROBLEMS
OF ACQUISITION AND PROTECTION OF RIGHTS
OF PARTICIPANTS OF CIVIL RELATIONS»
/UNDER THE EDITORSHIP OF G. S. DEMIDOVA,
T. P. PODSHIVALOV.
M.: YURLITINFORM, 2015. 328 P.

Эффективность развития современной экономики и стабильность гражданского оборота в большой мере зависят от того, насколько четко закреплены на законодательном уровне положения о приобретении гражданских

прав. Ввиду глобальности и стремительности происходящих в обществе и законодательстве изменений, формирование действенной системы юридических средств, образующих механизм приобретения гражданских прав, представляется особенно актуальным. Невнимание к этим вопросам способно привести к серьезным последствиям, подрывающим доверие к государственным институтам, создать ощущение незащищенности личности от нарушения ее прав¹. Анализ нововведений гражданского законодательства и правоприменительной практики свидетельствует о необходимости совершенствования способов и средств приобретения физическими и юридическими лицами гражданских прав, обеспечивающих их интересы и потребности, и соответственно, возрастает интерес к теоретическим исследованиям обозначенных вопросов².

В современных условиях гражданского оборота для удовлетворения имущественных интересов лиц не достаточно только приобрести гражданские права, необходимо создание и действие системы мер для обеспечения защищенности этих приобретенных прав. Во многом именно в этом и заключается актуальность рецензируемой монографии³, являющейся исследованием взаимодействия институтов гражданского права, связанных с приобретением и защитой прав участников гражданских отношений.

Не менее важна и адекватная защищенность прав участников гражданских отношений. Защита гражданских прав осуществляется правовыми мерами, содержанием которых является закрепление в законодательстве прав и свобод граждан и иных лиц, правовое регулирование правоотношений, организация и деятельность судопроизводства, процессуальное урегулирование порядка рассмотрения споров и т. д.⁴. Именно исходя из такого понимания многоаспектности защиты гражданских прав допу-

¹ Емелькина И. А. Интересы бизнеса в условиях реформы гражданского законодательства о вещных правах // Журнал российского права. 2015. № 1 (217). С. 49.

² Камышанский В. П. О Модернизации гражданского законодательства и правовом нигилизме // Актуальные проблемы гражданского права. 2013. С. 8.

³ Современные проблемы приобретения и защиты прав участников гражданских отношений: Монография / под ред. Г. С. Демидовой, Т. П. Подшивалова. М.: Юрлитинформ, 2015. 328 с.

⁴ Дашин А. В. Особенности трансформации частного права в условиях реформирования правовой системы России // Современная научная мысль. 2013. № 3. С. 132.

стимо исследование ее теоретических и практических проблем в самых разнообразных объемах и направлениях.

Представленная монография являет собой органичный симбиоз исследования различных аспектов приобретения и защиты гражданских прав. Именно такое сочетание придает книге оригинальность и вызывает заслуженный научный и практический интерес.

Работа основана на обширном научном и практическом материале, написана на высоком профессиональном уровне, отражает базовые характеристики рассматриваемых институтов. Логична структура монографии, позволившая гармонично сочетать материально-правовые и процессуальные аспекты заявленной темы. Разнонаправленное исследование отдельных аспектов объединено общей целью – наиболее полное освещение проблем приобретения и защиты прав участников гражданского оборота.

Поскольку книга подготовлена коллективом авторов с достаточно высокой научной квалификацией, у каждого из них прослеживается вполне определенное мнение по многим спорным вопросам, которых при исследовании такой сложной проблемы, как приобретение и защита гражданских прав, возникает достаточно много. Этим объясняются различные точки зрения на ряд проблем. Тем не менее, в монографии в целом выдержана единая концепция приобретения и защиты прав участников гражданских отношений.

Материал в книге совершенно логично распределен по двум большим разделам – «Приобретение гражданских прав» и «Защита гражданских прав». Каждый из разделов включает главы, сформированные из параграфов, тематически близких по направлению научных исследований.

Глава первая первого раздела посвящена приобретению вещных прав. Здесь рассматриваются такие актуальные на сегодняшний день вопросы, как совершение действий в обход закона при приобретении и отчуждении права собственности и специфика возникновения права собственности на самовольную постройку. Своевременность именно этих наиболее запутанных и сложных для понимания и разрешения правовых проблем не вызывает сомнений. Следует согласиться с обоснованным выводом о том, что введение в гражданское законодательство Российской Федерации запрета на обход закона стало очень важным шагом с точки зрения фактической реализации принципа добросовестно-

сти, являющегося своеобразным «ограничителем» для свободы договора и автономии воли сторон, а также с точки зрения реального соблюдения участниками гражданского оборота императивных норм. Как логическое продолжение такого понимания воспринимается обоснование правомерных способов приобретения права собственности на самовольную постройку.

Следующая глава освещает проблемы, связанные с приобретением наследственных прав как в историческом аспекте, так и в современный период. Достаточно подробно описывается механизм приобретения наследственных прав, разрешается вопрос о коллизии норм наследственного права о множественности оснований наследования путем разграничения понятий «основания наследования» и «основания призвания к наследству», предлагаются критерии оценки действий наследников по фактическому принятию наследства (этот вопрос относится к числу наиболее проблемных в нотариальной и судебной практике).

Завершающая первый раздел третья глава раскрывает соотношение норм гражданского законодательства о приобретении и защите гражданских прав. В данной части монографии органично сочетаются общетеоретические воззрения понимания оснований приобретения, осуществления и защиты гражданских прав и исследование отдельных аспектов возникновения таких вещных прав, как сервитут и право собственности.

Во втором разделе книги сосредоточен материал о материально-правовых и процессуальных проблемах защиты гражданских прав.

Первая глава, названная «Теоретические проблемы защиты гражданских прав и соотношение мер защиты и мер ответственности», имеет, однако, не только сугубо теоретическую направленность, но и затрагивает насущные практические вопросы, особенно в последнем параграфе главы, где раскрывается эффективность компенсационной функции процентов за пользование чужими денежными средствами как меры защиты в контексте их применения к охранительным притязаниям. Естественный интерес вызывает такой не специфичный для цивилистики аспект, как дискретность правового регулирования применения гражданско-правовых средств защиты и мер ответственности.

Для конкретного индивида всегда важна защищенность его субъективных прав, в связи с этим вполне уместно включение в монографию главы о проблемах защиты прав отдельных участников гражданских отношений. Авторами предложено разрешение

проблемных моментов защиты прав физических лиц как участников наследственных правоотношений, как супругов, в аспекте их имущественных прав, а также защита права женщины на репродуктивный выбор с учетом современных правовых реалий.

Обращает на себя внимание превалирование в монографии вопросов, посвященных вещным правам, что объясняется направленностью научных интересов большей части авторского коллектива. Логично поэтому появление в книге специальной главы, посвященной решению проблем защиты вещных прав, где помимо исследования дискуссионных аспектов виндикационного правоотношения, спорных моментов применения негаторного иска и соотношения иска о признании права собственности с иными вещными исками, раскрывается концепт «вещные права» в юридическом дискурсе.

Глава четвертая «Процессуальные аспекты защиты интересов участников гражданского оборота» воспринимается как естественное завершение заявленной темы, поскольку органы судебной власти призваны оказать непосредственную защиту нарушенных прав.

Особо следует отметить последовательность работы редакторов над монографией. Так, судя по публикациям, ими проделан большой объем научных исследований по вопросам приобретения и защиты гражданских прав, предшествующих изданию книги. Ими опубликованы в периодических изданиях работы, посвященные исследованию вопросов приобретения прав из договорных отношений¹, приобретения и защиты наследственных прав², злоупотреблений и обходе законов при приобретении и защите гражданских прав³, приобретения и оспаривания прав на не-

¹ См.: Демидова Г. С. Некоторые особенности договора страхования // Проблемы права. 2014. № 3. С. 100-106; Демидова Г. С. К вопросу о понимании содержания договора страхования // Юрист. 2006. № 10. С. 35-38.

² См.: Демидова Г. С., Лисицына Е. А. Комментарий отдельных положений постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о наследовании» // Цивилист. 2012. № 4. С. 15-19.

³ См.: Подшивалов Т. П. Запрет обхода закона в российском гражданском законодательстве и судебной практике // Вестник гражданского права. 2015. № 2. С. 87-115.

движимое имущество¹, защиты вещных прав и применения вещных исков².

Подводя итог анализа рецензируемой монографии, следует подчеркнуть, что новизна и оригинальность идей работы заключается в комплексности исследования проблем приобретения и защиты гражданских прав, пропорциональном сочетании теоретических и прикладных аспектов, верно определенной системности и структурированности излагаемого материала.

Исследование, результатом которого стала рецензируемая работа, проведено на основе широкой базы нормативных актов и литературных источников. Свои теоретические рассуждения авторы умело иллюстрируют примерами из судебной практики Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Федерального Арбитражного Суда Уральского округа и судов иных регионов.

Значимость рецензируемой работы состоит в том, что положения и выводы, полученные в ходе исследования, могут служить основой для совершенствования российского законодательства, регулирующего приобретение и защиту гражданских прав. Содержащиеся в работе предложения могут быть использованы в дальнейшей научной разработке затронутых проблем, а также будут полезны в правоприменительной деятельности.

Рецензируемая монография как обстоятельное высокопрофессиональное освещение научных проблем, существующих в рамках заявленной тематики, безусловно, заслуживает высокой положительной оценки. Рецензируемая монография, несомненно, может заинтересовать читателей.

Библиографический список

1. Камышанский В. П. О модернизации гражданского законодательства и правовом нигилизме // Актуальные проблемы гражданского права. 2013. С. 8-16.
2. Демидова Г.С. Ограничения права собственности граждан на жилые помещения // Известия вузов. Правоведение. 2001. № 5. С. 64-71.

¹ Демидова Г. С. Ограничения права собственности граждан на жилые помещения // Известия вузов. Правоведение. 2001. № 5. С. 64-71.

² Демидова Г. С. Проблемы защиты вещных прав // Цивилист. 2013. № 2. С. 119-122.

3. Демидова Г. С. Некоторые особенности договора страхования // Проблемы права. 2014. № 3. С. 100-106.
4. Дашин А. В. Особенности трансформации частного права в условиях реформирования правовой системы России // Современная научная мысль. 2013. № 3. С. 129-135.
5. Демидова Г. С. Проблемы защиты вещных прав // Цивилист. 2013. № 2. С. 119-122.
6. Демидова Г. С., Лисицына Е. А. Комментарий отдельных положений постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о наследовании» // Цивилист. 2012. № 4. С. 15-19.
7. Емелькина И. А. Интересы бизнеса в условиях реформы гражданского законодательства о вещных правах // Журнал российского права. 2015. № 1 (217). С. 46-54.
6. Подшивалов Т. П. Запрет обхода закона в российском гражданском законодательстве и судебной практике // Вестник гражданского права. 2015. № 2. С. 87-115.
11. Современные проблемы приобретения и защиты прав участников гражданских отношений: Монография / под ред. Г. С. Демидовой, Т. П. Подшивалова. М., 2015. 328 с.

З. И. Цыбуленко

профессор кафедры
гражданского права ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная
юридическая академия»
доктор юридических наук,
профессор
cybulenko@bk.ru

В. Г. Ротань

профессор кафедры
гражданского и трудового права юри-
дического факультета
Таврической академии
(структурное подразделение) ФГАОУ
ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»
доктор юридических наук
v.g.rotan@mail.ru

РЕЦЕНЗИЯ

**НА УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ ПОТАПЕНКО С. В.,
ЗАРУБИНА А. В. «НАСТОЛЬНАЯ КНИГА СУДЬИ
ПО СПОРАМ О ПРАВЕ СОБСТВЕННОСТИ»
/ ПОД РЕД. С. В. ПОТАПЕНКО.
М.: ПРОСПЕКТ, 2016. 248 С.**

REVIEW

**OF «HANDBOOK OF JUDGES IN DISPUTES
OF OWNERSHIP» (AUTHORS: S. V. POTAPENKO AND
A. V. ZARUBIN) / UNDER THE EDITORSHIP OF S. V.
POTAPENKO. MOSCOW: PROSPECT, 2016. 248 P.**

Вопросы права собственности были и остаются центральными в гражданском праве. Интерес к ним вызван социально-экономической значимостью отношений присвоения, а также их весьма широким распространением, богатой ис-

торией становления института права собственности, и, несмотря на все это, множеством теоретических и сугубо практических проблем. Нельзя сказать, что институт права собственности исследован мало или недостаточно всесторонне. Научная и прикладная литература всегда уделяла внимание данной проблематике. Однако идет время, корректируются научные подходы к разрешению тех или иных проблем, складываются новые собственнические отношения, появляются новые способы противоправного завладения чужой собственностью и методы борьбы с этим. В общем, жизнь продолжается и продолжается изучение права собственности. Одной из наиболее заметных работ в данном направлении является «Настольная книга судьи по спорам о праве собственности», написанная С. В. Потапенко и А. В. Зарубиным и переизданная в 2016 г.

«Настольная книга судьи по спорам о праве собственности» обращает на себя внимание тесным переплетением теории и практики, что делает ее полезной для широкого круга читателей. Зачастую происходит так, что наука гражданского права развивается сама по себе, теоретические работы отрываются от жизни и смысл выражения Гете, вложенный в уста Фауста: «Суша, мой друг, теория везде, А древо жизни пышно зеленеет!», становится понятными, как никогда. В свою очередь, практики нередко безразлично относятся к опыту, накопленному учеными-цивилистами, пытаются изобрести то, что давно известно. «Настольная книга судьи по спорам о праве собственности» избежала подобных ошибок. Хотя она фактически и построена по принципу комментария Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (далее – Постановление Пленума 10/22, Постановление, Пленум), однако опирается на фундаментальные теоретические разработки в области права собственности. Авторы, например, обращаются к трудам Г. Ф. Шершеневича, И. Н. Трепицына и многих других.

Несмотря на свое название, книга преимущественно рассматривает проблемы защиты права собственности. Этим и обусловлена ее структура. Работа состоит из девяти разделов. В первом освещаются такие наиболее общие вопросы, как понятие права собственности и способы его защиты, а также процессу-

альные особенности рассмотрения споров, связанных с правом собственности. Второй раздел посвящен проблемам приобретения права собственности. В третьем речь идет о спорах, связанных с применением правил о приобретательной давности. Четвертый раздел рассказывает о самовольных постройках. В нем, в частности, идет речь об условиях признания права собственности на самовольную постройку, надлежащих сторонах спора, проблематике распространения норм о самовольной постройке на объекты незавершенного строительства. Виндикационному иску посвящен пятый раздел. Здесь раскрываются некоторые процессуальные особенности рассмотрения данного иска, а также затрагиваются проблемы добросовестности и возмездности приобретения имущества, а также некоторые аспекты, касающиеся воли на отчуждение. Шестой раздел описывает проблематику споров об устранении нарушений прав, не связанных с лишением владения. В седьмом разделе затрагиваются споры об освобождении имущества от ареста. Следующий – восьмой раздел посвящен некоторым особенностям защиты права собственности на недвижимое имущество. Здесь идет речь об исках о преодолении зарегистрированных прав на недвижимое имущество: о признании права собственности на недвижимое имущество, о государственной регистрации перехода права собственности, об оспаривании отказа в регистрации права собственности и других. Завершает работу раздел, посвященный спорам о правах на земельные участки, на которых расположены многоквартирные дома.

Формат комментария предполагает связанность авторов с теми положениями, содержание которых они пытаются донести читателю, поэтому зачастую вместо комментария попадает пересказ нормативных положений, разбавленный примерами из практики. Авторы настольной книги поступили совершенно иначе. Они не только «перевели» Постановление Пленума № 10/22 на понятный язык, но и объяснили, чем обусловлено то или иное положение, как они связаны между собой, расходятся ли взгляды науки и практики по конкретным вопросам и так далее. Кроме того, выводы, сделанные применительно к тому или иному тезису Постановления, оказываются полезными при изучении других правовых институтов, далеких от права собственности, что во много раз увеличивает ценность настольной книги. Например, рассказывая об обстоятельствах, препятствующих виндикации, авторы подробно анализируют понятие возмездности, делая вы-

воды, способные прояснить многие вопросы в области обязательственно-правовых отношений.

Иногда авторы отмечают недосказанность Постановления и пытаются ответить на вопрос, как устранить имеющиеся пробелы. В частности, комментируя п. 13 Постановления Пленума № 10/22, С. В. Потапенко и А. В. Зарубин указывают, что нашло закрепление положение, согласно которому право собственности возникает у добросовестного приобретателя не только когда вступило в законную силу решение суда об отказе в виндикации, но и когда прежний собственник с иском об истребовании не обращался или оснований для его удовлетворения не имеется. При этом авторы совершенно справедливо задаются вопросом, каким образом должны устанавливаться данные обстоятельства и находят вполне закономерный ответ: путем предъявления иска о признании права собственности. Кроме того, комментаторы предлагают распространить действие п. 15 Постановления Пленума № 10/22 в той части, в которой говорится о времени владения, на случаи, когда имущество в силу порочного основания находилось у другого лица.

Подчеркивая не только прикладную, но еще и научную направленность настольной книги, авторы нередко обращаются к вопросу становления рассматриваемых правовых институтов. Например, рассказывается об институте приобретательной давности в римском частном праве и его современном состоянии. Аналогичным образом повествуется о категории добросовестности (п. 38). Своеобразными «историческими» отступлениями можно назвать обращения С.В. Потапенко и А.В. Зарубина к Концепции развития гражданского законодательства, а также проекту Пленума №10/22. Так, комментируя п. 27, авторы указывают, что в проекте предлагалось допустить возможность признания за наследодателем права собственности на самовольную постройку, однако в итоге Пленум закрепил положение, согласно которому с таким требованием может обратиться наследник и только в отношении себя, что вполне логично. Подобные отступления авторов весьма полезны и помогают понять суть существующих положений Постановления через тот путь, который проделала к ним высшая судебная инстанция.

Нашлось место в настольной книги и критике. Так, комментаторы отрицают бытующий в науке тезис о том, что право собственности в силу приобретательной давности возникает произ-

водным способом. Они полагают, что среди условий возникновения права собственности в силу приобретательной давности нет места для воли прежнего собственника, следовательно, мы имеем дело с первоначальным способом приобретения права.

Весьма интересным представляется взгляд на проблему защиты давностного владения. Комментарий в этой части выходит за пределы буквального толкования не только п. 17 Постановления Пленума №10/22, но и п. 2 ст. 234 ГК РФ. Так, авторы добавляют, что для защиты необходимо наличие полного состава, необходимого для приобретения права собственности, за исключением двух элементов: срока и непрерывности. Одновременно отмечается, что давностное владение хоть и защищается как фактическое состояние, нельзя лишать защиты, если вещь выбыла из обладания. В этом случае защита может осуществляться путем повторного введения во владение. С таким мнением можно согласиться.

Значительное место в работе отведено проблемам признания права собственности на самовольные постройки. Авторы разъясняют, кто является уполномоченным и обязанным лицом по требованию о сносе самовольной постройки либо о признании права собственности на нее; какое место среди них занимают публичные органы; как решение о сносе затрагивает зарегистрированные права. обстоятельно описываются признаки самовольной постройки и условия признания права собственности на нее, в том числе наследниками. Существенное практическое значение имеет разъяснение природы реконструкции, переустройства и перепланировки, а также применение к этим случаям правил самовольной постройки.

Квинтэссенцией соединения теории и практики стал раздел, посвященный спорам об истребовании имущества из чужого незаконного владения. В частности, объясняя, почему Постановление видит в надлежащем ответчике не только обладателя вещи, но и временного владельца (п. 32), С. В. Потапенко и А. В. Зарубин обращаются к теории двойного владения, фигурам прямого и производного, а также самостоятельного и зависимого владельца. Анализируя понятие добросовестности, авторы начинают с римского права и общих характеристик, а заканчивают конкретными примерами того, в каких случаях суд признавал добросовестным того или иного приобретателя. Интересным получился комментарий п. 38 Постановления Пленума 10/22. Здесь авторы растолковали, почему учитывается воля в делах об истребовании

имущества (баланс интересов) со ссылкой на авторитетные научные работы в области гражданского права и предложили разрешение вполне конкретных вопросов, возникающих на практике, например, относительно влияния на виндикацию недействительных сделок с пороками воли. Тонкое различие проведено комментаторами между волей на заключение договора и волей на передачу владения. Нашлось место и для описания особенностей виндикации доли в праве общей долевой собственности, что очень распространено на практике и так мало описано в научной литературе. Затронут весьма дискуссионный вопрос соотношения виндикационного и реституционного иска. Развенчав широко распространенное заблуждение о том, что истребование имущества из чужого незаконного владения невозможно путем предъявления ряда реституционных исков, авторы совершенно справедливо отметили, что ни Постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6-П, ни Постановление Пленума № 10/22 таких ограничений не содержат. Единственное условие, которое должно соблюдаться в том и другом случае – учет добросовестности приобретателя.

Очень содержательным получился раздел, касающийся негаторного иска. В нем С. В. Потапенко и А. В. Зарубин проследили историю становления данного института, начиная с римского права, и описали его нынешнее положение. Комментарии содержат четкое указание на уполномоченный и обязанный субъект, условия удовлетворения негаторного иска, его соотношение с другими способами защиты и многие другие моменты.

Научную ценность представляют исследования авторов, касающиеся государственной регистрации прав на недвижимое имущество. Ими подробно описана правовая природа зарегистрированного права (п. 52), способы преодоления зарегистрированного права, проанализирована возможность признания недействительным зарегистрированного права и совершенно справедливо отмечена такая возможность. Уделено внимание иску о государственной регистрации перехода права собственности, признании зарегистрированного права отсутствующим и многим другим вопросам. Приведено очень подробное обоснование положения Постановления о том, что невнесение покупателем оплаты по договору, на основании которого зарегистрирован переход права собственности на недвижимое имущество, не является основанием для расторжения договора; в этом случае продавец

вправе требовать лишь исполнения денежного обязательства (п. 65). С. В. Потапенко и А. В. Зарубин рассматривают данную проблему во взаимосвязи с положениями Гражданского кодекса РФ, касающимися оснований изменения и расторжения договора (ст. 450 ГК РФ), общих положений купли-продажи (ст. 454 ГК РФ), оплаты товара (ст. 486 ГК РФ), а также практикой Верховного Суда РФ по конкретным делам, что еще раз свидетельствует о комплексном подходе к комментированию Постановления.

Огромную актуальность имеет завершающий раздел настольной книги, посвященный спорам о правах на земельные участки, на которых расположены многоквартирные жилые дома.

Значимость разработок в данном направлении заключается, с одной стороны, в большом количестве прикладных проблем. Достаточно оглядеться вокруг, чтобы понять – большинство населения нашей страны проживает в городах; в свою очередь, городские жители, и это сложилось исторически, занимают многоквартирные дома. Являясь собственниками квартир, они владеют и земельным участком под домом, а также прилегающей землей. Такое владение довольно хлопотно. Сособственники вынуждены взаимодействовать между собой, с органом местного самоуправления – собственником муниципальной земли и всеми теми, кто пытается завладеть экономически интересными участками в зоне жилой застройки.

С другой стороны, проблематика мало интересна науке. У нее нет обширной истории и теоретической базы. Отсутствие крепкого фундамента влечет разноречивую в правоприменительной деятельности. Разрешению данных проблем посвящен комментарий п. 66, 67 Постановления Пленума. В нем разъяснено, кто вправе сформировать земельный участок, в какой момент возникает право собственности на него, допускается ли защита прав жильцов многоквартирного дома, если земельный участок не сформирован и в отношении него не проведен государственный кадастровый учет.

Конечно же, работа не лишена недостатков. Несмотря на то, что в Гражданский кодекс РФ в 2013 г. были внесены изменения, касающиеся государственной регистрации сделок, данные изменения не были учтены в полной мере в тексте учебного издания, а также некоторых отдельных федеральных законов, в том числе федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» от 13 июля 2015 г № 218-ФЗ и некоторые другие.

Рецензия на учебное издание Потапенко С. В., Зарубина А. В.
«Настольная книга судьи по спорам о праве собственности»
/ под ред. С. В. Потапенко

Однако он не может испортить общего положительного впечатления о настольной книге. В итоге, можно смело утверждать, что «Настольная книга судьи по спорам о праве собственности» получилась вполне солидным трудом, посвященным проблематике собственности и ее защите, полезным не только для практиков, но и для ученых, а также студентов и всех тех, кого привлекают вопросы цивилистики.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В ЖУРНАЛЕ «ВЛАСТЬ ЗАКОНА»

1. Подписанная заявка от каждого автора и текст статьи в формате Microsoft Word в электронном виде направляются в редакцию журнала по e-mail: vzlaw@yandex.ru для проверки на соответствие формальным критериям.

2. Текст публикации должен быть набран в текстовом редакторе Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25 см, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой.

3. Объем статьи должен быть не менее 6 страниц, но не более 15 страниц – для аспирантов и соискателей; 20 страниц – для авторов, имеющих степен ь кандидата или доктора наук.

4. Количество авторов одной статьи не должно превышать трех человек.

5. Статья должна иметь рецензию, подписанную доктором наук. Дополнительно научная статья проходит рецензирование согласно Правилам о рецензировании статей, утвержденным решением главного редактора журнала от 20 ноября 2015 года. Редакция предоставляет услуги по рецензированию статей в случае невозможности автором предоставления рецензии доктора наук. Оригинал рецензии, заявки, статьи в печатном виде, подписанной автором, после принятия решения о публикации направляются по адресу: г. Краснодар, 350044, улица Калинина, 13, главный корпус ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», кабинет 307 (получатель – профессор Камышанский Владимир Павлович).

6. Статья должна содержать следующие элементы, оформленные в соответствии с требованиями журнала:

- индекс УДК;
- заглавие статьи на русском и английском языках
- фамилии и инициалы автора(-ов) на русском и английском языках;
- должность и место работы автора(-ов) на русском и английском языках;
- аннотацию на русском языке, выполненную по требованиям журнала.

Для размещения на англоязычной версии сайта журнала и в системе РИНЦ необходим качественный перевод аннотации и названия статьи на английский язык, с соблюдением грамматических и орфографических правил. Перевод с помощью компьютерных программ и сайтов не допускается. Перевод может осуществляться редакцией при оплате данных услуг. Аннотация должна быть информативной (не содержать общих слов), оригинальной, содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований), структурированной (следовать логике описания результатов в статье), компактной (укладываться в объем от 50 до 100 слов);

- 5–10 ключевых слов на русском и английском языках;

- список использованной литературы: в оригинальной научной статье необходимо упоминание не менее 7 источников, имеющих автора. Федеральные и иные законы не приводятся в списке литературы (библиографическом списке). Самоцитирование автора допускается в объеме не более 10% от общего количества цитирования и списка литературы (библиографического списка). Электронные ресурсы, в которых не указан автор материала, статистические сборники, нормативно-правовые акты указываются в постраничных сносках и в список использованной литературы не выносятся;

- в статье должны быть сноски на литературу, оформленные согласно списку литературы.

7. Все ссылки должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования». Ссылки в тексте – постраничные, шрифт ссылок – Times New Roman, размер шрифта – 12, одинарный межстрочный интервал.

8. Настоятельно рекомендуем ознакомиться с трудами главного редактора, заместителя главного редактора, членов редакционной коллегии и редакционного совета по тематике работы и привести в научной статье не менее двух ссылок на труды названных ученых. Ознакомиться с трудами указанных ученых можно на сайте АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права» (<http://niiapsp.ru>) или в системе РИНЦ (<http://elibrary.ru>), осуществив поиск по ключевым словам.

9. После проверки подписанный автором(-ами) экземпляр статьи и оригиналы всех сопроводительных документов (заявка и рецензия) предоставляются по адресу: г. Краснодар, 350044, улица Калинина, 13, главный корпус ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», кабинет 307 (получатель – профессор Камышанский Владимир Павлович).

Бумажные варианты всех документов должны полностью соответствовать электронным.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Уведомляем вас о появлении возможности
приобретения научно-практического журнала
«Власть Закона»
в интернет-магазине: www.niapsr.ru

Стоимость продукции:

ОДИН КВАРТАЛ (1 ВЫПУСК) – 400 РУБ.

ПОЛУГОДИЕ (2 ВЫПУСКА) – 700 РУБ.

ОДИН ГОД(4 ВЫПУСКА) – 1100 РУБ.

С уважением, редакция журнала!

Наши партнеры!

Уважаемые партнеры!

Рады представить Вашему вниманию новый взгляд на достойное будущее.

«Фонтаны» – это современный жилой комплекс, где все спроектировано с максимальной заботой о Вашем комфорте:

- 1-, 2- и 3-комнатные квартиры с интересными планировками;
- панорамное остекление;
- сплит-системы в каждой квартире;
- охраняемая территория находится под видео-наблюдением;
- паркинг;
- клубную атмосферу создает поднятый на уровень 4,5 м над землей и изолированный парк семейного отдыха;

• комплексное обслуживание домов осуществляет профессиональная управляющая компания.

Завершающим штрихом данного комплекса являются импультные фонтаны, расположенные на территории собственной зоны отдыха.

В подарок нашим жильцам – картинный вид на главное географическое достояние – реку Кубань и «легкие» города – парк «Солнечный остров».

УСЛОВИЯ ОПЛАТЫ

- 100% оплата
- Ипотека
- Военные сертификаты
- Сертификаты материнского капитала
- Рассрочка

ИПОТЕКА

СБЕРБАНК

ГАЗПРОМБАНК

Магазин квартир
г.Краснодар,
ул.Воронежская,47.

ЖК «ФОНТАНЫ»

www.jkffn.ru | 233577702337711

www.jkffn.ru | 233577702337711

www.jkffn.ru | 233577702337711